

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 2 (248)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2013**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 2 (248). – 168 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Михаил Виноградов.</i> Взгляд за околицу. (Внешняя политика глазами российской элиты за пределами профильных ведомств).....	5
<i>К. Захаров и коллектив авторов.</i> Политизация ислама как фактор обострения общественных отношений в России. (Окончание)	17

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Борис Аксюмов.</i> Идеологические основы религиозно- политического экстремизма и терроризма на Северном Кавказе.....	39
<i>Рафик Усманов.</i> Современный политический процесс в Каспийском регионе в контексте международных отно- шений. (Взгляд из России)	47
<i>Ибрагим Ибрагимов.</i> Внешняя политика Азербайджана	55
<i>Шамшадин Керим, Алий Альмухаметов.</i> Ислам в совре- менном Казахстане	64
<i>Г. Шульга.</i> Культурологический аспект в формировании единого евразийского пространства: Взгляд из Таджикистана.....	71
<i>Рафик Сайфулин.</i> Как рождаются мифы? Взгляд из Ташкента на ОДКБ и Центральную Азию	75

<i>А. Клименко.</i> Центральнoазиатский вектор политики КНР: Интересы Китая и его влияние на стратегическую ситуа- цию в регионе	80
--	----

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>М. Николаева.</i> Современный Ливан	88
<i>Изабелла Кончак.</i> Мусульманские организации в Польше	95
<i>А. Филоник.</i> Дестабилизация в арабском мире и западный фактор	108

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Александр Джумаев.</i> «Двойственность сознания» и евразийский синдром. (Национальные традиции выживания)	135
<i>В. Наумкин.</i> Диалог между культурами как средство преодоления страха	150
<i>Ариф Алиев.</i> Курайшиты: Историко-генеалогический справочник. (Предисловие)	160

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Михаил Виноградов,
президент фонда «Петербургская политика»
ВЗГЛЯД ЗА ОКОЛИЦУ
(Внешняя политика глазами российской элиты
за пределами профильных ведомств)

За 20 лет существования новой России ее положение в мире радикально изменилось. Уровень интегрированности в мировой экономический, политический, культурный, научный, спортивный контекст достиг уровня, беспрецедентного за всю историю страны. Скорость такого вовлечения была существенно выше среднемировых темпов глобализации. Зарубежную географию в России перестают изучать как астрономию – отрасль знаний хотя и интересную, но в обозримом будущем заведомо далекую от практических потребностей.

Картины внешнего мира

Серьезные изменения претерпела и внешняя политика. Вовлечение в ситуацию на мировых рынках, активизация, помимо традиционных партнеров, отношений с Латинской Америкой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (вплоть до экзотических Науру и Тувалу), погружение в вопросы практического нераспространения ядерного оружия, участие в выработке правил игры в различных сферах, унификация экологических стандартов, увеличение количества стран с безвизовым режимом въезда... Вот лишь самые очевидные признаки открытия России зарубежным партнерам.

Конечно, количество перерастало в качество далеко не во всех случаях. Наоборот, повышение открытости происходило параллельно со своеобразным ростом самоизоляции. Сегодня не только рядовой обыватель, но и многие журналисты, педагоги, чи-

новники слабо представляют себе, кто занимает пост президента Болгарии или даже премьер-министра Великобритании. Достаточно посмотреть выпуски телевизионных новостей, чтобы убедиться, насколько низок общественный интерес к содержанию мировых процессов.

Причины этого понятны – от деполитизации общественного мнения, которая продолжалась долгие годы, до утраты внятного представления о целеполагании деятельности на международной арене, очевидного прежде, во время пребывания в статусе сверхдержавы. В этих условиях архитекторы российской внешней политики получили свободу рук: они сами себе ставили задачи, реализовывали их и – самое главное – сами же оценивали эффективность проделанной работы. За исключением узкого экспертного круга общество и элиты от такой оценки, по сути, самоустранились. Отдельные всплески внимания (Балканы, украинская революция, российско-грузинская война, кризис в еврозоне, споры о мультикультурализме, создание в Москве международного финансового центра) только подтверждали общую хаотичность интереса к глобальному контексту.

Обсуждение внешнеполитических реалий в неформальном общении внутри элиты – сегодня большая редкость. Исключением становятся только отдельные крайне чувствительные для истеблишмента и непосредственно связанные с внутренней ситуацией темы вроде вовлечения Лондонского суда в конфликт Березовского с Абрамовичем или «списка Магнитского». Обычно это происходит в тех случаях, когда напрямую затрагивается, пользуясь термином политолога А. Рябова, желание российских правящих слоев быть глубоко интегрированными в мировую капиталистическую элиту. Однако, несмотря на очевидность этого стремления, привычка пристально наблюдать международные процессы так и не сформировалась. В лучшем случае с годами появилась традиция посматривать по утрам телеканал «Евроныюз».

В результате за международными процессами в России принято следить не намного внимательнее, чем за мировыми рынками (где зачастую ситуация представляется весьма приблизительно – с разбросом оценок на уровне «плюс-минус 20 долл. за баррель») или за новостями технических новинок (чаще всего интересуются разработкой девайсов той марки, к которой привык и лоялен).

Наверное, на этих не самых оптимистичных выводах можно было бы остановиться, констатируя исчерпанность предложенной редакцией темы. Ведь большая часть элиты так или иначе не ощущает собственной причастности к выработке внешнеполитического курса и склонности на этот счет вовсе не демонстрирует.

Однако, несмотря на все вышесказанное, надо признать: некоторые (пусть пунктирные и стереотипные) представления о международной реальности, безусловно, имеются. А ряд вопросов и практик (например, легализация капиталов, возможность визовых санкций и т.п.) и вовсе имеют для многих представителей истеблишмента определяющее значение. Кроме того, есть группы интересов, рассчитывающие, что их позиция, так или иначе, будет учитываться при формировании внешнеполитического курса. Речь идет прежде всего о приграничных регионах, активных на мировом рынке финансово-промышленных группах, лоббистах крупных государственных проектов, религиозных общинах.

Увы, предпринимаемые время от времени попытки осмысления ситуации во внешнем мире и внешней политике не перерастают в проекты формулирования национальных интересов и целей внешнеполитического курса. Тем не менее можно говорить о сосуществовании восьми «типовых картин мира» на этот счет. Их выделение основано на экспертной реконструкции.

За пределами таблицы осталось множество резонансных точек зрения, которые хотя и присутствуют в медиаполе, но заметного распространения не получают. В их числе – поддержка «русского мира», однозначная солидаризация с одним из ключевых игроков мировой политики (Запад, Китай, исламский мир), представление о нецелесообразности расходования ресурсов на международные проекты, ставка на взаимодействие с передовыми странами для доступа к технологиям и инновациям и т.п. В чистом виде такие концепции весьма редко встречаются среди элит, а в отдельных случаях воспринимаются как утопические (например, проекты В. Якунина по усилению акцента на православной тематике в международных отношениях).

Экспертная реконструкция представлений российского и оптимальных целях

<i>«Картина мира» / Актуальная тема повестки дня</i>	<i>Боевые действия в Сирии</i>
1	2
1. Обмен сигналами. Исходит из того, что демонстрация страной убежденности в силе, последовательности, моральной обоснованности своей позиции – это самый эффективный способ адаптации внешней политики к существующим правилам игры: чем самоувереннее выглядишь – тем больше тебя уважают, слабость показывать нельзя	Россия должна демонстрировать, что она важный игрок. Поэтому нужно помогать Башару Асаду
2. «Осажденная крепость». Чаше всего предполагает биполярную картину мира, воспроизводящую реальность 70-х годов XX века	Однозначная солидаризация с противниками США – Сирией и Ираном – под лозунгом «Следующей может стать Россия»
3. «Давай меняться». Рассматривает внешнюю политику как набор краткосрочных шагов, нацеленных на принуждение к взаимным уступкам и не ориентированных на достижение стратегических целей и интересов	Ужесточать антиамериканскую позицию с возможностью последующего размена на уступки по темам, не связанным с ситуацией на Ближнем Востоке
4. «Атмосфера решает все». Во многом напоминает модель «Размен как самоцель», однако предполагает иную последовательность действий с акцентом на готовность к односторонним уступкам в обмен на создание комфортной атмосферы, облегчающей получение ответных уступок по реально значимым вопросам	Избегать солидаризации с Сирией, предоставляя западным партнерам возможность реализовать собственную тактику и (в случае ее успеха) использовать несопротивление Москвы как преимущество в переговорах с США и западноевропейскими странами

истеблишмента о правилах игры во внешней политике российской дипломатии

<i>Евразийский союз</i>	<i>Перезагрузка с США</i>	<i>Отношения с Китаем</i>
3	4	5
Проект Евразийского союза – наш ответ на попытки экспансии на постсоветское пространство. Демонстрация Россией наличия у нее зоны особых интересов – признак силы	Перезагрузка – не самый удачный термин, поскольку она предполагает признание прежних ошибок обеими сторонами. Потребность в перезагрузке есть у США. Россия может ограниченно подыгрывать этой риторике, если Америка пойдет на уступки	Сотрудничество с Китаем дает России новые козыри в отношениях с другими международными партнерами
Евразийский союз следует всемерно поддерживать как мощный военно-стратегический проект – пусть даже Россия будет его главным спонсором. При этом страны СНГ должны отчетливо признавать, «кто в доме хозяин»	Однозначно отвергается как повторение политики «разрядки», которая оказалась ловушкой для СССР	Чаще всего тема находится за пределами рефлексии
Евразийский союз важен не только как инструмент психологического давления на партнеров из дальнего зарубежья, но и как инструмент сдерживания самостоятельной внешнеполитической активности постсоветских стран. Россия по возможности должна быть монополистом в контактах США с постсоветскими странами – это обеспечит ей наиболее выгодные позиции в последующих разменах	Стремиться к тому, чтобы оба кандидата в президенты США подчеркивали значимость отношений с Россией в ходе избирательной кампании. Большой эффект даст в случае успеха относительно «мягких» демократов	Использовать БРИКС для балансирования НАТО, ШОС – для балансирования БРИКС, ОДКБ – для балансирования ШОС и т.п.
Хотя идеи поиска нового глобального международного партнера для многих стран СНГ оказались утопическими, России не стоит на это упирать и давать местным элитам повод к возрождению комплекса «младшего брата»	Максимально использовать перезагрузку для создания комфортного климата и доверительной атмосферы отношений («друзьям легче уступить»)	Продолжать нынешний курс, предусматривающий некоторую комплиментарность по отношению к Пекину, не сопровождаемый четкими политико-экономическими обязательствами с обеих сторон

1	2
<p>5. «Ничего политического – только бизнес». Предусматривает прочтение любых событий во внешней политике исходя из бизнес-интересов. Чаще ориентирована на интерпретацию ранее происшедших событий, а не на моделирование «оптимальной» линии поведения. При формулировании целей – акцент на прагматические задачи (смягчение визового режима, легализация капиталов, создание комфортных условий для российских инвесторов)</p>	<p>Допускает разные варианты прочтения – от необходимости сохранить за Россией рынок вооружения до предположений о том, что тотальная дестабилизация на Ближнем Востоке поддержит высокие мировые цены на энергоносители</p>
<p>6. «Люблю его за то, что он любит меня». Поддержка стран, занимающих максимально комплиментарную по отношению к РФ позицию и солидарных с российскими ценностями (общее прочтение событий Второй мировой войны и т.п.)</p>	<p>Сирия занимает более «пророссийскую» позицию, к тому же с Дамаском у Москвы давние исторические связи и общие экономические интересы</p>
<p>7. «Новые времена». Прежняя картина мира рухнула – и договариваться надо не с прежними акторами, а с новыми. В этом качестве могут выступать транснациональные корпорации, оппозиционные партии, локальные региональные лидеры (Китай, Турция и т.п.)</p>	<p>Нет особого резона вмешиваться в те процессы, на которые мы не можем повлиять. Возможно, неудача политики Запада в отношении Сирии приведет к ослаблению его позиций и усилению позиций других игроков</p>
<p>8. «Внутрикорпоративный PR». Главная задача – сосредоточиться на повышении удовлетворенности общественного мнения результатами внешней политики – через создание у граждан ощущения, что от России на международной арене многое зависит</p>	<p>Указывать на наличие у России особой позиции, отличной от остальных игроков, с которой они вынуждены считаться</p>

Продолжение табл.

3	4	5
Сдержанное отношение к цене вопроса при условии, что Россия получит преференции в борьбе за привлекательные активы на постсоветском пространстве	Необходимо найти драйверы, которые демилитаризируют российско-американскую повестку дня и обеспечат появление лоббистов экономико-политического сотрудничества	Целесообразно искать предметные сферы для экономического сотрудничества с КНР, но помнить, что «китайцы все равно обманут»
Поддерживать на постсоветском пространстве страны, демонстрирующие приверженность интеграционной риторике. Союзники – Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Армения. Попутчики – Туркмения, Азербайджан. Противники – Грузия, Молдавия, страны Балтии. Высокий уровень неопределенности – Украина, Киргизия	Идти на перезагрузку в обмен на публичные уступки США, сворачивая любое сближение при наличии эксцессов типа «списка Магнитского»	Сотрудничество в рамках БРИКС и ШОС – способ показать, что к России прислушиваются в мире
Необходимо делать акцент не на отношениях с нынешними элитами постсоветских стран, а с поколением, идущим им на смену (особенно в странах с нерешенным вопросом о схеме преемственности власти – в том числе в Центральной Азии)	Можно вести диалог, но не нужно думать, что США имеют контрольный пакет акций в международной политике	Есть смысл присматриваться к Китаю как к одному из потенциальных лидеров мировой политики и экономики ближайшего будущего – но без ущерба для взаимоотношений с другими партнерами (Индия, «азиатские тигры»)
Нагнетать ожидания в логике «Новый Советский Союз уже на горизонте» – не привлекая внимания к тому, что линия горизонта неизбежно отдалится по мере приближения к ней	Делать акцент на военной составляющей российско-американских отношений	Демонстрировать многовекторность и прагматизм политики России по взаимодействию с «новыми мировыми лидерами», избегая привлекать внимание к конкретным аспектам (цены на энергоносители, изменение границы и т.п.)

Корпоративные интересы и региональные настроения

Встречаются, конечно, и чистые прагматики. В силу профессиональных обязанностей или равнодушия к идеологической подоплеке они ориентированы на решение микрозадач. Но выделять их в какую-то обособленную группу не приходится, а разногласия относительно эффективных инструментов достижения целей существенны. Показателен, например, в этой связи спор о путях смягчения визового режима с Евросоюзом. Российские дипломаты упирают на важность постепенного продвижения к этому шагу, предлагая начать с безвизового въезда для владельцев служебных паспортов. У части критиков этот подход вызывает отторжение с этической точки зрения – бюрократия, мол, заботится исключительно о себе. Другие возражают предметно – такое предложение просто не может заинтересовать европейских партнеров. Ведь, по данным журнала «The New Times», в России насчитывается около 50 тыс. обладателей «синих» паспортов, а заинтересованных в частых визитах в Россию европейских чиновников – не больше сотни. При этом все участники дискуссии оппонируют правоохранительным органам и спецслужбам, которые (насколько можно судить) не в восторге ни от планов лишить их контроля над въезжающими иностранцами через упразднение визового режима, ни от проектов отменить архаичный порядок регистрации прибывающих в Россию граждан других государств по месту жительства.

Собственный интерес к международной тематике проявляют представители корпоративных сообществ. Энергичнее других играет на этом поле Русская православная церковь, сумевшая пролоббировать содействие российских властей в объединении с Зарубежной церковью, а также рассчитывающая на помощь государства по ограничению конкурентной активности на канонической территории. Правда, несмотря на то что есть тенденция к «симфонии» между РПЦ и государством, в международной сфере существует почва для разногласий. Ярким примером стал отказ в октябре 2008 г. Синода РПЦ принять в свой состав расположенную в Южной Осетии Аланскую епархию, пытающуюся уйти из подчинения Грузинской православной церкви. Церковные власти, которые сами борются с экспансией на свою территорию, куда щепетильнее, чем государство, подошли к опасности создания прецедента перекраивания признанных границ.

В интервью Николая Балашова, заместителя председателя отдела внешних церковных связей Московского патриархата (опубликовано в мае 2012 г.), представлена следующая позиция. Основные претензии к странам Западной Европы предъявлены в связи с «христианофобией» (имеется в виду «вытеснение религии за поле общественной жизни»), а в странах Ближнего Востока и Северной Африки – к «факту преследования и гонения наших братьев». Балашов ссылается на выступление В. Путина в Даниловом монастыре 8 марта, в котором защита прав христиан в странах, где они являются жертвами дискриминации, названа одним из направлений внешней политики. В отношении Китая Балашов заметно более сдержан, хотя упоминает, что посещать Успенский храм-музей на территории российского посольства в Пекине позволено только обладателям иностранных паспортов и по сути запрещено гражданам КНР. «Мы с уважением относимся к требованиям китайского законодательства, но стараемся с китайской стороной развивать диалог», – дипломатично замечает заместитель главы ОВЦС.

Активность на внешнеполитической ниве администраций приграничных регионов заметно различается. Жесткая солидаризация с тезисом о недопустимости передачи Японии Курильских островов характерна для Сахалинской области – но там это не столько крик души местных элит, сколько желание удовлетворить запрос граждан. В северо-западных регионах элиты охотно присутствуют на мероприятиях с участием представителей Финляндии и арктических государств, но избегают высказывать свою особую позицию. Исключение составляет лишь бурная полемика в Архангельске, где в последние полгода развернулась активная медийная кампания в отношении бывшего ректора Северного университета В. Булатова, «идеолога поморского этнического сепаратизма». Более того, в публикации на сайте «Свободная пресса» и *Regnum* утверждается, что «норвежцы» (за которыми, понятное дело, стоят Бжезинский и США) в рамках программы «по раздроблению и ослаблению России» «фактически купили Северный (Арктический) федеральный университет в Архангельске за 4 млн. долл.» и делают ставку на поддержку поморов и создание особой «северной» идентичности у жителей России.

Еще более идеологически накаленная ситуация на Юге России. Элиты северокавказских республик настойчиво продвигают в местных СМИ тезис, согласно которому первопричиной недружественных действий по отношению к России (поддержка радикальных

исламистов, активность Бориса Березовского и т.п.) являются происки Соединенных Штатов и почему-то Израиля. Совсем иной позиции придерживаются издания, например в Ставропольском крае, активно привлекающие внимание читателей к опасностям радикального ислама. В подтверждение тезиса о растущей угрозе приводятся прогнозы о воздействии «арабской весны» на радикализацию исламистских настроений в ближневосточных странах. В этих построениях трудно не заметить мобилизацию жителей против потенциальной угрозы обострения ситуации на Северном Кавказе с соответствующими последствиями для Ставрополя, где уровень межнациональной напряженности весьма значителен.

А вот представители бизнеса, наоборот, не склонны к публичным рассуждениям о внешней политике. Заметным исключением стал за последнее время О. Дерипаска. В сентябре 2011 г. на Байкальском экономическом форуме он выдвинул идею «восточного поворота», предусматривающую переориентацию экономики российского Зауралья на Китай. По имеющимся данным, этот проект не вызвал воодушевления в Москве, поскольку в нем увидели излишний прокитайский крен. Активность же на международной арене представителей государственных и полугосударственных компаний вряд ли следует рассматривать отдельно: трудно разделить, где они лоббируют внешнеполитические решения в собственных бизнес-интересах, а где, наоборот, лишь ассистируют государству в его международных проектах.

Куда более словоохотливы подчас бывшие чиновники, которые после ухода с государственной службы получают широкие возможности для презентации собственных оценок. Можно было бы допустить, что их выступления должны транслировать точку зрения действующей элиты, представители которой не имеют возможности давать откровенные комментарии. Однако на практике такие случаи трудно отделить от маргинализации, связанной с тем, что бывший высокопоставленный деятель утратил «прописку» в высшей лиге (как это происходило с Константином Затулиным). Интересен пример М. Колерова, экс-начальника Управления Президента РФ по межрегиональным и культурным связям, ставшего одним из самых активных комментаторов. Возглавляемое им агентство «Regnum» весной 2012 г. применило любопытный прием, использовав для резких выпадов в отношении медведевской внешней политики активное цитирование экспертов из стран СНГ и Приднестровья с заголовками типа «Россия должна избавиться от внешнеполитического наследия Медведева».

Заявления самого Колерова несколько мягче. Но, комментируя подписанный Путиным указ о внешней политике, он пишет, что новый президент, «к несчастью, ни слова не говорит, что доставшееся ему от предшественника законодательное наследие в области поддержки соотечественников делает абсолютно невозможным, если не незаконным исполнение всех его благих намерений в отношении соотечественников». Действующий теперь закон «позорно и в прямом противоречии с Конституцией России, реальностью и справедливостью не видит и не хочет видеть в ряду соотечественников никого, кроме “профессиональных русских”, в качестве таковых этнографических активистов, поставленных на личный учет в дипломатических представительствах России общим числом». Любопытны и другие выводы Колерова из указа Путина. Акцент на «разноплановом сотрудничестве» на постсоветском пространстве и необходимости сосредоточиться на реализации Договора о зоне свободной торговли прочитывается как признание отсутствия у СНГ политических перспектив, позиция по Молдавии видится как указание на неизбежность признания независимости Приднестровья в случае объединения Молдавии с Румынией и ее вступления в НАТО. Колеров также выражает надежду, что указ президента будет означать остановку «фронтального практического отступления России в “борьбе за Арктику” в области гуманитарно-безопасной инфраструктуры» и усиление солидарности со странами Латинской Америки и Карибского бассейна – «не удовлетворяясь лишь солидарностью с Бразилией в рамках БРИКС».

Смена поколений и риск провала

Для российской элиты внешняя политика сегодня не столько сфера масштабных прагматических ожиданий, сколько удел профессиональных дипломатов. К ним предпочитают не предъявлять завышенных требований, а подчас и вовсе считают предпринимаемые усилия данью формальной процедуре. Если служебные или коммерческие интересы прямо не связаны с конкретной страной или сферой международных отношений в целом, то погружение в проблематику происходит эпизодически и чаще всего ситуативно. Так или иначе, но доминирует «западоцентристская» картина мира, исходящая из того, что именно Западная Европа и США определяют ход событий в политике и экономике – альтернативные центры силы вроде Китая или исламского мира воспри-

нимаются как малопонятные и, как следствие, потенциально опасные.

Главным измеряемым (хотя бы относительно) результатом участия в международной деятельности остается установление экономического взаимодействия или обмен опытом с возможностью изучения современных технологий (в том числе управленческих). Идущая в экспертном сообществе полемика о возможных приоритетах внешней политики России в обозримом будущем (продвижение в Арктику, роль арбитра в международных конфликтах и т.п.) заметного общественного отклика не встречает. Интерес к тому, какой в будущем окажется роль страны на международной арене, сравнительно невысок.

Такая ситуация вполне устойчива, и ей мало что угрожает. Тем не менее можно говорить о нескольких вызовах, с которыми столкнется российская дипломатия. Прежде всего это рост запроса на сервисные функции государства. Сегодня об этом чаще говорят в контексте внутренней политики, но рано или поздно и в международных отношениях на повестке дня появится вопрос о том, возможно ли переориентировать внешнюю политику с обслуживания интересов государства на лоббирование позиций конкретных экономических и политических игроков. Правда, это произойдет лишь в том случае, если у элит и хотя бы у части общества появится рациональное представление о собственных интересах в этой сфере.

Второй вызов связан со сменой поколений. Внешней политикой сегодня занимается позднесоветская генерация политиков и дипломатов, чьи взгляды формировались в период международной обособленности СССР. Психологические травмы от утраты статуса сверхдержавы в полной мере не преодолены. Однако на передний план постепенно выходят лучше адаптировавшиеся к зарубежным реалиям возрастные группы, многие представители которых уже сумели наработать деловой опыт, более открыты к коммуникации и четче ориентированы на результат. Возможность конфликта поколений здесь, безусловно, существует, хотя он и не предопределен.

Наконец, серьезное переосмысление места России в мире потенциально возможно в случае явных неудач на международной арене — правда, только если те или иные шаги будут рассматриваться как очевидное поражение не только элитами, но и общественным мнением.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2012 г., т. 10, № 3, май-июнь, с. 22–33.*

**К. Захаров, П. Медведева,
Т. Прудкогляд, В. Сонин, В. Черномаз,
Н. Шабельникова**

**ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
КАК ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ
(Окончание)***

Характерной особенностью ислама как системы выступает неразрывная связь ислама и политики. Общепризнанным является то, что по сравнению с другими религиозными системами ислам имеет наиболее тесные и глубокие связи с политикой и властью, делая последние важнейшими средствами и орудиями реализации своих принципов. Поэтому среди мусульман всегда сохраняется особая приверженность политике, подпитываемая непосредственно исламским учением. Политизация ислама является характерной особенностью и в современной России.

Поскольку мусульмане считают себя членами одной общности, для мусульманства традиционно характерна склонность к построению различных панисламистских концепций, пропагандирующих объединение всех мусульман мира в единое государство.

Исламский фактор является значимым компонентом мировой политики. Так, широкой популярностью пользуется телерадиостанция «Аль-Джазира» (араб. «мнение и еще (одно) мнение»), обеспечивающая информационные интересы арабских стран. Она дает более полную и оперативную информацию о событиях, происходящих в мусульманском мире, чем известные СМИ стран Запада. Под давлением США в 2003 г. была закрыта другая арабская вещательная станция «Аль-Арабийя». Саудовская Аравия в 2005 г. занимала седьмое место в мире по использованию спутников связи.

При решении некоторых вопросов исламское мировое сообщество выступает в качестве консолидированного и единого субъекта международной политики. Исламские государства еще в 1971 г. создали мощное межгосударственное формирование – Организацию Исламская конференция, объединяющую более 50 государств и имеющую множество вспомогательных учреждений. Членом этой организации может быть любое государство,

* Начало в № 1 бюллетеня «Россия и мусульманский мир».

заявляющее о своей принадлежности к исламскому миру и где проживают значительное количество мусульман. Основными целями Организации Исламская конференция являются: развитие разносторонних связей между исламскими государствами, укрепление исламской солидарности, поддержание мира и международной безопасности, поддержка борьбы всех исламских народов за независимость и национальные права, создание условий для сотрудничества между членами ОИК и другими государствами.

Созданы также и другие организации, куда входят представители разных мусульманских стран: Исламский банк развития, Исламская конференция по образованию, науке и культуре, Исламская комиссия Международного общества Красного Полумесяца, Исламская федерация спортивной солидарности и др. Разработана и Исламская декларация прав человека. Идеологической основой деятельности данных организаций являются идеи исламской солидарности.

С начала 1990-х годов ислам активно включился в российскую общественно-политическую жизнь. Он стал играть огромную роль на Северном Кавказе, в Татарстане, других регионах. В России есть ряд светских мусульманских общественно-политических организаций и движений: «Союз мусульман России», «Нур» («Свет»), «Мусульмане России», «Партия исламской справедливости», «Мусульмане Татарстана», Исламская партия Дагестана и др.

Вместе с тем в настоящее время в мире действуют исламские организации другого рода – экстремистские неправительственные религиозно-политические организации, главной целью которых является борьба за господство ислама во всем мире посредством использования наступательной тактики, в том числе и насильственных мер. Подобные организации, ярко демонстрирующие свой радикализм, часто опираются на идеи фундаментализма и ваххабизма. Исламский экстремизм делает основную ставку на насильственные действия и силу оружия.

Многие исследователи наглядным примером радикализма исламского фундаментализма считают деятельность тех организаций, которые ведут активную экстремистскую, военно-экспансионистскую и террористическую деятельность. Такой подход в определенной степени оправдан, так как своей военной и террористической активностью сегодня отличаются именно те организации и группы, которые борются за «очищение ислама». При этом, по сути дела, не имеет значения, суннитское течение демонстрирует свой радикализм или шиитское; приверженцы каждого из

этих течений считают свою веру единственно истинной, и в том и в другом течении есть свои фундаменталисты и ортодоксы.

Экстремистские организации находятся, как правило, в оппозиции, часто непримиримой к правящим режимам в соответствующих странах. Они ставят перед собой задачу либо свержения этих режимов, либо их серьезной трансформации. Среди этих организаций можно назвать: «Братья-мусульмане», действующую в разных арабских странах; «Хамас», «Исламский джихад», «Бригада мучеников Аль-Аксы», действующие на землях Палестинской автономии; «Хезболла» в Ливане, «Аль-Джихад» в Египте; Вооруженная исламская группа, действующая в Алжире; Исламская партия возрождения в Таджикистане; «ваххабитские» исламские «джамааты» на Северном Кавказе и т.д. Многие из них считаются крупными террористическими организациями.

Наиболее кровавые теракты последних лет – 11 сентября 2001 г. в США, взрывы на о. Бали в октябре 2002 г., взрывы в Мадриде 11 марта 2004 г., захват школы в российском Беслане в 2004 г., террористические акты, регулярно проводимые в Иране и Индии, – были осуществлены исламскими террористами. Религиозный терроризм в деятельности некоторых исламских организаций можно рассматривать в качестве разновидности политического терроризма, поскольку он затрагивает основы политического строя государств, где базируются эти организации, стремится к завоеванию государственной власти или изменению внешней и внутренней политики.

Деятельность экстремистских религиозно-политических организаций обусловлена многими факторами, что в существенной степени затрудняет их классификацию. Можно опираться на типологию организаций, учитывая волны их эволюции, позволяющие зафиксировать организации разных поколений по этапам радикализации их идеологических доктрин и эскалации политической практики насилия. На основании эволюционного подхода можно выделить четыре поколения (волны) в развитии религиозно-политических организаций.

1. Религиозно-политические организации первого поколения: египетские «Братья-мусульмане» (БМ), образованная на их базе филиальная сеть в других мусульманских странах, а также организации, отпочковавшиеся от БМ, но придерживающиеся их идейных установок.

2. Религиозно-политические организации второго поколения: организации, возникшие в ходе борьбы арабов с сионистской

экспансией на Ближнем Востоке под влиянием идей «исламской революции» в Иране (например, палестинская «Джихад ислами», ливанская «Хезболла»).

3. Религиозно-политические организации третьего поколения: организации, возникшие в ходе войны в Афганистане, начиная с апреля 1978 г. по настоящее время (наиболее ярким примером выступает религиозно-политическое движение «Талибан»).

4. Религиозно-политические организации четвертого поколения: организации, представляющие собой радикальные международные исламские группировки, стремящиеся консолидировать и управлять практически всеми экстремистскими организациями «мусульманского мира» (к таким организациям можно отнести «Аль-Каиду» и «Мировой фронт джихада», основанных мусульманским террористом номер один Усамой бен Ладеном). Эти организации можно рассматривать в качестве организаций-«монстров», имеющих филиалы на всех континентах и управляющих ими из единого центра.

Эти международные организации все более распространяют свою деятельность и на территорию России. Политика панисламизма, направленная на установление власти «чистого ислама», активно проводится в жизнь Саудовской Аравией. Для проведения этой политики созданы международные исламские структуры, например: Организация Исламская конференция, объединяющая 54 мусульманских государства; Лига исламского мира, занимающаяся пропагандой ислама и оказанием всемерной поддержки исламским учебным заведениям; Высший совет мечетей, усилия которого направлены на Северный Кавказ.

Серьезные проблемы, связанные с распространением исламского фундаментализма, возникают на Кавказе. Вместе с этнополитическими конфликтами и социально-экономическими проблемами постперестроечного периода появление фундаментализма стало одним из наиболее значимых факторов, влияющих на развитие региональных процессов. Бурное развитие национальных движений и рост национального самосознания стимулировали процесс исламизации мусульманских народов Кавказа. В то же время наряду с чисто культурно-цивилизационным значением ислам приобрел также большое политическое значение, проникая во все сферы общественно-политической и культурной жизни государств и республик Кавказа.

В жизни России ислам стал важным социально-политическим фактором. Как известно, ислам возник в VII в., а на террито-

рии России существует уже 14 веков. Период VIII – первой половины X в. связан с начальным процессом проникновения ислама на Северный Кавказ. В период второй половины X – XV в. ислам стал господствующей доктриной современного Дагестана. В XV–XVII вв. проходил мирный процесс проникновения ислама в Чечню и Ингушетию. В XVII в. ислам занимает доминирующую позицию среди вайнахов. Исламское влияние шло из Дагестана. Окончательное утверждение ислама среди абазинцев, черкесов, кабардинцев относится к XVIII–XIX вв. Проникновение ислама к балкарцам и карачаевцам относится к XVIII–XIX вв. В XVII–XVIII вв. ислам распространился в Северной Осетии.

В России распространено самое либеральное направление ислама – суннизм суфийского толка. Как уже отмечалось, в суннизме существуют следующие мазхабы: маликиты, ханбалиты, ханифиты, шафииты. На Северном Кавказе – в Чечне, Ингушетии и Дагестане (кроме кумыков и ногайцев) – распространен ислам шафиитского мазхаба в форме суфийских орденов (тарикатов) накшбандийя и кадирийя. В центральной и западной частях Северного Кавказа распространен ханифитский мазхаб суннизма. Степень исламизированности этих республик значительно ниже, чем в Дагестане, Чечне и Ингушетии, так как этот мазхаб наиболее лоялен и гибок к этническому фактору и обычному праву (адату).

Известно, что ислам занимает второе место в России по количеству зарегистрированных религиозных организаций, составляя около 20% общего числа зарегистрированных религиозных организаций.

Среди духовных управлений мусульман по численности и влиянию выделяются Центральное духовное управление мусульман России и Духовное управление мусульман Европейской России. 90-е годы XX в. характеризовались быстрыми темпами исламского возрождения, особенно на Северном Кавказе. Однако одним из проявлений исламского возрождения стала его радикализация, чему способствовал ряд объективных и субъективных причин.

Радикализация ислама в России обусловлена в том числе и такими факторами:

- резкое снижение уровня жизни в регионах традиционного распространения ислама и возникшее резкое социальное расслоение населения;

- массовая безработица, особенно среди молодежи;

- понижение уровня нравственности, распространение наркомании, проституции; негативное влияние массовой культуры, распространяемой средствами массовой информации, телевидением;
- коррумпированность местных властей и т.д.;
- исламофобия в СМИ, в том числе и государственных, и т.д.

Одной из причин исламского возрождения стал не только духовный вакуум, образовавшийся после распада СССР, но и возросшая активность зарубежных религиозных и религиозно-политических организаций. Зарубежные центры развернули на территории России активную миссионерскую деятельность по внедрению фундаменталистских и религиозно-экстремистских форм ислама, оказывают значительную финансовую помощь созданным на территории РФ исламским религиозным организациям.

Следует учитывать, что ислам традиционно был не только религиозной, но и политической силой, для него всегда было характерным единство религиозного и политического начал. Усиление политизации ислама в современных условиях связано не только с возрождением исламского фундаментализма, но и с существующей тенденцией модернизации ислама. Политизация ислама создает угрозу как для традиционных ценностей исповедующих ислам народов, так и для духовно-нравственных идеалов самой религии. В некоторых регионах РФ ислам не только не стал фактором стабильности, но и сам внес значительный элемент напряженности.

Сейчас начинают восстанавливаться старые мечети, медресе и возводятся новые, для осуществления религиозной деятельности приглашаются богословы, получившие образование в странах Ближнего Востока. Особенно успешно этот процесс протекает на Северном Кавказе, в частности в Дагестане и Чечне. Так, в начале 2005 г. в Республике Дагестан действовали 642 религиозных организации, из них 620 – исламские, в республике функционирует Духовное управление мусульман Дагестана, более 1750 мечетей. Самые крупные мечети на территории России вместимостью 10 и 7,5 тыс. человек построены в Махачкале. В Дагестане сложилась развитая система исламского образования, включающая в себя 13 исламских вузов (около 2800 студентов) с 43 филиалами (более 2400 студентов), более 132 медресе (более 5400 учащихся), 278 мактабов (более 4000 учащихся).

Идеи «возрождения» ислама, распространенные ныне в России, приводят к неодинаковым результатам. Положительные моменты, связанные с возрождением религиозной жизни, пока не

сопровождаются заметным прогрессом в нравственной и духовной жизни исповедующего ислам населения и зачастую сопровождаются негативными тенденциями – клерикализмом, стремлением к исламизации всех сторон жизни, религиозным экстремизмом, нетерпимостью к инакомыслию. Влиятельные мусульманские организации (например, в Дагестане), ориентируясь на повышение своего политико-правового статуса, стремятся усилить свое влияние на властные структуры, войти в состав руководящих органов всех уровней.

Общественно-политические организации республик проявляют все большую политическую активность. Исламское духовенство стремится более активно включиться в политические процессы. Так, Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) открыто провозглашает ориентацию на построение исламского общества в Дагестане с постепенным внедрением в общественную жизнь отдельных положений шариата, хотя руководство республики отстаивает светскую модель общественного устройства. В настоящее время ДУМД стремится повысить свой политико-правовой статус, обеспечив себе возможность принимать участие в процессе назначения ряда министров республики и возможность принятия важных государственных решений. Мусульманская элита проявляет большую активность с целью внедрения в школьное и вузовское образование теологических дисциплин.

Наряду с традиционными духовными управлениями в республиках создаются отдельные «джамааты» верующих, которые постепенно переходят в оппозицию к местным либеральным духовным управлениям мусульман.

В других частях Северного Кавказа альтернативные и новые исламские общества и «джамааты» не получили достаточного развития. Это связано с относительно слабой религиозностью ряда народов Кавказа. Хотя адыги, черкесы, кабардинцы и абазинцы формально и мусульмане, в их веровании ислам настолько сильно переплетен с местными традициями и языческими обычаями, что об их радикальной исламизации также не могло быть речи. То же самое касается карачаевцев и балкарцев, хотя ислам в их среде более укоренившееся явление.

Различия в понимании места и роли ислама в обществе, значения шариата в регулировании общественных отношений на Северном Кавказе становятся фактором внутриконфессиональной конфликтности. В настоящее время исследователи констатируют факт наличия идеологического противостояния практически

го бытового суфизма («народного ислама») и различных течений исламского традиционализма, в том числе и фундаментализма.

Противоречия между российскими мусульманами, носящие зачастую конфликтогенный характер, разворачиваются в четырех плоскостях:

- 1) нет единства и координации между мусульманами собственно России и Северного Кавказа;
- 2) сохраняются разногласия между различными исламскими этническими группами;
- 3) не преодолен раскол внутри исламского духовенства;
- 4) существует противостояние между мусульманскими организациями и некоторыми их лидерами. Кроме того, следует учитывать также наличие конфликта поколений.

Попытки проповедников «чистоты» ислама насадить среди местного населения иные идеологические формы ислама, сложившиеся в других культурно-исторических условиях, вызывают зачастую отторжение у российских мусульман. Широкий резонанс получил кровопролитный конфликт в Дербенте между приверженцами различных ветвей ислама в 2004–2005 гг. В некоторых районах Дагестана – Буйнакском, Кизилюртовском, Хасавюртовском, Дербентском, Карабудахкентском, Казбековском, Гунибском, Цумандинском, а также в самой Махачкале – противоречия между мусульманами стали постоянными.

Как отмечает грузинский исследователь К. Дзедзисашвили, активность исламистов особенно возросла в Дагестане после первой чеченской войны. Возрастанию популярности некоторых исламских центров, основанных ваххабитами Багауддином Мухаммадом и Мухаммад-шафи Джангишиевым, способствовало то, что они противопоставляли свои «джамааты», живущие по законам шариата, коррумпированному и разлагающемуся обществу. Умело проведенная идеологическая работа также способствовала привлечению новых «истинно верующих». Ваххабиты категорически не согласны с тем, как их называют. Они считают себя более истинными мусульманами («аль-муваххидун» – объединившиеся), чем остальные дагестанцы-тарикатисты, и в общем-то являются таковыми. Их точку зрения разделял и известный во всем Дагестане алим из селения Кудали Ахмед-кади Ахтаев, который сам причислял так называемых «ваххабитов» к «салафитам».

Хотя все чеченцы являются мусульманами, нельзя сказать, что ислам здесь является максимально объединяющим фактором. Чеченское общество и сейчас остается разделенным на множество

тэйпов-тукхумов (родственные объединения), чьи представители входят в различные исламские ордена и братства – вирды. Эти объединения относятся в основном к суфийским орденам, члены которых посредством особого ритуала стремятся «приблизиться к Аллаху и слиться с его божественной природой». Кроме того, в Чечне весьма распространен адат, который часто противоречит исламским нормам, что также ослабляет традиционный ислам как объединяющую идеологию.

Исламизация республики объективно была на руку чеченским властям, взявшим курс на полное отделение от России. Дистанцировавшись от России как от оплота неверных, выступая в роли борцов за ислам, они намеревались добиться независимости и полного отделения. С этого периода в Чечне параллельно с приверженцами традиционных тарикатов появляются первые сторонники «ваххабитов» – носителей первозданного, «чистого» ислама. В определенной степени они получили поддержку новоизбранного президента Чечни Джохара Дудаева. В это же время в республику приезжают первые иностранные исламские ученые и правоведы (например, Мухаммад Юсеф абу Умар, Хамзат Шишани, Абдул Баки Джамо и др.), с деятельностью которых и связывают распространение идей ваххабизма. Исламизация становится важным фактором для развития внешних связей Чечни, так как в случае становления основ исламского общества и получения самостоятельности становится возможным получение помощи со всего исламского мира, независимо от степени укоренения фундаменталистских идей в тех или иных, солидарных с Чечней, странах или организациях, обладающих большими финансовыми возможностями или мобильными военными ресурсами. С началом же военной кампании 1994–1996 гг. значение ислама еще больше возрастает, а чеченские отряды под его лозунгами активно осуществляют все боевые действия против российских войск.

Ряды исламистов стали пополняться особенно после взятия Грозного чеченцами в августе 1996 г. Большинство чеченцев, относящихся к традиционным мусульманам, активно не участвовали в боевых операциях, в отличие от ваххабитов. После взятия Грозного началось установление новых порядков, в том числе и исламских. Это выразилось и в строгой защите исламских правил поведения и в требовании того же от других, хотя такие действия преимущественно носили больше показательный характер. Однако с февраля 1997 г., после избрания Аслана Масхадова президентом Чечни, действия «исламской партии» начали приобретать деструк-

тивный характер, что привело к ослаблению законных властных структур, дестабилизации ситуации в целом, а в итоге – к появлению постоянного противостояния и раскола в чеченском обществе, в том числе и на религиозной почве.

Показателем возросшего влияния исламского фундаментализма на общественную жизнь являются попытки введения шариатского правосудия в республиках Северного Кавказа. После вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи в XIX в. здесь одновременно стали действовать три формы законодательства: общегосударственные законы, шариат и адат (т.е. право, основанное на традициях и обычаях местных народов). Отношения между этими системами складывались не так просто. Еще Шамиль, создавая свой объединенный имамат, предпринимал меры, связанные со всяческим ограничением влияния системы адата. Вместе с тем, несмотря на возникающий соблазн ограничить применение норм мусульманского права, местная администрация вполне отдавала себе отчет в том, что полная ликвидация шариатского судопроизводства привела бы к массовым волнениям среди коренного населения, поэтому никогда и не решалась на ограничение норм мусульманского права. В XIX в. и вплоть до конца 20-х годов XX в. на Северном Кавказе функционировали народные суды, рассматривавшие гражданские и семейные споры между мусульманами в соответствии с нормами мусульманского права.

В советский период эти три правовые системы в целом мирно сосуществовали, однако приоритет естественно отдавался государственной правовой системе, тогда как на втором месте по своему влиянию стоял не шариат, а адат. В сельской местности при решении всех важнейших вопросов обязательно учитывалось мнение старейшин, а в Чечено-Ингушской Республике действовала даже специальная комиссия по примирению. В постсоветский период выяснилось, что современные западноевропейские демократические институты на Северном Кавказе оказались неэффективными, что вызвало интерес к мусульманскому правосудию.

После распада советской судебной-административной системы в регионе стала создаваться новая организация правосудия. Для противодействия росту организованной преступности и бандитизму с целью укрепления пирамиды власти руководство северокавказских республик стало реанимировать дореволюционные институты, характерные для сельской общины, в том числе суды по адату и шариату. В 1995–1996 гг. в Дагестане были разработаны законопроекты «О местном самоуправлении», «О сельской об-

щине», «О третейских судах». Стало «модным» ратовать за возвращение к «горским традициям», связывая исламское возрождение с введением законов шариата. При этом политики Северного Кавказа поставили своей задачей поиск самобытного пути правового развития Северного Кавказа. Однако одновременно стало усиливаться влияние фундаментализма.

После того как в Чеченской Республике во второй половине 90-х годов приступили к работе первые в РФ официально учрежденные шариатские суды, в стране развернулись дискуссии, посвященные введению мусульманского права в мусульманских регионах РФ. Общественное мнение страны сразу же раскололось на два лагеря: сторонников и противников шариата. Все исламские религиозные деятели в России поддержали процесс введения законов шариата для российских мусульман. С их точки зрения, эта мера – единственное реальное средство в борьбе с преступностью, а также необходимое условие социального развития республик. Муфтий Дагестана С.М. Абубакаров, погибший впоследствии в результате теракта, рассматривал шариатский суд не как жестокость, а в качестве средства профилактики убийств. Многие московские политологи и журналисты в конце 90-х годов также выступили в поддержку введения шариата, например в Чечне. Известный отечественный исследователь, этнолог С.А. Арутюнов, полагал, что важным условием решения многих социальных проблем в Чечне и Дагестане станет создание джамаатно-кантонных объединений (сельских мусульманских общин), в рамках которых большую роль станут играть адатно-шариатские суды. Эти суды призваны регулировать разнообразные вопросы внутренней жизни общины: семейно-брачные отношения, нарушения прав женщин, улаживание различных споров, в том числе и процедуры примирения лиц, находящихся в состоянии кровной мести и т.д. Однако в российском общественном мнении введение шариата по-прежнему вызывает большой страх, способствуя распространению исламофобских настроений в российской прессе.

После первой чеченской войны в Чеченской Республике стала формироваться исламская государственность. Еще в ноябре 1996 г. парламентом республики было принято решение об изменении Конституции ЧРИ, в соответствии с которым в ст. 4 Конституции вошло положение о том, что ислам является государственной религией Чечни. В ноябре 1997 г. Ичкерия была объявлена Чеченской Исламской Республикой. Коран и шариат были объявлены основными источниками законодательства. В целях более

углубленного изучения Корана в чеченских школах было введено углубленное изучение арабского языка, а также вводилась новая учебная дисциплина «Основы ислама».

Тенденция к исламизации правовой жизни Чечни проявилась, прежде всего, в области уголовного и уголовно-процессуального права. Официальной точкой зрения стало положение о постепенном переходе к принципам шариатского судопроизводства, на начальном же этапе предполагалась практика совмещения светских и религиозных правовых норм. Планировалось повсеместное введение шариатского судопроизводства, хотя на первом этапе предполагалось параллельное сосуществование шариатских и светских судов. Мусульманское право планировалось применять в первую очередь в отношении к хулиганству, в случаях мелких краж, имущественных споров, бракоразводных процессов и т.д. Однако вскоре возобладала политика, направленная на кардинальное изменение правовой системы в Ичкерии.

Осенью 1996 г. в Чеченской Республике Ичкерия указом тогдашнего руководителя, и.о. президента республики З. Яндарбиева вместо действовавшего ранее Уголовного кодекса РФ был введен в действие новый Уголовный кодекс ЧРИ, созданный на основе применения норм шариата. Из прежнего российского кодекса предполагалось оставить на первое время только те нормы, которые соответствовали местным традициям и которые предстояло изымать постепенно. После публикации текста нового УК в правительственной газете «Ичкерия» выяснилось, что многие из статей данного кодекса нарушают основные права и свободы, которые в соответствии со ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах не могут быть ограничены даже в условиях чрезвычайного положения. В этот кодекс были включены положения, предполагающие жестокие и бесчеловечные наказания при отсутствии гарантий прав обвиняемого. В частности, можно выделить ст. 126 УК ЧРИ, которая предусматривала смертную казнь за вероотступничество от религии ислама, что стало отрицанием известного положения Международного пакта, утверждающего право свободно и гласно выбирать и менять религию по своему убеждению. Ряд статей принятого в Чечне кодекса закреплял различие между гражданами, исповедующими ислам, и иными гражданами, причем для мусульман устанавливались даже более строгие наказания за ряд так называемых преступлений. Мировой опыт уже показал пагубность подобных новаций в процессе ускоренной исламизации. В Судане в 80-е и 90-е годы уже была введе-

на практика осуществления шариатских наказаний, затронувшая все население страны, в том числе и немусульманского, продемонстрировав свой явно неправовой характер. Итогом такой политики стала непрекращающаяся уже много лет гражданская война, приведшая фактически к расколу страны на отдельные враждующие регионы.

На основе указов президента Ичкерии в Чечне стали создаваться шариатские суды, в ведение которых стали передаваться уголовные и гражданские дела, при этом народные суды упразднялись. Был создан Верховный шариатский суд, которому подчинялись вновь создаваемые сельские, городские и районные. Рассмотрение дел осуществлялось без участия адвокатуры и прокуратуры, однако осужденный все же имел право обратиться с апелляцией в Верховный шариатский суд, решения которого считались окончательными. В 1996–1997 гг. в Чечне в спешном порядке стали создаваться курсы для подготовки кадров шариатских судов, однако их выпускники демонстрировали довольно низкий уровень не только шариатской, но и общеправовой подготовки. Уголовный кодекс, принятый в Чеченской Республике в 1996 г., стал практически копией уголовного законодательства Судана, Саудовской Аравии, Иордании, однако при этом не была принята во внимание существовавшая в Чечне традиционная правовая практика, основанная на адате. Считается, что именно действующая система адата наилучшим образом регулировала общественные отношения в Чечне, поскольку была наиболее адекватна образу жизни этого народа. Неудивительно, что значительная часть населения Чеченской Республики, в том числе многие религиозные деятели, довольно критически восприняли шариатские нововведения, игнорируя искусственно навязываемые нормы, имевшие иностранное, арабское происхождение.

Чеченское руководство второй половины 1990-х годов стало активно популяризировать средневековые жестокие формы наказания, в частности публичную смертную казнь. В своей деятельности в Чечне шариатские суды довольно часто грубо нарушали основные нормы мусульманского права. Вместе с тем известно, что шариат рассматривает наказание в виде смертной казни или отрубания рук в качестве чрезвычайной меры, а для вынесения подобного приговора принимаются во внимание очень веские причины и доводы, подтверждающие явно патологический характер наказываемой личности. Как отмечает современный исследователь Рукайя Максуд, «шариатский закон всегда вершится открыто, не

зверства ради и отнюдь не на потеху кровожадной толпе, но для того, чтобы все видели беспристрастность и сдержанность совершаемого правосудия». Ускоренное введение шариата в Чечне было вызвано в первую очередь сугубо политическими причинами. Манипуляция же историческими трактовками шариата нашла поддержку исламских фундаменталистов, набравших силу в Чечне и Дагестане.

Сторонники быстрого введения шариата ссылались на его большое морально-психологическое значение для населения, на его дисциплинирующую роль в армии. Вместе с тем нормальная работа шариатских судов в 1990-х годах в Чечне была крайне затруднена из-за слабости властных структур всех уровней. Реальная власть была сосредоточена в руках полевых командиров, которые превратили шариатские суды в средство политических манипуляций и взаимного сведения счетов. Руководители бандформирований, как правило, игнорировали обвинительные приговоры судов, выносимые в их адрес. Обострение противоречий между отдельными направлениями в традиционном местном исламе – сторонниками суфийских тарикатов (накшбандийского и кадирийского братств) – привело к размежеванию и в деятельности шариатских судов. Усилились столкновения между различными отрядами самой шариатской гвардии, остановить которые правительство А. Масхадова в 90-х годах оказалось бессильно. В конце концов обострение обстановки в 1999 г. привело к столкновению чеченского парламента и Верховного шариатского суда, что привело к созданию одновременно двух Шур (Государственных советов) и двух Высших шариатских судов, где на одну из соперничающих сторон заметно усилилось влияние салафитов.

В 1998 г. селения Кадарской зоны Дагестана попали под полный контроль дагестанских салафитов. Эта зона была объявлена «независимой исламской территорией», где стали действовать только законы шариата. Лидеры радикального исламского фундаментализма рассчитывали превратить этот район в качестве плацдарма для освобождения Дагестана, а затем и всего Кавказа от российского влияния. Кадарский плацдарм был ликвидирован только в 1999 г. во время второй кавказской войны усилиями не только российских войск, но и при активной поддержке местного населения. Как отмечал современный отечественный исследователь Д.М. Макаров, для населения Дагестана чеченская модель суверенизации и исламизации, сопровождавшаяся нарастанием социального и политического хаоса, отсутствием безопасности и

развалом экономики, казалась все более пугающей и отталкивающей. Кроме того, этническая идентификация здесь явно возобладала над идеей исламской солидарности, поскольку поход чеченских салафитов на Дагестан был воспринят местными жителями как акт чеченской агрессии.

Однако поражение чеченских сепаратистов и падение популярности дагестанских фундаменталистов отнюдь не снимают проблему использования мусульманского права в современных условиях. Усилия по внедрению мусульманского правосудия на Северном Кавказе не прекращаются.

Видный отечественный исследователь мусульманского права профессор Л.Р. Сюкияйнен обращает внимание на то, что мусульманское право в полном объеме не применялось практически никогда и нигде. Вместе с тем он полагает, что в России существует объективная возможность для реализации отдельных норм мусульманского права в интересах всего общества. По его мнению, одним из устойчивых мифов, касающихся мусульманского права, является представление о том, что оно носит прежде всего персональный, а не территориальный характер. Однако история свидетельствует о том, что нормы мусульманского права, за исключением семейно-брачных отношений, могут быть распространены не только на мусульман, но и на всех жителей целого ряда исламских государств.

В некоторых регионах Северного Кавказа России уже несколько лет действуют суды, которые разрешают споры между мусульманами, ориентируясь на нормы шариата. Так, в Кабардино-Балкарии шариатские суды осуществляют в основном консультационную функцию, представляя собой симбиоз консультационного и третейского суда. Эти учреждения призваны решать споры между односельчанами на основе мусульманской справедливости, а также с учетом местных обычаев. В последнее время в шариатские суды в этой республике стали обращаться и бизнесмены, стремящиеся к тому, чтобы их бизнес не противоречил нормам шариата.

В Ингушетии руководство республики довольно благожелательно относится к использованию шариата в судебной практике. Еще в 1997 г., в период правления прежнего президента Р. Аушева, была предпринята попытка принятия местного республиканского закона о мировых судьях, обязавшего их руководствоваться в первую очередь нормами адата и шариата. Сейчас урегулирование спорных вопросов между верующими, особенно в

сельской местности, все больше возлагается на мировые суды, использующие нормы как шариатского, так и обычного права. Здесь не существует какого-либо специального юридического механизма по принудительному исполнению приговора суда. Важнейшим регулятором тогда становится общественное мнение, контролирующее соблюдение верующим взятых на себя обязательств. Суды носят характер примирительной комиссии, стремящейся не доводить дело до федерального суда. Поэтому основная доля приговоров, вынесенных шариатскими судами, как правило, добросовестно исполняется. Если же решение шариатского суда не удовлетворяет одну из спорящих сторон (или обе), то в этом случае дело поступает в федеральный суд.

Шариатские суды продолжают действовать в ряде селений Дагестана. В их ведении находятся, как правило, самые различные правовые вопросы: от гражданских дел до мелких уголовных преступлений. Созданы отряды шариатской гвардии, напоминающие отряды дружинников советских времен. По мнению наблюдателей, шариатское правосудие оказалось достаточно эффективным в борьбе с мелкими преступлениями и правонарушениями: хулиганством, пьянством, кражей скота. Выносимые наказания также не отличаются разнообразием и ограничиваются, как правило, определенным количеством ударов палкой. Несмотря на кажущуюся жестокость, местные жители подобное наказание считают в целом справедливым. Кроме того, в ряде сельских поселков Дагестана мечети получили в собственность часть когда-то им принадлежащих пашен и садов, управляемых по нормам мусульманского права (реституция вакфов). Подобная практика постепенно получает развитие и в современном Татарстане.

Шариатский суд является еще пока новым институтом российского общества, в отношении которого еще сохраняется известная настороженность. Основным органом правосудия на Северном Кавказе являются российские народные суды. Вместе с тем, как считает Д.В. Макаров, новоиспеченным шариатским судьям в Дагестане удалось то, что не удалось ни одному религиозному деятелю ни на Северном Кавказе, ни в России в целом: объединить и примирить представителей различных течений в современном российском исламе – и фундаменталисты-салафиты, и традиционалисты-суфиты признали авторитет шариатских судей и забыли о своих разногласиях, послуживших поводом для кровопролитных схваток в других регионах. Деятельность подобных учреждений является проявлением наметившейся прагматической адаптации

салафитского движения к существующим национальным реалиям, отказа от крайне политизированного джихадизма. В других регионах РФ, например Татарстане и Башкортостане, еще нет практического опыта использования норм шариата в общественной жизни. На Западном Кавказе процесс исламизации еще не достиг таких масштабов, как в Дагестане и Чечне. На Западном Кавказе наряду с исламским бумом отмечено движение за «возрождение» правовых традиций адата.

В настоящее время во всем мире все больше осознается, что мусульманское право является динамично развивающейся правовой системой современности, заслуживающей гораздо большего внимания юристов-практиков, чем ему сейчас уделяется в России. Мы являемся свидетелями появления на постсоветском Северном Кавказе новых форм правового плюрализма, значение которого еще не осмыслено в полной мере и до конца не осознаны его последствия для РФ.

В настоящее время критика современного исламского фундаментализма сопровождается и критикой ваххабизма. Ваххабизм получил распространение на Северном Кавказе, где его экстремистская интерпретация стала знаменем террористов. Ряд последователей ваххабизма заняли лидирующие позиции в сепаратистском движении чеченцев, превратив партизанское движение в религиозную войну против «неверных». Некоторые руководители Республики Ичкерия во времена президентства А. Масхадова, сделавшего попытку превратить Чечню в исламское государство, приняли ваххабизм. В общественном сознании россиян ваххабизм превратился в самую опасную разновидность фундаментализма, представ в качестве идеологической оболочки религиозного терроризма.

Ваххабизм, пришедший на Северный Кавказ из-за рубежа, представляет собой не просто религиозную общину, а является особым религиозно-политическим течением. Ваххабизм проповедует возвращение к «чистоте» раннего ислама времен Пророка Мухаммеда, требует строгое соблюдение единобожия, отказа от поклонения святым людям и святым местам, требует отказаться от всяких проявлений новшеств в культовой практике и в быту. Именно для ваххабизма характерны религиозно-политические призывы к джихаду, который трактуется ими исключительно как использование силы против «неверных» (а не как духовный джихад). Именно ваххабизм в немалой степени способствовал разжиганию военных действий в Чечне и Дагестане. Однако, как считают известные отечественные политологи А.В. Дмитриев и

И.Ю. Залысин, «сама по себе принадлежность к ваххабизму не делает верующего сторонником политического терроризма...» Ваххабизм превратился в террористическую идеологию усилиями ряда зарубежных религиозно-политических организаций.

Как и почему на Северном Кавказе оказалась благодатная почва для насаждения идей «чистого ислама», связанных с ваххабизмом и другими направлениями фундаментализма?

Во-первых, Северный Кавказ – один из наименее экономически и социально благополучных регионов. «Рвется там, где слабо», – говорят в народе. В более благополучных мусульманских регионах (Татарстан, Башкортостан) это направление мусульманства не получило распространения.

Во-вторых, необходимо учитывать политико-идеологический аспект. Ваххабизм был востребован социально-политической реальностью кризисного, трансформационного периода российского общества. В ситуации, когда возникло разочарование в коммунистической идеологии, ослабившей патриархально-этнические традиции и законы адата, вполне вероятно утверждение новых религиозно-идеологических ценностей. В ситуации «духовного вакуума» ваххабизм предложил мусульманам вернуться к истокам и начать новое движение вперед. Ваххабизм объявил джихад не только представителям иных религий, но и традиционному исламу – суфизму.

В-третьих, для мусульманских народов религия всегда выступала как средство идентификации (выдача паспортов без указания принадлежности к тому или иному народу, выступления представителей Государственной думы о превращении национальных республик в губернии и т.д. вызывают опасение у национальных меньшинств потерять специфически этническое, особенное). Влияние ваххабизма по мере углубления процесса национального самосознания народов и практической суверенизации республик может расти.

В-четвертых, Северный Кавказ стал сферой геополитических интересов США, Турции, Ирана, стран Закавказья, Центральной Азии. Системный кризис постсоветского общества способствовал повышенному интересу представителей этих государств к этому региону и их заинтересованности в радикализации религиозного сознания (кроме того, следует учитывать, что с конца 1994 г. началась эксплуатация нефтяных запасов Каспийского бассейна).

К числу субъективных причин распространения ваххабизма следует отнести фактор религиозного образования, недостаток ко-

торого восполняется в арабских странах преимущественно ханбалитского мазхаба (Саудовская Аравия, ОАЭ и др.). Данный мазхаб суннитского ислама, заполняя духовный вакуум, способствует преодолению физической и моральной усталости общества, предлагая своего рода реванш, помогающий не подстраиваться под мир, а наоборот, подстроить мир под себя и, как следствие, обрести независимость.

Следует отметить также, что на характер эволюции «чистого ислама» значительно влияют внешнеполитические факторы:

- активность зарубежной диаспоры;
- деятельность общественных и религиозных мусульманских организаций зарубежного Востока;
- успешный фундаменталистский зарубежный опыт;
- целенаправленная деятельность спецслужб государств, имеющих стратегические геополитические интересы на Кавказе, по «фундаментализации» ислама для формирования проводников и каналов влияния с целью вывода мусульманских регионов России из сферы влияния центральной власти.

Анализ объективных и субъективных причин на этом не может быть завершен. Данная проблема требует своего дальнейшего изучения. Следует отметить, что мусульмане Северного Кавказа, привыкшие соблюдать «свой» «бытовой ислам», в большинстве своем не приняли идеологию и практику ваххабизма. Ваххабизм не укоренен в культурной традиции народов Северного Кавказа, где серьезные позиции традиционно занимал народный ислам (практический суфизм). Однако это не значит, что идеологи ваххабизма уже ослабили свои усилия по насильственному распространению ислама на Северном Кавказе. Конечной целью исламских фундаменталистов и экстремистов является исламизация всего мусульманского населения и создание на территории Северного Кавказа независимого исламского государства от Черного до Каспийского морей.

Таким образом, на Северном Кавказе фундаменталистские идеи распространены достаточно широко. Чаще всего именуемые общим названием «ваххабизм», они, по сути, представляют собой сплав традиционализма и фундаментализма, т.е. не имеют на сегодня целостного характера и идентифицируются по критической позиции к официальному исламу, призывам к его очищению. На основе анализа культурной, внутривластной и социально-экономической ситуаций можно сделать вывод, что если в Дагестане фундаменталистская идеология может расширять свою нишу, в пер-

вую очередь из-за сложностей этнонациональной консолидации, то в Чечне – из-за слабости институтов светской национальной государственности.

Исследование политической практики «ваххабизма», в том числе развития форм общественного самоуправления – джамаатов, позволяет сделать заключение о высокой вероятности эволюции северокавказского «ваххабизма» в сторону фундаментализма и возможности его сочетания с национал-радикалистскими подходами, замкнутыми на образ внешнего иноконфессионального врага.

Отмечено также, что на характер эволюции «чистого ислама» значительно влияет внешний фактор, который имеет несколько составляющих: активность зарубежной диаспоры; деятельность общественных и религиозных мусульманских организаций зарубежного Востока; успешный фундаменталистский зарубежный опыт; целенаправленная деятельность спецслужб государств, имеющих стратегические геополитические интересы на Кавказе, по «фундаментализации» ислама для формирования проводников и каналов влияния с целью перевода мусульманских регионов в иные культурную и политическую системы.

Следует отметить, что поддержание диалога с исламскими силами в настоящее время дается федеральным и региональным властям с трудом. Однако можно выявить характерные и опознаваемые тенденции, в которых сконцентрирован опыт взаимодействия с исламским фундаментализмом за рубежом. Так, способность государства к успешному взаимодействию с исламским фундаментализмом определяется реформистским потенциалом правящей элиты России, т.е. преданностью делу реформ и способностью их осуществлять; умением определить стратегические цели реформ и найти жизнеспособные идеологические ориентиры, способствующие преодолению ценностной деструкции, социализации и укреплению легитимности; агрегированной способностью элит и политической системы в целом к кооптации в условиях расширения политического участия; проведением во внешней политике курса на отстаивание национальных интересов; умеренным применением силовых методов в целом в сочетании с решительной борьбой против терроризма.

Необходимо конкретизировать политические задачи федерального и регионального уровней, работа над которыми будет способствовать сужению ниши фундаменталистской индоктринации и сдерживанию экстремистских тенденций на федеральном и региональном уровнях. Иногда утверждается, что «особому» пост-

советскому исламу чужды проявления политической ангажированности, экстремизма, что фундаментализм не является чертой постсоветского ислама, а борьба с религиозными экстремистами и исламскими террористами является нормальным и даже обязательным условием достижения стабильности и мира в отдельных регионах России. Вместе с тем отечественные исследователи полагают, что ислам как социальный институт в России находится еще пока в стадии становления. Поэтому сейчас трудно определить не только институциональные формы, которые ислам в конце концов обретет в России и в тех или иных ее регионах, но и то направление, в котором этот процесс реализуется.

Руководители российских мусульман неоднократно и категорически осуждали террористические акты, совершенные мусульманами. Традиционно для религиозного менталитета российских мусульман было характерно отсутствие религиозного радикализма. Да и сейчас подавляющее большинство российских мусульман остаются вполне законопослушными гражданами. Теоретики и богословы ислама утверждают, что терроризм вообще противоречит указаниям Аллаха и самой природе ислама. Как указывает современный отечественный правовед профессор Л.Р. Сюкияйнен, «...современная мусульманская мысль приходит к выводу об однозначном осуждении шариатом терроризма. Еще более важно то, что из аналогичного принципа исходит правовая практика многих исламских стран».

Мусульманское сообщество в России сейчас испытывает раскол в организационно-политическом плане, поэтому ни один муфтий не имеет сейчас общепризнанного авторитета, чтобы выражать точку зрения всех мусульман России. В частности, отношения между председателем Духовного управления мусульман Европейской части России Равиля Гайнутдина и председателем Духовного управления мусульман Азиатской части России Нафигуллы Аширова уже давно носят напряженный характер. Органы государственной власти РФ уделяют внимание проблемам российских мусульман. Регулярные встречи руководителей РФ с руководством духовных управлений – импульс для более глубокого анализа ситуации в мусульманском сообществе России, для дальнейшего развития конструктивного диалога между государственными органами и мусульманскими организациями.

По инициативе руководства Российской Федерации расширяется взаимодействие России с Организацией Исламская конференция, что было поддержано верующими мусульманами России.

Опираясь на свой уникальный многовековой опыт мирного сосуществования различных религий, Россия стремится содействовать налаживанию конструктивного диалога с миром ислама.

Оценивая особенности политизации ислама в различных регионах со значительной частью мусульманского населения, И.В. Кудряшова отмечает умеренный характер политического ислама в Татарстане и Башкортостане и такую его черту, как развитие преимущественно в качестве компонента национального движения. Иная ситуация на Северном Кавказе, где фундаменталистские идеи распространены достаточно широко. Именуемые «ваххабизмом», они, по сути, представляют собой сплав традиционализма и фундаментализма, т.е. не имеют на сегодня целостного характера и идентифицируются по критической позиции к официальному исламу, призывам к его очищению. На основе анализа культурной, внутривнутриполитической и социальноэкономической ситуаций автор делает вывод, что если в Дагестане фундаменталистская идеология может расширять свою нишу, в первую очередь из-за сложностей этнонациональной консолидации, то в Чечне – из-за слабости институтов светской национальной государственности.

Таким образом, исламское возрождение в России представляет собой в целом противоречивый и неоднозначный процесс. Для этого процесса характерны ярко выраженная клерикализация и особенно политизация ислама. Попытки руководителей исламских религиозных организаций войти во власть и приступить к построению исламского государства чреваты опасностью экстремизма. Поэтому здесь необходимы большая разъяснительная работа с мусульманским населением и решительные действия государственных органов по пресечению экстремистских действий. Терроризму же под религиозным прикрытием следует давать решительный отпор, в том числе и военными средствами.

Дальнейшему процессу радикализации и политизации ислама должны противостоять законные и решительные действия, выверенные в правовом, нравственном и политическом аспектах, не только государственных органов Южного федерального округа, но и Российской Федерации. В этом направлении должны быть приняты усилия государств и общественных организаций всего мира в целом.

«Исламский фундаментализм: Исторические истоки и современные проявления», Владивосток, 2012 г., с. 74–130.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Борис Аксюмов,

доктор философских наук

(Ставропольский государственный университет)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Весь постсоветский период развития Северного Кавказа характеризуется повышенной турбулентностью в протекании социально-экономических, этнополитических и культурно-цивилизационных процессов. Данная турбулентность, выраженность которой периодически меняет свое значение, но всегда остается на достаточно высоком уровне, обусловлена в первую очередь функционированием на территории Северного Кавказа террористического бандподполья. В связи с этим обстоятельством особенно важным и актуальным становится изучение идеологических основ, на которых фундируется религиозно-политический экстремизм в регионе. Как правило, ценностно-идеологический фактор конфликтов и напряжений на Северном Кавказе несколько недооценивается — на первый план и политики, и исследователи обычно ставят социально-экономические условия развития региона, особенности политической культуры.

Однако подобный взгляд представляется достаточно устаревшим, инерционным по отношению к господству экономического детерминизма как универсальной объяснительной модели в советской науке. Векторы трансформации северокавказского социума в последние 20 лет все настоятельнее требуют не только и даже не столько анализа социально-экономических характеристик региона, сколько учета культурно-цивилизационных и ценностно-идеологических основ его развития. Именно идеология, на наш взгляд, составляет внутренний каркас террористического бандподполья на Северном Кавказе, тот каркас, который не только интег-

рирует и вдохновляет данное движение, но и привлекает в его ряды все новых adeptов.

Обращая исследовательский взгляд в недалекое прошлое, можно заметить, что формирование террористического подполья в Северокавказском регионе напрямую связано, во-первых, с сепаратистским движением 90-х годов прошлого века, а во-вторых, с процессом религиозного возрождения, начавшимся еще в последние годы существования Советского Союза и резко интенсифицировавшимся после его распада.

Соединение идеи сепаратизма с радикализированными формами ислама и обусловило генезис религиозно-политического экстремизма на территории Северного Кавказа. Результат подобного соединения без труда можно разглядеть в такой амбициозной самоинституционализации подполья, как «Имарат Кавказ». Впрочем, в отличие от последнего десятилетия прошлого века идея сепаратизма явно отступила на второй план, а на авансцену вышла религиозно детерминированная универсальная идеология, которая выводит северокавказский религиозно-политический экстремизм и терроризм из его узких границ и вписывает в мейнстрим, выражаясь языком Б. Льюиса и С. Хантингтона, «глобального противостояния традиционалистского (фундаменталистского) исламского мира и современной западной цивилизации».

Характерным показателем перехода к новой идеологической доктрине стало систематическое использование таких терминов, как «глобальный джихад», «кафиры», «муртады» и т.д. Борьба с Россией воспринимается уже не как «национально-освободительная», а как «священная». «Те, кто сегодня воюет в Чечне и других республиках Северного Кавказа, уже не говорят о борьбе за независимость Ичкерии. У них совершенно другие идеалы и совершенно иные задачи. Умаров перевел войну в религиозное противостояние, где, с одной стороны, находятся моджахеда, т.е. борцы за веру, а с другой – кафиры (неверные), оккупировавшие мусульманские республики Кавказа, и их пособники – “муртады” (отступники) из числа местных “национал-предателей”», – отмечает один из местных наблюдателей в Чечне. По мнению С. Маркедонова, конфликт в рамках лагеря боевиков Северного Кавказа сейчас представляет собой спор двух идеологий: «сепаратистского этнического национализма (целью которого видится суверенная Чечня даже без братской вайнахской Ингушетии)» и «универсалистского религиозного проекта», при котором борьба индивида «включается в часть глобального джихада, а ее конечная цель не

ограничивается Северным Кавказом и даже, по большому счету, Россией».

Именно универсализм, преодолевающий любые этнические границы, оперирующий глобальными, а не региональными (тем более не локальными) религиозно-политическими проектами, является отличительной чертой салафизма (ваххабизма). Претензии на обладание всей полнотой истины, на единственно верную трактовку слов Пророка Мухаммеда приводят салафитов не только к идее собственной исключительности в рамках исламского мира, но и позволяют считать себя олицетворением и квинтэссенцией этого мира как такового. Узурпация всей полноты исламской религиозной истины обуславливает глобальность политических амбиций, которые простираются на все политическое пространство мира как целого. Само мировое пространство понимается в зороастрийско-манихейском духе как глобальное противостояние Света и Тьмы, Добра и Зла. С точки зрения подобной идеологии, ваххабиты сражаются не с каким-то отдельным государством, не с каким-то конкретным противником, они сражаются с самой системой «мирового зла», частными проявлениями которой могут выступать США, Израиль, Россия и т.д.

Северокавказские салафиты (ваххабиты) воспринимают себя не как отдельную, имеющую локальное значение религиозно-политическую силу, а как часть глобальной системы, олицетворяющей собой само Добро как таковое, саму Истину, каковой ее изрек когда-то Пророк Мухаммед. Как отмечает С. Василенко, смена вектора многое дала подполью, которое теперь смело можно называть ваххабитским. Прежде всего идеологически Исламский проект, лишенный этнического содержания, стало возможным распространить за пределы Кавказа. Северный Кавказ в интерпретации идеологов Имарата есть лишь поле битвы моджахедов против сил зла, против всего того, что не является исламом. Магомед Вагапов (Амир Сейфуллах) поясняет: «Мы ведем Священную войну против мирового сатанизма, против системы, которую враги Аллаха называют цивилизацией и мировым порядком, частью этой системы является и Русское государство – оно пытается отвратить людей от ислама. Сегодня мусульмане Кавказа, Поволжья и Урала объединились в борьбе за веру».

Важно подчеркнуть, что мы не считаем ислам сам по себе основой идеологии терроризма и экстремизма. Как и любая другая религиозная система, ислам является сложным и многозначным ценностно-мировоззренческим образованием, весьма подвержен-

ным разного рода интерпретациям. По мнению авторитетного исламского богослова Мухаммеда Аль Масра, в принципе является неподобающим, нескромным и вызывающим говорить: «Это – установление Аллаха» или «[это] – норма ислама». Более подходящим и скромным будет такое утверждение: «Это – мое понимание установления Аллаха или нормы ислама». Как полагает А. Игнатенко, высочайшие достижения исламской мысли являются

«следствием применения такой системы нормотворчества, которая соединяет в себе Божественную основу и человеческую интерпретацию, заданные общие параметры и свободу мыслителя». В этом смысле прочтение Корана в духе радикализма есть результат интерпретации того или иного «толкователя», а не отображение сути исламской религии как таковой.

Причины роста и широкого распространения радикалистских интерпретаций ислама следует искать, по нашему мнению, не в самом характере священных исламских текстов, а в особенностях современного этапа эволюции исламского мира. Эти особенности становятся особенно очевидными в контексте параллельной исторической эволюции христианства и тех обществ, которые традиционно считаются христианскими. В этой связи представляется очевидным, что процессы секуляризации, растянувшиеся на несколько столетий, привели к фактической потере христианской религией своего прежнего статуса во многих странах традиционно христианского мира. В отличие от христианства ислам практически не утратил того огромного значения для развития мусульманских обществ, которое он имел и 1000 лет назад.

Имея в виду указанный исторический дисбаланс, можно сделать вывод о том, что главной причиной распространения исламистской (т.е. радикализированной) идеологии является реакция традиционалистского сознания и мировоззрения на процессы все ускоряющегося «осовременивания» мира. Идеологи террористов искусно используют протестные настроения против секуляризации общественной жизни, морали и нравственности, которым подвержены многие рядовые мусульмане, воспитанные в строгих канонах традиционалистской морали. В результате прослушивания проповедей радикально настроенных имамов у них вполне может возникнуть впечатление о том, что сам дьявол в образе Запада (или России) ведет борьбу против их традиций, обычаев, в конечном счете – против самой их религии.

В этом смысле наблюдающееся ныне противостояние между западной и исламской цивилизациями обусловлено противоречиями между современным и традиционным, секулярным и религиозным. По мнению А. Игнатенко, «исламитизм противопоставит всем иным идеологиям, политическим системам и общественно-политическим проектам как секулярным, светским. Тем самым главный источник глобальной дестабилизирующей активности, связанной с исламом, заключается в непримиримом конфликте по линии исламитизм – секуляризм». Существенные черты этого противоречия (конфликта) характерны и для ситуации на Северном Кавказе как части Российской Федерации. Находящаяся все время в поиске адекватного модернизационного проекта Россия, безусловно, делает ставку на современность, на развитие, на изобретение и внедрение в производство все новых и новых технологий.

Аналогичные процессы идут и в культурной сфере, которая все в меньшей степени ориентируется на традиции, пытается окончательно эмансипироваться от религиозных мотивов и регламентаций, делает акцент на свободном творческом самовыражении индивидуума. Практическое отсутствие цензуры, общепринятых норм и ценностей, глубокий кризис нациеобразующих форм коллективных идентичностей обусловили предельную атомизацию и беспорядочную пестроту культурного ландшафта большей части современной России. Данные процессы, которые можно обозначить как процессы «постмодернизации», сближают Россию с западным культурно-цивилизационным миром.

Совершенно иным образом идет развитие культурных процессов на Северном Кавказе. Здесь традиции не только не отвергаются, но становятся еще более значимыми; религиозный компонент социокультурного пространства не только не находится в состоянии кризиса, но его значение возрастает с каждым годом; коллективные формы идентичности не только не распадаются, но происходит их упрочение. Движение в противоположные стороны, очевидная асимметрия и дисгармония в развитии, углубляющиеся культурно-цивилизационные бреши становятся все более заметными. В этой связи весьма характерно, что Россия воспринимается как часть Запада не только идеологами боевиков, но, что гораздо важнее, третьей частью молодых респондентов ряда северокавказских республик.

Углубляющиеся противоречия между современным и традиционным, секулярным и религиозным создают благоприятную почву для радикализации (в широком смысле этого слова). Ситуа-

цию обостряет не всегда продуманная внешняя политика Соединенных Штатов Америки и ряда других стран блока НАТО. Военные операции в Афганистане, Ираке, Ливии, угроза подобных операций, нависшая над некоторыми другими странами исламского мира, действительно создают впечатление «конфликта цивилизаций», борьбы двух различных ценностно-мировоззренческих парадигм, столкновения двух альтернативных проектов будущего развития мирового сообщества. Универсалистскому либеральному проекту Запада противопоставляется столь же универсальный и столь же амбициозный исламистский проект, в который уже полностью включен и Северный Кавказ. Об этом свидетельствует как трансформировавшаяся в сторону исламистского универсализма и глобального джихада идеология террористического подполья, так и достаточно широкая популярность исламистской идеологии среди населения северокавказских республик.

Можно в целом согласиться со следующим выводом ученых Южного научного центра РАН: «Сегодня исламистская пропаганда популярна потому, что она понятна современному человеку, создает эстетически привлекательный образ религиозно мотивированного насилия и имеет простую для восприятия цель. Исламисты опасны тем, что они имеют вполне конкретную цель – стремление осуществить исламистский политический проект. Как бы абсурдны и невыполнимы ни были их идеи, они становятся действенным оружием, особенно когда у общества и власти нет внятных, разделяемых большинством населения, приоритетов развития».

Несмотря на то что у современного российского общества отсутствует общенациональная идея, внятная культурно-цивилизационная идеология, что, собственно, и привело после распада СССР к атомизации социума, приоритет стратегического развития, на наш взгляд, определен достаточно четко – дальнейшая модернизация социально-экономической сферы и «постмодернизация» сферы культурной. «Постмодернизация», помимо всего прочего, предполагает усиление тенденций секуляризации, а значит, еще большее сближение России с «постхристианской» Европой. Подобное сближение с Европой (Западом) может означать дальнейшее культурно-цивилизационное дистанцирование с десекуляризирующимся Северным Кавказом и, следовательно, увеличение противоречия между секулярной моделью социального бытия, характерной для большей части регионов Российской Федерации, и религиозно детерминированной моделью бытия северокавказского

социума. Наличие этого фундаментального противоречия неизбежно повлечет за собой усиление позиций радикального ислама на Северном Кавказе, определенная часть населения которого будет ощущать себя «последним оплотом» ислама и вообще религиозности как таковой на территории «постмодернизировавшейся» России.

В условиях объективного процесса «осовременивания мира», ведущего к все большему разрыву с традиционалистскими теориями и практиками, которые чаще всего религиозно детерминированы, радикалистские интерпретации ислама можно считать некой закономерностью. Именно достаточная историческая обусловленность вкупе с особенностями конкретной ситуации в Северокавказском регионе в конце прошлого и начале нынешнего столетия привели к распространению ваххабитской идеологии, одухотворяющей религиозно-политический экстремизм и терроризм на Северном Кавказе. Умело используя приверженность многих мусульман традиционалистскому формату жизнедеятельности и одновременно демонизируя надвигающуюся современность с ее антитрадиционализмом и почти абсолютной секулярностью, ваххабиты стремятся утвердить идею о необходимости «борьбы за ислам». Подобная экзистенциальная ситуация требует, по их мнению, особого режима существования мусульманских общностей. Как отмечает С. Василенко, «постулируя единство всех мусульман, ваххабиты утверждают, что мусульмане России ведут несправедливый образ жизни. Так, они заявляют, что мусульманину жить на вражеской территории строго запрещено, т.е. на той территории, где открыто не действуют законы шариата. Исключение должно делаться только для моджахедов. Более того, считается, что мусульмане, которые словом или делом помогают неверным против мусульман, будь то чиновники, военные, милиционеры, религиозные деятели и т.д., противостоят Аллаху, и поэтому с ними следует сражаться так же, как и с неверными. В такой ситуации “осажденной крепости” джихад является обязательным предписанием для каждого мусульманина, таким же, как пост и намаз».

Сущность идеологии северокавказского ваххабизма, а значит, и террористического подполья заключается, таким образом, в священной и совершенно императивной для каждого истинного мусульманина «войне за ислам», «во имя ислама», «во имя Аллаха». Высшая санкция на эту борьбу, которая будто бы дана самим Аллахом, оправдывает в глазах фанатиков любые действия, любые, даже самые жестокие и бессмысленные террористические

акты. Иррационализация «всемирной борьбы за ислам» приводит и к иррационализации терроризма, который из инструмента решения конкретных и рациональных политических задач превращается в самоцель, в чистое насилие, в способ обретения вечного блаженства. Психология терроризма и конкретного террориста основывается в этом смысле на традиционном наборе религиозных символов, таких, например, как грех и рай. Как отмечает С. Василенко, «одним из опорных тезисов в диалоге с обрабатываемым человеком является тезис о том, что ни в коем случае нельзя верить в то, что существует такой грех, который не может быть перекрыт праведным поступком еще при жизни мусульманина. Очевидно, что многие моджахеды, если не большинство, до прихода в бандформирования совершили множество преступлений, которые, с точки зрения Корана, однозначно закрывают им дорогу в рай». По словам К. Новикова, «пример высокой жертвенности вкупе с обещанными 70-ю девственницами в райских кущах становится привлекательным для части идеалистически настроенной мусульманской молодежи».

Деятельность террористов, которую некоторые жители северокавказских республик склонны героизировать, представляет собой весьма опасный пример для подражания. Лидеры боевиков, обращающиеся к массам с проникновенными проповедями, могут стать кумирами для молодежи. Наличие мощной идеологической базы, отвечающей как религиозному, так и социальному самочувствию определенных групп населения, становится очень опасной возможностью для формирования новых коллективных идентичностей, фундированных на идеалах «глобального джихада» и реализации универсального исламистского проекта.

Неуклонный рост влияния ваххабитов и ваххабитской идеологии в Северокавказском регионе указывает на то, что упомянутые идеалы являются значимой ценностью не только для маргиналов, но и для части вполне «нормального» населения. Как отмечает Т. Черниенко, «ваххабизм сегодня – немногочисленная секта, но она является той идеологической платформой, которая отвечает чаяниям сотен миллионов мусульман, проживающих в разных частях планеты и подверженных протестным настроениям. Эти настроения, подпитываемые не только пропагандой изнутри, но и геополитическими факторами извне (войны на Кавказе, в Ираке, в Афганистане и т.п.), растут из года в год в геометрической прогрессии, что пропорционально увеличивает число потенциальных приверженцев данной идеологии».

На Северном Кавказе подобные настроения будут расти до тех пор, пока идеологии ваххабизма, расцветшей в условиях практически полного отсутствия идеологических альтернатив, не будет противопоставлена столь же мощная и столь же привлекательная для населения идеологическая доктрина. Не следует забывать о том, что для человека традиционалистского типа идеальные детерминанты жизнедеятельности важны в гораздо большей степени, чем сугубо материально-экономическая мотивация. Социально-экономическое развитие региона необходимо, но еще более необходимо формирование той ценностно-идеологической базы, которая сможет обеспечить реальную интеграцию Северного Кавказа в культурно-цивилизационное пространство России. Формирование такой базы и внедрение ее в жизнь северокавказского социума – важнейшая стратегическая задача Российского государства в отношении Северокавказского региона. От того, насколько успешно будет решена эта задача, зависит не только будущее Северного Кавказа, но и будущее Российской Федерации в целом.

*«Научная мысль Кавказа»,
Ростов н/Д., 2012 г., № 1, с. 30–34.*

Рафик Усманов,

политолог

(Астраханский государственный университет)

**СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(Взгляд из России)**

Наиболее важный фактор последнего времени – мировой экономический кризис, повлиявший на геополитическое положение некоторых стран и в целом на Европейский союз вследствие миграционных, экологических и демографических проблем в ряде европейских и ближневосточных государств. Сегодня весь мир следит за событиями в Западной Европе, связанными с целостностью Европейского союза и «цепной революцией» в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Однако «ставить точку в развитии обстановки на Ближнем Востоке и в Северной Африке еще рано, но анализировать происходящие события нужно уже сегодня. Помимо радикальных сдвигов в этих регионах мир столкнулся с тем, что военное вмешательство извне с целью поддержать одну из сторон во внутренних конфликтах становится нормой. К тому же

может освящаться аморфной резолюцией Совета Безопасности ООН...» В этом случае можно вполне согласиться с выводом, который делает академик Е.М. Примаков, что «такие массовые акции протеста, начавшиеся в Тунисе, охватившие Египет и распространившиеся на другие арабские страны, не были заранее организованы никакой политической силой, в том числе исламской». Видимо, это не какие-либо частные причины, касающиеся определенных государств, а нечто большее, связанное с глобализационными политическими процессами и изменением вектора геополитических сил ведущих мировых держав.

Но вместе с тем мы наблюдаем то, что во многих странах Ближнего Востока, да и в других странах события разворачиваются не по цивилизованному сценарию. Вместо утверждения демократии, вместо защиты прав меньшинства происходит выталкивание противника, переворот, когда доминирование одной силы сменяется еще более агрессивным доминированием другой. «Нельзя допустить, чтобы “ливийский сценарий” кто-то попытался реализовать в Сирии. Усилия международного сообщества должны быть направлены, прежде всего, на достижение межсирийского примирения. Важно добиться скорейшего прекращения насилия, откуда бы оно ни исходило, запустить, наконец, общенациональный диалог – без предварительных условий, без иностранного вмешательства и при уважении суверенитета страны».

Старые подходы и имеющиеся рецепты анализа создавшего положение не дают эффективных рекомендаций в нормализации и улучшении ситуации в этих странах. Данная ситуация доведена до того, что без серьезных кардинальных изменений и принятия чрезвычайных мер, например в странах Ближнего Востока, невозможно будет урегулировать создавшееся положение. Сегодня глобализационные процессы все больше и больше становятся очевидными в современном мировом пространстве и самым непосредственным образом касаются одного из стратегических звеньев между Севером и Югом – Россией и Персидским заливом – как источника снабжения рынков Европы нефтью и газом Каспийского региона. О том, что Каспийский бассейн является энергетической кладовой XXI в., в последнее время наиболее полно написано в работах отечественных и зарубежных ученых. Более того, например в монографиях А. Магомедова и Р. Никерова, авторы констатируют, что очень часто каспийской нефти придавался налет геополитической таинственности, что позволяло слишком сильно преувеличивать энергетическое значение Каспийского ре-

гиона. Этот ареал рекламировали то как безопасный энергетический рай, то перевозносили как «энергетическую пуповину Запада, свободную от российского влияния». Многочисленные описания каспийских энергоресурсов вольно или невольно вели даже к оценке Каспия как потенциальной альтернативы Ближнего Востока.

Каспийская проблематика не сводится только к углеводородному сюжету. Она намного сложнее и многограннее. Каспийский ареал претерпевал огромные переоценки, превращаясь из евразийской периферии, каким он был в эпоху политической стабильности, в динамичный геополитический перекресток, каким он становился в периоды крупных политических потрясений. Такие превращения всякий раз были связаны и с геополитическим отступлением России и оголением ее южных границ. Выход Каспия из-под российского контроля всякий раз превращал этот регион в спорную наднациональную единицу, обостряя борьбу за доминирование над ней. Как указывал В. Максименко, в XX в. именно такие эпизоды (сначала крушение Российской империи в 1917–1920 гг., а затем распад СССР в 1991 г.) побуждали западных геостратегов (в свое время У. Черчилля, а затем З. Бжезинского) рассматривать территорию Кавказа и Средней Азии в сугубо подсобной роли «мягкого подбрюшья» Евразии, где Россия как «осевое континентальное государство» (в терминологии Х. Макиндера) оказывалась наиболее уязвимой.

Что касается нефтегазового фактора, то, как заявляют авторы монографии А. Магомедов и Р. Никеров, Каспийский бассейн выступает не альтернативой, а скорее энергетическим дополнением Персидского залива. «Если брать региональные критерии, то для прикаспийских стран данный ресурс имеет жизненно важное значение. Открытие нефтяных месторождений Тенгиз, Кашаган и Карачаганак на казахстанском шельфе и газовых месторождений Южный Илотань – Осман и Довлетабад в Туркмении сделало каспийские углеводороды важной частью мирового энергетического рынка. Например, казахстанский Кашаган – крупнейшее нефтяное месторождение в мире из числа открытых за последние 30 лет. По мнению бывшего посла Индии в Узбекистане и Турции М. Бхадракумара, запасы Кашагана составляют 7–9 млрд. баррелей: настоящая жемчужина в нефтяной короне Каспийского бассейна. А по данным статистического обзора мировой энергетики “British Petroleum”, добыча газа в Туркмении за последнее десятилетие увеличилась в 4 раза, в связи с чем эта страна стала более весомым газовым производителем, чем Нидерланды».

Однако даже если потенциальные углеводородные возможности Каспийского региона могут сделать его значимым фактором международной энергетической политики, реализовать данный потенциал возможно только через контроль над трубопроводами, которые выведут ресурсы региона к мировым потребителям. Поэтому мы вполне согласны с заключением авторов исследования А. Магомедова и Р. Никерова о том, что актуальное значение Каспийского бассейна лежит не только в энергетической, но и в транспортной и военно-политической плоскостях, имеющих естественно и экономическое измерение. Весьма поучительный урок использования данного региона заключается в том, что пограничная и транзитно-коммуникационная функции в настоящее время все же преобладают над всеми другими. В течение многих столетий Каспий выступал в качестве важнейшей транспортной коммуникации, соединяя части евразийского континента по направлениям Север – Юг, Восток – Запад.

Последствиями таких международных глобальных процессов и проявлением своих национальных интересов со стороны ведущих держав мира в немалой степени являются события в Ираке, на Северном Кавказе, периодически обостряющиеся отношения Исламской Республики Иран с государствами Израиль и США, военный конфликт Грузии с Россией и т.д. Обусловлено это главным образом и в первую очередь, как мы отметили, природными углеводородными ресурсами, которыми обладают прикаспийские государства, а также географическим положением региона, где пересекаются транспортные, торговые пути и само море, являющееся уникальным биоресурсом. Кроме этого, на данный геополитический фон накладывают свой отпечаток и те миграционные процессы, которые происходят в этом прикаспийском регионе, накапливая, соответственно, тот конфликтогенный потенциал, который в значительной степени может изменять геополитическую ситуацию в прикаспийских регионах в пользу некоторых заинтересованных государств.

Каспийский регион остается по-прежнему одним из главных направлений во внешней политике США, что придает им стимул для осуществления активной деятельности и попытки завоевания приоритетных позиций на международной арене. Однако наряду с общепринятыми цивилизованными методами осуществления межгосударственного диалога США с рядом каспийских государств явно прослеживается и стремление к позиции сверхдержавности.

Так, например, уже не впервые мы наблюдаем, что США продолжают придерживаться политики двойных стандартов в отношении Ирана. «Они потеряли в Иране режим, который был стопроцентно ориентирован на Америку, и, естественно, Вашингтон был крайне недоволен тем, что на смену ему пришла независимая власть, не нацеленная ни на Запад, ни на Восток. Именно с этим связана негативная пропаганда Запада против нас... Можно суммировать, что страны, которые исповедуют двойной стандарт, теряют право на выдвижение претензий кому-либо».

США неоднократно заявляли о том, что в отношении Тегерана они будут проводить «агрессивную дипломатию». В ответ президент Исламской Республики Иран М. Ахмадинежад не побоялся в своем письме президенту США Бушу-младшему назвать всю внешнюю политику Вашингтона вершиной лицемерия и фарисейства, а его утверждения о защите интересов мирового сообщества не выдерживают никакой критики. На сессии ООН в сентябре 2009 г. М. Ахмадинежад заявил, что «недопустимо, чтобы страны, находящиеся на расстоянии в тысячи километров, вмешивались в дела Ближневосточного региона. Вторжения в Ирак и Афганистан осуществлялись под лживыми лозунгами обеспечения безопасности и борьбы с распространением наркотиков».

В отношении Ирана действует резолюция ООН 1747, принятая в марте 2007 г., которая ввела целый ряд новых санкций, направленных на противодействие ядерной программе. В частности, заморожены счета 13 иранских компаний и 15 физических лиц. В резолюции содержится рекомендация другим странам отказаться от продажи Тегерану оружия и выделения кредитов. Однако эффект этих санкций крайне мал. «На деле набор средств давления на Иран ограничен. Шансов на принятие санкций мало, поскольку их, очевидно, поддержит Россия, но не Китай. Будучи принятыми, санкции могут нарушаться компаниями, заинтересованными в иранском рынке. Если они будут выполняться, их легко обойти при помощи контрабанды. И уж совсем не грозит Ирану судьба Ирака и Афганистана, где завязли воинские контингенты, выделенные НАТО и США для ведения в регионе боевых действий».

Жесткая политика США в отношении Ирана и одностороннее принятие санкций к частным компаниям, замеченным в сотрудничестве с иранской стороной, ставит европейско-американские отношения в конфликтную ситуацию, поскольку ЕС все же заинтересован в экономическом сотрудничестве с Тегераном. Проблема применения американского законодательства за преде-

лами США уже не раз возникала в европейско-американских отношениях. Вполне понятно, что и сегодня внешнеполитические установки США явно просматриваются на фоне мировых геополитических процессов. Например, США через Турцию, как члена НАТО (имеющего тесные исторические связи с Азербайджаном и все прочнее увязываемого различными проектами с Грузией) и посредника между Западом и республиками, через которого можно консолидировать собственные позиции, пытаются проводить собственную политику гегемонистских интересов в Каспийском регионе. Одна из задач этой политики – принизить влияние Ирана, который изначально воспринимается США как противник, и стараться максимально ограничить его роль как на Южном Кавказе, так и на Каспии.

Многие стратеги в Вашингтоне еще в 1990-х годах убеждали демократическую администрацию в том, что укрепление американского влияния на Каспии должно быть главной целью американской политики. Высокопоставленный сотрудник Совета национальной безопасности Ш. Хеслин утверждала, что «США просто не могут допустить, чтобы Россия или Иран доминировали над энергоресурсами Каспия с теми огромными политическими рычагами на регион и Европу, которые дает такое влияние ... все больше Каспийский регион становится не только важным компонентом энергобезопасности Запада, но и опорой в меняющемся балансе сил в Евразии, Азии Ближнем Востоке». Все это становится особенно актуальным в настоящее время.

Российские политические аналитики определяют российско-иранские отношения как партнерство с определенными перспективами. Можно согласиться с тем, что у России с Ираном существуют некоторые спорные проблемы на Каспии. Прежде всего – это проблема разграничения дна Каспийского моря. Следует подчеркнуть, что конфликт газовых интересов имеет объективную основу и не носит острого политического характера, как по проблемам раздела самого Каспия.

Российская сторона всегда выступала в своих отношениях с Ираном, как и с другими каспийскими государствами, с позиции диалога культур. Официальная Москва неоднократно заявляла о своей заинтересованности в развитии мирных добрососедских отношений. «Россия не верит в эффективность санкций... Она отстаивает интересы на Каспии, избегая конфликта с Ираном в Закавказье. Не хочет ирано-израильской войны... Торгует с Ираном, категорически выступая против нарушения режима нераспро-

странения. При любом развитии событий минимизирует риски, стараясь извлечь из ситуации все, что возможно. Что критикуется извне, но прагматично и разумно. Россия заинтересована в добрососедских отношениях со своим южным соседом. Москва предпочитает осуществлять с Тегераном преимущественно гражданские проекты (экономика, культура, образование, торговля)».

В отношении России в иранской столице была выдвинута идея о «стратегическом союзе Москва – Тегеран». В России прекрасно понимают авторитет и значение 72-миллионного Ирана и делают все, чтобы на принципиальной основе нераспространения ядерного оружия не разрушить то позитивное, что существует в российско-иранских отношениях. Такие отношения и российская позиция диалога цивилизаций касаются и всего Каспийского региона, включая государства Ближнего Востока (Ливия, Сирия). В наших работах упоминается, что Южный и Северный Кавказ, как составляющие геополитики Каспийского региона, являются территорией стратегического значения, за которую ведется острейшая борьба ведущих на мировой арене государств, так как кроме своих природных ресурсов он является перекрестком цивилизаций, тем регионом, владение которым позволяет обеспечивать влияние на территории, выходящее за его пределы. Одновременно нестабильность, например на Северном Кавказе, – это нестабильность на значительных евразийских пространствах не только России, но и других государств, которые многими нитями (в том числе этнокультурными) связаны со всем Кавказом.

Весь этот широкий спектр изложенных проблем является одной из задач наших исследований, касающихся изучения политических процессов южных регионов России, связанных с другими территориями, которые являются одновременно и северным регионом Каспия. Сегодня необходимо исследовать те процессы, которые здесь происходят, а именно: как влияет миграция, демография, экология и этнополитические конфликты на геополитическое положение прикаспийских государств и т.д. Необходимо сегодня сделать попытку анализа и прогнозирования этих процессов, влияющих на положение России, выработки ее позиции и дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами на мировой политической арене. Актуальность данной проблемы обосновывается обострившимися отношениями как между государствами Каспийского региона (например, в споре по разделу границ Каспийского моря и его ресурсов), так и между

мировыми державами, которые состязаются за контроль над ситуацией в этом регионе.

Поэтому вполне понятно, что данная проблема вследствие своей чрезвычайной актуальности активно обсуждается на различных межрегиональных и международных научных форумах. Имеются научные материалы исследователей – политологов, социологов, юристов – по проблемам Каспийского моря, Прикаспийского региона. Основные направления исследований в мировой науке касаются, как было отмечено, проблем границ раздела Каспийского моря между прикаспийскими государствами, а также экологии, сохранения биоресурсов Каспия, разработки углеводородных ресурсов, проведения транспортных коридоров с выходом в Индию, размещения военных баз на территориях Прикаспийского региона.

В результате исследовательской работы сотрудников Центра политических исследований прикаспийских государств Астраханского государственного университета после апробации проектов на международных научно-практических конференциях был издан ряд работ: «Геополитика Каспийского региона. (Взгляд из России)»; «Великий Волжский путь: Прошлое, настоящее, будущее»; «Юг России в миграционном и этноконфликтном измерениях» и др. На одной из последних международных научно-практических конференций «Каспийский регион в эпоху глобализации: Проблемы, тенденции и перспективы международного сотрудничества» (Астрахань, сентябрь 2011 г.) был дан анализ сложившейся ситуации в регионе в условиях глобализации. В данном случае выделяется объективная позиция по складывающейся ситуации на Каспии участников научной конференции – ученых из Германии, Москвы, Азербайджана (Бакинский славянский университет) и сотрудников консульства Казахстана в Астрахани. В этом контексте сформулирован ряд предложений о развитии и обеспечении политической, социально-экономической и культурной безопасности этого поликультурного, стратегически важного региона. Необходимо отметить, что продолжающийся финансово-экономический кризис, а также замороженные конфликты вблизи или на пути нефтегазоносных трубопроводных маршрутов создают определенные риски и опасности для Прикаспийского региона, имеющего нефтегазовые ресурсы мирового масштаба. Поэтому для стран мирового сообщества чрезвычайно ценным является исторический опыт прикаспийских стран и народов, которые на протяжении многих веков выработали реальные культурно-исторические традиции толерантности и политкорректности. Все это, безусловно,

может способствовать процветанию мирососедского диалога культур, а позитивный опыт этих стран может быть перенесен и на другие регионы и может стать общепринятой нормой культурно-политического поведения, способствуя устранению угрозы конфликта цивилизаций.

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2012 г., № 2, с. 126–130.*

Ибрагим Ибрагимов,

политолог

(Дипломатическая академия МИД РФ)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА

Известно, что «Кавказ на протяжении столетий приковывал к себе внимание “великих держав”, являясь средоточием, одним из чувствительных узлов не только региональной, но и мировой политики». Крупнейшее из постсоветских государств Южного Кавказа – Азербайджанская Республика, история которой уходит в глубь веков. Однако предшествовавшие государственные образования не были идентичны современному Азербайджану по территории, названию и т.д.

По итогам Русско-персидской войны 1812 г. и в соответствии с Гулистанским и Туркманчайским мирными договорами Россия распространила свой суверенитет на территории, часть которых составила основу Азербайджана. После распада Российской империи Азербайджан, Армения и Грузия образовали Закавказскую Демократическую Федеративную Республику, распущенную в мае 1918 г. Была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика (АДР), ставшая первой парламентской республикой в мусульманском мире, которая предоставила, в частности, избирательные права женщинам до того, как это было сделано в Великобритании и США.

АДР просуществовала чуть менее двух лет и успела установить дипломатические отношения лишь с шестью странами. Однако уже весной 1920 г. в стране утвердилась советская власть. В период нахождения в составе Советского Союза Азербайджанская Советская Социалистическая Республика (АзССР) обладала определенными полномочиями в области внешней политики. Статья 80 Конституции СССР 1977 г. гласила: «Союзная республика имеет право вступать в отношения с иностранными государст-

вами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций». Как и у других союзных республик, у Азербайджана было даже свое министерство иностранных дел. Однако говорить о самостоятельной азербайджанской внешней политике – равно как о казахской, литовской или даже российской – было бы затруднительно. Функции республиканских МИД сводились к представительским, а реальная политика проводилась МИД СССР в соответствии с решениями ЦК КПСС.

В конце 80-х годов в ряде регионов Советского Союза обострились и стали принимать вооруженную форму до той поры латентные этнополитические конфликты, в том числе в Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджана. Ввиду непоследовательности и отсутствия четкой позиции союзного руководства в АзССР стали нарастать призывы к независимости. В итоге в 1990 г. Верховный Совет АзССР принял Декларацию о суверенитете Азербайджанской Республики и восстановил флаг АДР в качестве государственного, а в октябре 1991 г. принял Декларацию независимости, которая была подтверждена общенациональным референдумом.

Первые годы существования Азербайджанской Республики были омрачены событиями в Нагорном Карабахе. Боевые действия между азербайджанскими и армянскими вооруженными силами начались вскоре после провозглашения независимости и шли до 1994 г., когда при посредничестве России Азербайджан, Армения и так называемая Нагорно-Карабахская Республика подписали трехстороннее соглашение о прекращении огня. Азербайджан потерял 16% своей территории, включая Нагорный Карабах, и 30 тыс. человек убитыми, а 1 млн. человек были вынуждены покинуть места своего проживания.

На формирование основ внешней политики нового независимого азербайджанского государства оказал огромное влияние именно этот фактор, а также острая внутривнутриполитическая борьба в Азербайджанской Республике в начале 1990 г., в основном завершившаяся лишь к 1993 г., когда президентом Азербайджанской Республики стал Г. Алиев.

Датой завершения формирования политического устройства Азербайджанской Республики следует считать 12 ноября 1995 г., когда была принята ее Конституция, определившая также общие внешнеполитические принципы страны. Но формирование и реализация внешней политики, а также установление дипотношений

начались гораздо раньше, практически сразу с провозглашением независимости.

В течение примерно одного года Азербайджан установил дипотношения с большинством стран мира. Турция стала первой страной, признавшей Азербайджанскую Республику, а последним по счету стал Бахрейн, дипотношения с которым были установлены в ноябре 1996 г.

В настоящее время Азербайджан имеет такие отношения со 158 государствами и состоит в 38 международных организациях. В мае 2006 г. Азербайджан был избран на сессии Генеральной Ассамблеи ООН членом только что созданного Совета по правам человека, а в октябре 2011 г. – одним из непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 4 мая 2012 г., Президент Азербайджанской Республики И. Алиев сказал: «Хочу выразить всем членам ООН признательность за поддержку кандидатуры Азербайджана... Впервые в нашей короткой истории Азербайджан был избран непостоянным членом Совета Безопасности. Это большая ответственность, и мы готовы взять на себя эту ответственность».

Приоритеты азербайджанской внешней политики, согласно Концепции национальной безопасности Азербайджанской Республики, включают:

- восстановление территориальной целостности страны;
- ликвидацию последствий потери Нагорного Карабаха и семи других регионов;
- интеграцию в европейские и евро-атлантические структуры;
- вклад в международную безопасность;
- сотрудничество с международными организациями;
- региональное сотрудничество и двусторонние отношения;
- укрепление обороноспособности;
- обеспечение безопасности внутривластными средствами;
- укрепление демократии;
- сохранение этнической и религиозной толерантности;
- научную, образовательную и культурную политику и сохранение моральных ценностей;
- экономическое и социальное развитие;
- укрепление внутренней и пограничной безопасности;
- политику безопасности в области миграции, энергетики и транспорта.

Поскольку восстановление территориальной целостности – первоочередной внешнеполитический приоритет Азербайджана, то анализ его внешней политики следует начать с рассмотрения отношений с Арменией, единственной из соседних стран, не имеющей с ним дипотношений. С 1994 г. стороны занимают позиции, соответствующие положению на момент подписания соглашения о прекращении огня, при этом большая часть Нагорного Карабаха, а также ряд прилегающих к нему территорий контролируются так называемой Нагорно-Карабахской Республикой, поддерживающей тесные связи с Арменией и даже использующей ее национальную валюту – драм. В прошлом руководство Азербайджана не раз подчеркивало, что в случае, если армянская сторона не освободит оккупированные территории и в нагорно-карабахском переговорном процессе не произойдет подвижек, то это будет означать, что все мирные возможности разрешения конфликта исчерпаны и Азербайджан будет вынужден прибегнуть к силовым методам его разрешения. В условиях, когда Армения игнорирует четыре резолюции Совета Безопасности ООН – 822, 853, 874 и 884 – с призывом к незамедлительному выводу всех армянских сил со всех оккупированных азербайджанских территорий, выбор вариантов дальнейших действий у Азербайджана действительно невелик. Группа по урегулированию карабахского конфликта Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе – Минская группа, сформированная в 1992 г. во главе с Россией, США и Францией как сопредседателями, предприняла за истекшие 20 лет впечатляющие усилия, однако результаты ее деятельности не впечатляют. Баку и Ереван не могут достичь согласия по предлагаемым ею трем принципам – самоопределение, территориальная целостность и неприменение силы. Так, азербайджанская сторона выражала согласие на автономию, однако Армения выдвигает аргумент, что при СССР у региона уже был такой статус. Что касается неприменения силы, то армянская сторона добивается предварительного согласия Азербайджана на это. Азербайджанская сторона, подчеркивая, что конфликт может вспыхнуть из-за любой «искры», в принципе не отрицает мирный путь.

Так, в интервью южнокорейскому журналу «Дипломатия» президент И. Алиев отметил, что «этот конфликт» все же «может быть урегулирован только мирным путем на основе международных принципов и в рамках территориальной целостности Азербайджана». Тем не менее на линии противостояния напряженность не ослабевает, продолжая периодически выливаться в вооружен-

ные столкновения. В этих условиях Азербайджан наращивает оборонный потенциал. Следует, однако, отметить, что, несмотря на то что оборонный бюджет Азербайджана в абсолютном выражении вдвое превышает весь госбюджет Армении, его вооруженные силы, по оценкам на 2008 г., не находились в состоянии высокой боеготовности и были мало подготовлены к крупномасштабным боевым действиям. Экономические санкции со стороны Турции и Азербайджана нанесли заметный ущерб бюджету Армении, однако пока ситуация остается далекой от решения.

В сложившихся условиях Азербайджанская Республика продолжает развивать взаимодействие с другими государствами. Цели этого взаимодействия отнюдь не ограничиваются лишь поиском таких партнеров, которые могли бы способствовать развязке нагорно-карабахского узла. При всей абсолютной важности данного внешнеполитического приоритета Азербайджан преследует и другие цели. В их число входят интеграция в международные структуры, сотрудничество с международными организациями в обеспечении международного мира и безопасности, а также взаимодействие в экономической, научной и других сферах.

Следует подчеркнуть, что геополитическое положение страны издавна привлекало к ней внимание ближних и дальних акторов. Не углубляясь в историю персидско-оттоманского или российско-британского соперничества за влияние и господство, можно сказать, что и сегодня Азербайджан находится в фокусе пристального международного внимания. В силу этого его политика не может не быть многовекторной и сбалансированной.

Особое значение для Азербайджана имеют отношения с Россией.

Ядром их договорно-правовой базы является подписанный 3 июля 1997 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности. Между двумя странами существуют тесные связи в самых различных областях, и они сотрудничают как на двусторонней основе, так и в формате десятков международных организаций. Россия участвует в нефтегазовых проектах Азербайджана. Например, российский «Лукойл» владеет 10% долей в разработке месторождения «Шах-Дениз» и 80% – в проекте D-222.

В то же время объем российских инвестиций в азербайджанскую экономику достаточно скромнен по сравнению с западными. В 2003 г. две страны подписали межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве.

После обретения Азербайджаном независимости и перехода созданной в советские времена Габалинской РЛС (РЛС «Дарьял») в его собственность Россия продолжала и продолжает использовать ее как составную часть своей системы слежения за пусками баллистических ракет. Соглашение о статусе, принципах и условиях использования РЛС Россией было подписано в 2002 г.

В 2007 г. в период обострения отношений между Россией и США вследствие планов США и НАТО разместить комплексы ПРО в Восточной Европе для защиты от гипотетической иранской ракетной угрозы Россия предложила США как альтернативу совместно использовать Габалинскую РЛС. США не проявили заинтересованности, но следует подчеркнуть, что российское предложение было поддержано руководством Азербайджана.

Характеризуя отношения между Азербайджаном и Россией, президент И. Алиев в интервью российскому телевидению отметил, что «новый этап развития отношений между Россией и Азербайджаном был как раз начат в начале 2000-х годов, когда Россию возглавил Владимир Путин и совершил свой первый официальный визит в качестве Президента РФ в Азербайджан. За это десятилетие сделано было очень много. Если совсем коротко сказать, были решены все большие или сложные вопросы в двусторонних отношениях. Все. Не осталось ни одного».

Из других соседних государств Азербайджан делает упор на «особые отношения» с Турецкой Республикой. Турция активно поддержала Азербайджан в нагорно-карабахском вопросе, присоединившись к азербайджанским экономическим санкциям, а фактически к экономическому эмбарго Армении, закрыв границу с ней. Вывод армянских сил также стал условием для установления турецко-армянских дипотношений. Между Азербайджаном и Турцией сложились весьма тесные экономические связи. Турция закупает у Азербайджана природный газ и участвует в таких инфраструктурных проектах, как нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, газопровод Баку–Тбилиси–Эрзурум и железная дорога Карс–Тбилиси–Баку. Военное сотрудничество началось в 1992 г. с подписания Соглашения о военном образовании. Турция стала оказывать помощь Азербайджану в сфере обороны, которая в 2010 г. составила 200 млн. долл. США. В декабре 2010 г. были достигнуты договоренности о взаимных гарантиях в случае нападения третьей стороны. Принятая в том же году Военная доктрина Азербайджанской Республики закрепила допустимость размещения иностранных военных баз на азербайджанской территории. Это породило спе-

куляции о грядущем размещении турецких войск в Нахичеванском регионе. Однако подтверждения на данный счет отсутствуют.

Еще один сосед Азербайджана – Грузия. В прошлом между двумя странами не наблюдалось серьезных противоречий. Напротив, в период 1918–1920 гг. две недолго просуществовавшие республики имели весьма тесные связи. После распада СССР дипотношения между ними были установлены 18 ноября 1992 г. Страны широко сотрудничают в региональном развитии энергетики, транспорта и экономических проектов, что обусловлено прохождением через Грузию главных путей транспортировки азербайджанских энергоносителей в Турцию и далее в Европу. Реализуется совместный проект по открытию железнодорожного сообщения по маршруту Баку–Тбилиси–Карс, в рамках которого Грузия получила азербайджанский кредит на сумму 775 млн. долл. США. Азербайджан сохраняет второе место в списке ее крупнейших торговых партнеров.

Исламская Республика Иран является четвертой страной, имеющей сухопутную границу с Азербайджаном. Отношения между двумя странами непростые. До того как азербайджанские земли попали 200 лет назад под российский / советский суверенитет, они на протяжении еще большего времени входили в состав Персии. Одно из наследий этого – тот факт, что 16% населения Ирана составляют этнические азербайджанцы. Напряженность в связи с неопределенностью последствий реализации иранской ядерной программы, тем более опасения насчет крупного вооруженного конфликта, не могут не вызывать беспокойства в Азербайджане.

Президент И. Алиев в этой связи отметил: «У Азербайджана граница с Ираном более тысячи километров, налажены активные трансграничные контакты, в Иране проживает более половины этнических азербайджанцев... Любое обострение обстановки в нашем регионе, безусловно, будет иметь очень тяжелые последствия для всех стран, так как сегодня и в политическом, и в экономическом, и в военном плане страны региона достаточно взаимосвязаны. Дестабилизация в одной из них может иметь катастрофические последствия, и даже трудно предположить, какими они будут».

Внешние связи Азербайджана не ограничиваются его отношениями с соседями. Его геополитическое положение таково, что в развитии взаимодействия с ним заинтересованы и удаленные от

региона государства. Сам Азербайджан также исходит из пользы для него такого сотрудничества.

Здесь роль главных акторов играют Европейский союз и США – крупнейшие экономические центры, на которые приходится половина глобального ВВП, составившего в 2010 г. 63 трлн. долл. США. Причем важно принимать во внимание не только абсолютный размер ВВП, но и его структуру, качество. По сути дела, эти два центра являются источниками львиной доли современных технологий, без которых модернизация любой страны представляется затруднительной, если вообще возможной. Наконец, США и почти все 27 стран Евросоюза (а также, что важно, Турция) объединены в старейшую и мощнейшую военно-политическую структуру современного мира – Организацию Североатлантического договора (НАТО). Ввиду этого взаимодействие Азербайджана с этими центрами силы представляет весьма значительный интерес.

С другой стороны, на Западе также объективно оценивают роль и место Азербайджана. Так, один из патриархов американской политологии З. Бжезинский подчеркивал, что «Азербайджан с его огромными энергетическими ресурсами... в геополитическом плане имеет ключевое значение». В то же время думается, что эту оценку, сделанную З. Бжезинским в начале нового столетия, следует несколько обновить. Значение Азербайджана с тех пор еще больше возросло:

- во-первых, мировые цены на углеводороды возросли в несколько раз;

- во-вторых, борьба вокруг маршрутов газо- и нефтепроводов из Каспийского и Центрально-Азиатского регионов в Европу с тех пор стала гораздо более острой;

- в-третьих, крупный сосед Азербайджана – Иран – за прошедшие годы оказался в фокусе противоборства всех ведущих геополитических акторов и потенциальным объектом применения военной силы, что также изменяет место Азербайджана в общей схеме, причем помимо его желания.

К настоящему времени весь Южный Кавказ превратился в арену геополитического соперничества между Западом, с одной стороны, и Россией, Ираном и Китаем – с другой. Анализируя новую стратегическую концепцию НАТО, принятую в Чикаго весной 2010 г., российский политолог, профессор В.В. Штоль указывает, что «очевидной стратегической перспективой будет закрепление НАТО в Центрально-Азиатском регионе и на Южном Кавказе, что

составляет основу новой стратегии блока на предстоящее десятилетие».

Отношения между Азербайджаном и НАТО стали формироваться с марта 1992 г., после его вступления в Совет Североатлантического партнерства, а началом реального взаимодействия можно считать 4 мая 1994 г., когда он подключился к программе «Партнерство ради мира». В 1997 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе было открыто представительство Азербайджана. Созданные в январе того же года азербайджанские миротворческие силы с 1999 г. стали участвовать в миротворческих операциях НАТО в Косове, с 2002 г. – в Афганистане, с марта 2003 г. – в Ираке. 19 ноября 2002 г. Азербайджан был принят в ассоциированные члены Парламентской ассамблеи НАТО.

Тем не менее за весь период сотрудничества с НАТО руководство Азербайджана никогда не говорило о желании вступить в эту организацию. Более того, в последнее время темпы сотрудничества между НАТО и Азербайджаном замедлились. 25 мая 2011 г. Азербайджан вступил в «Движение неприсоединения», объединяющее, как известно, государства, провозгласившие основой внешнеполитического курса неучастие в военно-политических блоках и группировках. Ввиду этого, прогнозы, что Азербайджан может вскоре стать членом НАТО, «перепрыгнув через Украину и Грузию», представляются совершенно необоснованными, поскольку ни о чем подобном здесь речь вообще не идет. Азербайджан поддерживает рабочие отношения с НАТО и ЕС, заинтересован в сотрудничестве со странами-членами во всех областях, представляющих взаимный интерес.

Азербайджан и в дальнейшем намерен проводить взвешенную внешнюю политику равноправного, взаимовыгодного и всестороннего сотрудничества со всеми странами региона и мира, заинтересованными в таком сотрудничестве. Как подчеркнул президент И. Алиев, выступая на заседании Совета Безопасности ООН (май 2012 г.), «Азербайджан будет отстаивать идеалы справедливости, международное право и мирное сотрудничество между всеми странами... Я могу заверить всех наших друзей в ООН и государства-члены, что Азербайджан станет надежным и дружественным партнером для всех стран».

«Обозреватель-Observer», М., 2012 г., № 10, с. 85–92.

Шамшадин Керим,

доктор филологических наук

(Египетский университет исламской культуры

Нур-Мубарак)

Алий Альмухаметов,

кандидат философских наук

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Государства бывшего СССР, в том числе Казахстан, переживающие ныне кризис духовности и девальвацию устоявшихся ценностей, столкнулись с тем, что демократические преобразования в общественной жизни породили существенные сдвиги в самосознании как отдельной личности, так и целой нации в их стремлении осознать свое место в истории и изменившемся социуме. Реальный смысл приобретает в этих условиях и понятие духовности, а в общественное сознание все больше входит ощущение неразрывной связи с ней. Резко возрос интерес к духовным традициям, настоятельнее становится необходимость в теоретическом осмыслении исторических судеб духовной культуры, перспектив ее развития.

Проблемы духовных исканий, будучи по-своему неповторимыми в каждую эпоху, традиционно сохраняют особую остроту как для социально-философской теории, так и для практики культурного обновления общества. Сложность поставленных современной жизнью задач противоречива и их постановка вызывается конкретными условиями социальной практики.

Рост национального самосознания, культурного самоотнесения интереса к своему прошлому, обострившаяся боль за настоящее и будущее – характерная черта духовных исканий в нашем обществе на рубеже второго и третьего тысячелетий. Жесткие временные рамки, отпущенные историей на радикальные изменения, на введение новаций во всех сферах жизни общества, драматизируют напряженность поиска их подлинных общечеловеческих и культурных оснований.

Поэтому актуальной задачей является научный анализ таких духовных явлений, как религия, имеющая многовековую историю, бывшая в Средние века духовной доминантой общества, а в усло-

виях более 70-летнего господства коммунистической идеологии в СССР вытесненная на периферию социальной жизни.

Религия – одна из древнейших форм духовности, социокультурный феномен, традиционно претендующий на монополию всей духовной жизни отдельного человека и общества в целом. После обретения Казахстаном суверенитета новое государство провозгласило себя светским, положив начало формированию гражданского общества. Постсоветский Казахстан еще в 1992 г. принял Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», что стало правовой основой государственно-конфессиональных отношений.

Демократизация общественной жизни породила не существовавшие ранее проблемы: религиозным объединениям дали право юридического лица, что позволило им развернуть на всей территории Казахстана благотворительную, образовательную деятельность. В научной и публицистической литературе все активнее начал употребляться термин «религиозное возрождение». Но что понимать под возрождением: возрождение вероисповедных традиций или просто возврат церковной собственности, укрепление материальной базы религиозных организаций? С точки зрения обыденного сознания последнее и понимается как своего рода «религиозный бум» в обществе. Естественно, в условиях мировоззренческого плюрализма, полиэтничности и поликонфессиональности казахстанского общества новое светское государство оказалось в непростых условиях.

После обретения страной независимости религиозная ситуация сильно изменилась. Увеличился спрос на религиозные знания. Масса молодых людей уезжают за границу для приобретения там религиозных знаний. Получившие религиозное образование в различных государствах по возвращении на родину становятся причиной многих проблем. На сегодняшний день религиозный вопрос является наиболее актуальным в деле обеспечения единства и безопасности нашей страны. Остро ставится необходимость подготовки в Казахстане своих кадров и специалистов-религиоведов. Подготовка высококвалифицированных исламоведов внутри страны имеет также и политическую значимость для независимого Казахстана. Поэтому, чтобы избавить молодое поколение от необходимости выезжать за рубеж, мы должны обеспечить для них возможность получения религиозного образования в отечественных учебных заведениях. Одним из решений данной проблемы

является выделение грантов на бесплатное обучение, чтобы молодежь не искала бесплатное образование за границей.

Сегодня свобода вероисповедания позволяет людям вернуть свои традиционные исламские ценности. Если до приобретения независимости во всем Казахстане было 68 мечетей, то сегодня их число достигло 2500, многие из которых не подлежат сравнению с прежними в плане вместимости и архитектурного замысла. Все они расположены в самых красивых уголках нашей страны. В крупных городах и областных центрах республики, таких как Астана, Алматы, Павлодар, Актобе, Орал, Джамбул, Караганда и др., воздвигнуты огромные по вместимости мечети, являющие собой шедевры архитектурного искусства, с красотой которых едва ли могут сравниться мечети на всем постсоветском пространстве. Еще до независимости мусульманское духовенство Казахстана было отделено от узбекистанского и сформировано как отдельное централизованное религиозное объединение, ставшее позднее крупной организацией, имеющей свою роль и цели и действующей по определенному уставу.

Сегодня Духовное управление мусульман Казахстана в своей деятельности достигло больших успехов. И если в советское время ислам вытеснялся к аулам, где инкогнито его придерживались старцы и аксакалы, то сегодняшняя картина выглядит совершенно иначе. Мечети в крупных городах переполнены прихожанами, большую часть которых составляет молодежь. Более того, из-за постоянного роста количества прихожан действующих мечетей явно не хватает. И 32 мечети, действующие в Алматы, уже не решают проблемы вместимости. Роль имамов в обществе возросла, она уже не ограничивается исполнением религиозных ритуалов в мечети, они активно участвуют в общественной жизни, выступают с докладами на научных конференциях, сотрудничают с прессой, делают успехи в научной деятельности. Теперь для религиозных работников начали действовать новые требования. Казахстанская молодежь получила возможность получать религиозное образование за рубежом. В связи с чем появилась потребность в подготовке религиозных кадров внутри страны. Так, с 1991 г. при Духовном управлении мусульман Казахстана начал работу Исламский институт повышения квалификации имамов, а с 2001 г. в результате межправительственного соглашения между Республикой Казахстан и Арабской Республикой Египет начал работу Египетский университет исламской культуры Нур-Мубарак. Помимо всего прочего в разных регионах страны действуют восемь медресе,

каждое из которых предоставляет среднее специальное религиозное образование, а также институты повышения квалификации имамов.

Тематика проповедей в мечетях систематизирована и имеет определенную последовательность. Введена единая форма для имамов. Нынешний председатель Духовного управления мусульман Казахстана, верховный муфтий Абсаттар Дербисали, продолживший дело первого руководителя ДУМК Ратбека Нысанбаулы, осуществил новый этап развития духовного центра мусульман страны.

Публикация религиозной литературы получила большое распространение. Так, были переведены на казахский и русский языки и изданы большим тиражом широкий спектр трудов на религиозную тематику, из них перевод смыслов Корана, хадисы Пророка, положения шариата и т.д. Для этого были созданы несколько специализированных издательских центров, для работы которых были привлечены высококвалифицированные эксперты, канонические редакторы, профессиональные переводчики. Созданы издательства, занимающиеся публикацией журналов и газет на религиозную, научную и общественную темы, такие как газета «Ислам еркениеті», журнал «Шапағат Нұр», журнал «Мұсылман» и т.д. Начал свою работу первый телевизионный канал исламского вещания «Асыл Арна». Действует множество исламских сайтов. По инициативе правительства был создан фонд поддержки исламского образования и науки, в задачи которого входят издательство и бесплатное распространение религиозной литературы, оказание финансовой поддержки исламским студентам в форме оплаты их обучения, выплаты стипендий.

Накануне при Духовном управлении мусульман Казахстана начал работу фонд «Зекет». Миссия фонда: сбор закята мусульман Казахстана и рациональное распределение в соответствии со Священным Кораном, пречистой Сунной Пророка и положениями шариата. Также фонд преследует нижеследующие цели:

- выплата ежемесячного оклада работникам мечетей, находящихся в аулах и не имеющих возможности для самообеспечения;
- выделение стипендий для студентов религиозных учебных заведений Казахстана;
- строительство корпусов для религиозных учебных заведений и обеспечение их необходимой технической базой;

- строительство домов студентов, отвечающих современным требованиям для религиозных медресе Казахстана;
- подготовка и издание необходимой религиозной литературы, а также ее распространение;
- оказание финансовой поддержки распространению религии ислама на должном уровне;
- оказание финансовой помощи социально уязвимым слоям населения;
- оказание финансовой поддержки остальным служащим ДУМК.

Основные принципы фонда: соответствие шариату (согласно мазахабу Абу Ханифы); прозрачность перед народом; официальность.

К сожалению, пробелы в Законе «О свободе вероисповедания» дали возможность распространению различного рода течений, привлечших на свою сторону множество представителей традиционных религий ислама и православия, что пагубно отразится на единстве нации и стабильности государства. Так, в стране зарегистрированы очаги течения экстремистского характера «Хизб ут-Тахрир», существование течений суфийского направления, таких как течение Исматуллы.

С обретением независимости переход общества с атеистических взглядов к возрождению духовного и культурного богатства принес глобальные изменения в сознании людей. Шла идеологическая борьба на пути возрождения исламских ценностей. В г. Туркестан был основан университет и назван в честь известного проповедника суфизма в Средней Азии Ходжи Ахмета Ясауи. В Мангыстау осуществились работы по реставрации подземной мечети Бекет Ата. В Кызылорде прошли конференции о жизни и деятельности известного исламского проповедника Марала Ишана. В Павлодарской области прошли работы по реставрации в мавзолее Машхур Жусипа Купеева, именем которого названа центральная мечеть области. Издано множество трудов этого просветителя. Его творческой жизни ежегодно посвящаются научные конференции.

Все больше научного внимания уделяется исследованиям трудов ученых-религиоведов Средних веков, живших на территории Казахстана. Найдены ценные сведения о жизни ученых того времени, таких как Хисам ад-дин ас-Сыганаки, Кауам ад-дин аль-Иткани аль-Фараби, Хибатуллах ат-Туркистани. Вышли в свет множество научных статей, началась массовая пропаганда жизни и

деятельности великих исторических личностей. Так, в Жанакоргане Кызылординской области именем Сыганаки была названа мечеть, а в Южно-Казахстанской области одному из сел было присвоено имя аль-Иткани. Также в городе Тараз медресе было названо в честь ученого Хибатуллаха ат-Туркистани.

В Казахстане ведется работа по предотвращению распространения нетрадиционных исламских течений, а также по усилению влияния традиций принятого в стране мазхаба Абу Ханифы. В 2009 г. в Алматы Духовным управлением мусульман Казахстана была организована научно-практическая конференция, посвященная Абу Ханифе. Именем Абу Ханифы было названо недавно открытое медресе в Астане. В университете Нур-Мубарак действует научно-исследовательский центр, также названный именем Абу Ханифы. Данный центр занимается изучением трудов исламоведов и их внедрением в научный оборот.

Казахстанцы проявляют все больший интерес к исламу. Все больше людей стремятся исполнить свой религиозный долг. Одной из актуальных задач на современном этапе является популяризация трудов ханафитских богословов, что способно вызвать гордость казахстанцев за богатое историческое наследие своих предков, воспитать казахстанский патриотизм. Именно в этом контексте работают ученые нашего университета, которые сумели найти максимальный синтез основополагающих ценностей ислама и особенностей местных традиций. На сегодняшний день коллективом авторов под руководством профессора Ш. Керима на основе традиционного ханафитского материала разработана учебно-методическая база и учебные программы для подготовки отечественных богословов в религиозно-образовательных учреждениях Казахстана.

Впервые в истории суверенного Казахстана нами подготовлен государственный стандарт по специальности «Исламоведение». Данная специальность с июня 2011 г. официально введена в классификатор специальностей высшего и послевузовского образования Республики Казахстан. В настоящее время разрабатываются государственные стандарты специальности «Исламоведение» по программам магистратуры и докторантуры.

Решение указанных задач позволит на идеологическом уровне предотвратить и нейтрализовать причины, порождающие проявления религиозного радикализма.

Казахстан имеет глубокие корни и древние традиции в плане религиозной толерантности и межконфессионального согласия.

Казахстан испокон веков находился на пересечении различных культур и религий. Общеизвестно, что на территории современного Казахстана на протяжении многих веков имели место такие религиозные верования, как тенгрианство, зороастризм, манихейство, буддизм, христианство и, конечно же, ислам, которые вполне мирно сосуществовали между собой и были образцом толерантности и межконфессионального согласия. Эта древняя традиция нашла отражение и в современной этноконфессиональной политике Казахстана. основополагающими принципами межконфессиональных отношений внутри Казахстана являются толерантность, взаимопонимание и взаимоуважение, межэтническое согласие и религиозная терпимость. Это означает, что как во взаимоотношениях государства с различными, в том числе и с новыми, религиозными образованиями, так и в межконфессиональных отношениях основополагающим принципом выступает принцип толерантности. Но это ни в коем случае не дает повод трактовать толерантность как вседозволенность. В свое время один из французских президентов по данному поводу заметил, что принцип толерантности должен иметь порог применимости, в противном случае теряется смысл. Действительно, данный смысл должен применяться по отношению к религиозным образованиям, деятельность которых носит позитивный и конструктивный характер, и ни в коем случае по отношению к тем, чья деятельность носит деструктивный характер и представляет угрозу как национальной безопасности государства, так и физическому и психическому здоровью человека.

Следует совершенствовать законодательную базу регулирования взаимоотношений государства с различными, в том числе и с новыми, религиозными образованиями, прежде всего, с целью безопасности как общества в целом, так и каждого человека в отдельности. В Конституции Республики Казахстан законодательно закреплены принципы свободы совести и свободы вероисповедания, равное право граждан различной конфессиональной принадлежности на создание своих религиозных объединений, отделение государства от религии. Выработан ряд других нормативно-правовых основ регуляции социального функционирования религии и религиозных объединений. Несмотря на то что в современном Казахстане в определенной степени разработана нормативно-правовая база функционирования тех или иных религиозных объединений, статус религии, их истинное положение и роль в жизни общества, т.е. статус, сфера и границы влияния религии на социально-политическую и духовную сферы общества до сих пор четко

не определены. И в этом плане мы думаем работать совместно с вновь созданным Агентством по делам религии, Духовным управлением мусульман Казахстана, другими государственными органами.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в XXI в. исламская религия в Казахстане будет играть всевозрастающую роль в деле консолидации общества, в укреплении межкультурного и межкультурного диалога, что приобретает в современном мире все большую значимость.

*«Ислам в СНГ»,
М.–Н.Новгород, 2011 г., № 4(5), с. 46–49.*

Г. Шульга,

политолог

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
В ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО
ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ВЗГЛЯД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА**

Культурно-цивилизационный фактор является не менее важным, чем экономические и политические интересы государств в создании интеграционных блоков и союзов. На протяжении десятков лет страны Центральной Азии были объединены восточно-христианской (православной) цивилизацией в рамках исторической России. Общность исторического прошлого, российско-советская культура, русский язык являются важными компонентами, скрепляющими центральноазиатское пространство вокруг России и в настоящее время. Вместе с тем геополитические процессы, происходящие в регионе, в перспективе могут кардинально изменить расстановку сил в Центральной Азии, запустив в движение механизм дезинтеграции.

На примере Таджикистана можно видеть, что в борьбе за доминирующее культурное влияние в этой стране соперничают пять цивилизаций.

Русскоязычная культура: ее очагами в Таджикистане были и остаются крупные города, где сконцентрировано чиновничество, интеллигенция и представители некоренных народов (преимущественно славяне). Основными носителями этой культуры являются некоренные народы, а также люди старшего поколения урбанизированной части коренного населения. Русский язык и ключевые

элементы российской культуры все еще остаются отличительным знаком правящей элиты. Вместе с тем в настоящее время отмечаются отчетливые тенденции сужения сферы их распространения. В настоящее время численность российской диаспоры сократилась и составляет порядка 40 тыс. человек (менее 1% в структуре 7 млн. населения Таджикистана). Помимо того что этот процесс привел к сокращению использования русского языка, он снижает и уровень владения им. В числе других проблем – недостаточное количество часов, отведенное на уроки русского языка в средних общеобразовательных школах республики (сокращено до 2–3 час. в неделю), недостаток учебной и учебно-методической литературы на русском языке, а также дефицит квалифицированных преподавательских кадров. Новый Закон «О государственном языке», принятый в октябре 2009 г., запрещающий использовать русский язык не только в официальных документах, но и при обращении в органы власти, резко ослабил позиции русского языка в Таджикистане.

Иранская культура является наиболее традиционной для Таджикистана. Общность языка и отчасти исторического прошлого используются иранцами как основной повод для участия в политике этого государства. Большинство таджикского населения говорит на близком к фарси языке и ощущает себя частью ираноязычного мира. Идеологической базой особой доверительности в отношениях между этими двумя странами является признание того, что «современные Исламская Республика Иран и Республика Таджикистан – прямые потомки некогда единой арийской цивилизации». Подобную позицию можно рассматривать как своего рода противовес идее пантюркизма, в рамках которого реализуются усилия по сближению Турции с государствами постсоветского пространства с преобладающим тюркоязычным населением – Азербайджаном, Казахстаном, Киргизией, Туркменистаном и Узбекистаном. Действия Тегерана в Таджикистане похожи на настоящую культурную экспансию. В таджикских вузах имеются 17 уголков иранской культуры. Почти полгода один из центральных в республике каналов демонстрировал иранский художественный фильм «Хазрате Юсеф» («Пророк Иосиф»). В столице и в областных центрах работают корпункты иранских радиостанций и информагентств, в Душанбе функционирует магазин иранской книги. Из других культурных проектов Ирана, реализуемых в Таджикистане, можно отметить финансирование издания на кириллице персидской классики, книг по истории Востока, различных словарей, религиозной литературы. Иранцы даже профинан-

сировали издание двухтомника «История таджикского народа», написанного в советское время известным востоковедом и государственным деятелем, академиком Бабаджаном Гафуровым. Образовательная сфера также находится под пристальным вниманием Ирана. Не без иранского влияния в Таджикистане с 1 сентября 2009 г. во всех общеобразовательных школах страны ввели преподавание нового предмета «маърефатэ эслами» («исламское образование»). По мнению одного из руководителей народного образования Согдийской области Таджикистана С. Джалолова, сегодня как никогда у населения, в том числе детей, появился интерес к изучению исламской культуры. Поэтому вполне логично, что, учитывая высокую мотивацию населения, в программу школьного образования ввели такой предмет. Изучение персидского языка также внедряется в систему школьного образования. Стране оказывается большая помощь разнообразной учебно-методической литературой, организацией всевозможных курсов повышения квалификации преподавателей фарси, стажировками студентов-иранистов. На иранские деньги в стране построены несколько крупных библиотек, оборудованы учебные центры по изучению фарси.

Тюркская культура. Идеологическое влияние Турции в Таджикистане распространяется через действующие здесь турецкие лицеи, которые достаточно популярны среди местного населения. Далеко не последнюю роль в этом играет обучение турецкому и английскому языкам и возможность далее поступить в вузы Турции и стран Запада, а затем найти престижную работу на родине или за границей. По мнению французского политолога Б. Балчи, основополагающей целью культурно-образовательной политики Турции в Центральной Азии является «создание новой национальной элиты», которая будет говорить на английском и турецком языках и формировать позитивное отношение к Турции. Однако применительно к Таджикистану говорить о том, что открытые здесь турецкие лицеи действительно способны трансформировать сознание местного населения, не приходится. Незначительное количество подобных учебных заведений в стране, их элитарность, подразумевающая ограниченный состав обучающихся, вряд ли могут кардинально повлиять на изменение общества. В настоящее время в Таджикистане открыты всего шесть таких школ, причем многие из них пользуются особой популярностью среди местной элиты. Так, в таджикско-турецкой школе-интернате «Хаджи Кемал» обучаются дети чиновников и зажиточных родителей. Заня-

тия проходят на четырех языках – английском, турецком, русском и таджикском. В отличие от обычных школ республики «Хаджи Кемал» располагает современным учебным оборудованием и полностью отремонтированным двухэтажным зданием. Наиболее способные ученики этой школы участвуют в международных образовательных конкурсах по различным предметам.

Китайская культура. В отличие от Турции культурная экспансия Китая в основном сфокусирована на лингвистическом направлении. В Душанбе успешно функционирует культурно-образовательный центр Конфуция, целью которого является распространение китайского языка. Большой интерес к китаистике проявляет студенческая молодежь. В Таджикском государственном институте языков им. С. Улугзаде на кафедре «Языки дальнего зарубежья» работают пять преподавателей китайского языка, трое из которых выпускники вуза. На отделение китайского языка в бюджетные и договорные группы ежегодно принимается от 12 до 25 абитуриентов. В настоящее время на этом факультете обучаются 166 студентов. С момента начала функционирования отделения китайского языка обучение окончили 78 выпускников, 13 из них получили красные дипломы. В Российско-таджикском (Славянском) университете, где Центр китайского языка был организован несколько лет назад, в 2009/2010 учеб. году число обучающихся китайскому языку превышало 60 студентов. При этом желающих посвятить свою жизнь китаистике не уменьшается. В сфере среднего образования китайский язык активно изучается таджикскими школьниками в гимназии Кафолат, в которой преподают этнические китайцы, направленные в республику правительством Китая, принявшем на себя обязательство их полного финансирования.

Глобалистская западная (англоязычная) культура в настоящее время она активно развивается в Таджикистане. США распространяют свою культуру через сеть американских центров. В Душанбе, Худжанде, Хороге, Кулябе и Курган-Тюбе функционируют пять Американских уголков, которые содержат коллекцию книг на английском языке о Соединенных Штатах, произведения художественной литературы, деловые и правительственные издания, учебные материалы для изучения английского языка. Евросоюз работает через французский культурный центр «Бактрия», расположенный в Душанбе. Здесь проходят языковые курсы, музыкальные вечера, встречи с известными европейскими писателями и артистами. Креативный подход европейцев обеспечил большой эффект от ра-

боты центра, которым таджикское общество в большинстве своем довольно, не заостряя особого внимания, что это «французский» уголок.

Официальная политика местных властей в области образования, акцентирующая внимание на лингвистической триаде: обязательное знание таджикского языка как языка национальной культуры, английского и русского как выход в глобальный мир, также показывает отчетливые тенденции усиления позиций западной англоязычной культуры.

Перспективы. Ослабление культурно-цивилизационного влияния России в Центральной Азии и заполнение образовавшегося вакуума идеологией других стран могут привести к тому, что разрыв между бывшими центральноазиатскими республиками СССР станет уже окончательным, сопровождающимся переформатированием всего цивилизационно-культурного кода народов, населяющих этот регион. Вместе с тем народы Центральной Азии и России имеют давнюю историю культурно-цивилизационной интеграции. В результате исторических событий на просторах евразийского постсоветского пространства шло смешение наций, происходило взаимопроникновение различных культур. Формировалось универсальное мировоззрение, общие духовные ценности, русский язык стал языком межнационального общения. Эту идентичность мы и должны культивировать, именно она и является тем культурным звеном, объединяющим центральноазиатские государства в единую парадигму. В этом контексте речь идет об укреплении уже исторически сложившегося единого культурного пространства, той модели интеграции, которая опиралась бы не только на экономический фундамент, но и социальный, духовный факторы.

*«Евразийское пространство:
Прошлое, настоящее, будущее», М., 2012 г., с. 65–69.*

Рафик Сайфулин,
политолог (Узбекистан)
КАК РОЖДАЮТСЯ МИФЫ?
ВЗГЛЯД ИЗ ТАШКЕНТА НА ОДКБ
И ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Центрально-Азиатский регион долгое время – и при советской власти, и сразу после – воспринимался в качестве междуна-

родных задворков. На этом региональном полигоне отрабатывались известные и на шумевшие концепции «столкновения цивилизаций», «большой шахматной игры» и др. Представляется, что подобные идеи, при всем уважении к их авторам, уже морально и исторически устарели.

Сегодня мир развивается по другим сценариям, хотя в их основе, как и прежде, лежат конкретные экономические интересы – текущие и долгосрочные. Но инерция мышления, уверенность в собственной непогрешимости, подкрепленная мощными ресурсами, позволяет многим не замечать, а уж тем более не признавать очевидный факт: некоторые из тех, кто безоговорочно признавался в качестве объектов «Большой игры» в Центральной Азии, сегодня осваивают роль самостоятельных акторов, субъектов пресловутой игры. Речь в данном случае идет об Узбекистане.

Поводом для такого рода размышлений стало резонансное решение Ташкента о приостановлении членства в Организации Договора о коллективной безопасности. Этот шаг не вызвал особой публичной дискуссии, отторжения или официальной негативной реакции со стороны других членов организации, однако стал предметом активного подковерного обсуждения, домыслов и фантазий, в том числе среди экспертов стран, которые никогда в ОДКБ не войдут.

Наиболее избитая тема в этом контексте – споры о том, с кем же Узбекистан сегодня и с кем он будет завтра. Можно услышать мнения об очередном крене Ташкента в сторону Соединенных Штатов и отдалении от России и СНГ. Во-первых, налицо признак устоявшегося блокового черно-белого мышления: если не с нами, то против нас. Во-вторых, наглядный пример рецидива упомянутой выше инерции, в соответствии с которой сомнению подвергается способность Узбекистана реализоваться в качестве самостоятельного субъекта международных отношений.

Напомню, что дискуссии заинтересованных лиц (а это не только журналисты и эксперты, но и политики) на тему, где прищвартуется внешнеполитическая стратегия Узбекистана, продолжают на протяжении всего периода после провозглашения его независимости. Зачастую превалирует примитивно-механистический подход, когда выводы о внешнеполитических приоритетах делаются на основании подсчета того, сколько раз президент Узбекистана и другие представители руководства встретились с теми или иными зарубежными партнерами. Безусловно, регулярные

контакты на официальном уровне – признак динамики развития отношений, однако не более того.

Руководство Узбекистана в своей внешней политике исходит исключительно из национальных интересов и в соответствии с ними определяет приоритеты. Надо знать характер узбекского лидера Ислама Каримова, который никогда и никому не позволит управлять собой. И комментарии в том духе, что, мол, Ташкент вышел из ОДКБ под давлением США и в пику России, свидетельствуют о том, что их авторы, мягко говоря, слабо знают современный Узбекистан, да и Центральную Азию в целом. К примеру, абсурдны распространяемые некоторыми российскими телеканалами (в частности, уважаемым каналом «Мир») сведения, что в обмен на выход из ОДКБ Вашингтон пообещал решить спор по водным проблемам между Таджикистаном и Узбекистаном в пользу Ташкента. В отличие от таких стран региона, как Киргизия и Таджикистан, Узбекистан политически и экономически самодостаточен, что позволяет принимать самостоятельные решения, нравится это кому-то или нет. И позиция Ташкента в отношении ОДКБ не является ни проамериканской, ни тем более антироссийской. Решение принималось без давления со стороны США и без согласования с Россией.

Во-первых, хотя отношения Узбекистана и ОДКБ, Ташкента и Москвы, Узбекистана и Соединенных Штатов могут пересекаться, это разные темы, каждая из которых имеет собственную историю и логику развития. Попытки увязать данные вопросы порождают мифы и домыслы.

Во-вторых, восприятие позиции Узбекистана исключительно в контексте отношений между Россией и Америкой – это узкий и ограниченный подход, также являющийся следствием блокового мышления и отголоском концепции «Большой игры». С первых лет независимости Узбекистан осуществляет политику диверсификации внешних связей. При этом предпочтение отдается тем партнерам, сотрудничество с которыми содействует реализации текущих и долгосрочных национальных проектов в самых различных сферах. К примеру, на азиатском направлении это Китай, Корея, Япония.

В-третьих, ОДКБ и позиция Ташкента – это совершенно отдельная тема, которую необходимо рассматривать самостоятельно.

История ОДКБ началась с подписания в Ташкенте в 1992 г. Договора о коллективной безопасности (ДКБ). В тот период обоснованность такого шага для Узбекистана была очевидна. Напря-

женность в соседнем Афганистане зашкаливала. Строительство Национальных вооруженных сил и других силовых структур в странах Центральной Азии находилось в самой начальной стадии, в силу чего их обороноспособность оставалась очень низкой. Ситуация усугублялась гражданской войной в Таджикистане. Объединяющим фактором стали и сохранившиеся по инерции тесные связи между силовиками различных ведомств в новых независимых государствах. Но даже при всех этих обстоятельствах не был ясен механизм реализации ДКБ в случае реальной угрозы извне, в данном случае из Афганистана. Договор скорее сыграл роль предупредительного, но ничем и никем не подкрепленного сигнала.

Трансформация ДКБ в ОДКБ привнесла нотки политизированности, что обернулось попытками придать Организации характер военно-политического блока. Те, кто занимался тогда этими вопросами, помнят, как много иллюзий возникало на тему интеграции постсоветского пространства. ОДКБ также пытались представить в качестве интеграционной площадки с перспективой формирования наднациональных структур и, как следствие, ущемления суверенитета молодых независимых государств. Это сразу вступило в противоречие с национальным законодательством, согласно которому Узбекистан отказывался от участия в любых альянсах военно-политической направленности. Сложившаяся ситуация привела к первому выходу Ташкента из ОДКБ.

Анализ всей последующей деятельности ОДКБ позволяет сделать ряд принципиальных выводов.

Во-первых, за 20 лет своего существования Организация нигде и ни в чем себя не проявила. По-прежнему неясен механизм реализации ее потенциала. К примеру, крайне сомнительно, что белорусский или армянский солдат будет охранять таджикско-афганскую границу, равно как и таджик или киргиз встанет между Арменией и Азербайджаном в случае вооруженных конфликтов.

Во-вторых, по-прежнему размыты как представления, так и правовые рамки, определяющие цели, задачи, функции и полномочия ОДКБ. Даже в такой мощной организации, как НАТО, некоторые ее участники часто занимают собственную особую позицию. В ОДКБ же это проявляется еще на стадии становления и концептуального осмысления Организации, что мешает ее укреплению.

В-третьих, несмотря на то что интенсивность военных учений в рамках ОДКБ повысилась, подобные маневры проходят в формате отработки совместных действий против условных терро-

ристических группировок. Однако, как показала практика, фактически все страны-участницы уже сталкивались с реальными проявлениями терроризма, в том числе международного, однако справлялись с ними самостоятельно, без привлечения потенциала ОДКБ.

В-четвертых, новым поводом для разговоров о концептуальном кризисе стал кровавый конфликт на Юге Киргизии в 2010 г. Тогда заговорили о необходимости расширения и конкретизации зоны ответственности Организации. Однако можно предположить, что вовлечение ОДКБ в процесс урегулирования внутренних конфликтов скорее приведет к их интернационализации, чем локализации.

Размытость понимания, что есть ОДКБ, усиливает и процесс углубления различий между странами-участницами в избранных государственных моделях, внутриполитических системах, законодательных базах, масштабе ресурсов, экономическом и военном потенциалах, уровне национального эгоизма, механизмах принятия решений и ответственности за их реализацию на национальном уровне. К этому необходимо добавить периодически возникающие противоречия между отдельными членами.

Нынешнее решение о приостановлении участия Узбекистана в деятельности ОДКБ было принято во многом с учетом этих обстоятельств. Однако это не означает, что Ташкент наглухо закрыл за собой дверь, тем более хлопнул ею. Многое зависит от того, как в дальнейшем будет развиваться Организация, насколько прагматичными будут ее решения и процесс их принятия. Критики позиции Узбекистана в отношении ОДКБ часто рисуют мрачные прогнозы возрастания внешних угроз с учетом вывода войск США и западного альянса из Афганистана в 2014 г. Безусловно, ситуация в Афганистане не станет моментально не только идеальной, но даже стабильной. Риски, обусловленные соседством с этой страной, всегда существуют и учитываются. Но не стоит забывать, что решение Узбекистана по ОДКБ не имеет касательства к двустороннему сотрудничеству с Россией, союзнические отношения с которой никто не отменял. Более того, вопросы военно-политического взаимодействия на двусторонней основе в нынешних условиях могут решаться более оперативно и эффективно без согласования в ОДКБ, поскольку некоторые страны – участницы Организации слишком далеки от Центральной Азии, проблемы которой, включая афганскую, стоят у них в лучшем случае на третьем месте. Есть надежда, что в Москве это понимают.

В Узбекистане отдают себе отчет в том, что в некоторых государствах, в том числе соседних, внешнеполитические действия Ташкента вызывают неоднозначную реакцию. Но способность реализовывать национальную стратегию и обеспечивать национальные интересы без оглядки на кого-либо, невзирая на попытки внешних авторитетов оказать давление, является наиболее убедительным признаком реальной, а не декларированной независимости. Без сомнения, к этому стремятся все страны Центральной Азии, хотя и с разной долей успеха. Практически везде, даже в таких проблемных странах, как Киргизия и Таджикистан, можно услышать доводы в пользу диверсификации и многовекторности внешней политики. Однако чтобы перейти от лозунгов и заявлений к реальным и ощутимым результатам, необходимо решить главную задачу – обеспечить политическую и экономическую самодостаточность, что, по сути, является основой истинного суверенитета и независимости.

Сегодня в Центрально-Азиатском регионе есть только две страны, способные к реальной диверсификации внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, а также к удержанию баланса в отношениях с ведущими международными акторами в собственных национальных интересах. Это Узбекистан и Казахстан, поскольку они дальше других продвинулись по пути самодостаточности, создав тем самым условия, при которых их мнение и действия не только признают, но с ними и считаются. Такой подход поможет избавиться от новых необоснованных иллюзий и мифов.

*«Россия в глобальной политике»,
М., т. 10, № 4, июль-август, с. 81–85.*

А. Клименко,
кандидат военных наук (ИДВ РАН)
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ПОЛИТИКИ
КНР: ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РЕГИОНЕ

Китайская Народная Республика – одно из самых крупных по своим параметрам государств не только региона, но и мира. Его территория составляет около 9 561 000 кв. км. Население – свыше 1,2 млрд. человек. Общая протяженность береговой линии – более 18 тыс. км. Протяженность сухопутных границ – около 22 тыс. км,

в том числе с Россией – 4259 км. Из пяти стран Центральной Азии три участника ШОС (Казахстан, Киргизстан и Таджикистан) имеют с Китаем общую границу протяженностью 3250 км.

В качестве основной цели внешней политики Китая провозглашено создание мирных и стабильных внешних условий для внутреннего развития страны. Такой подход не только определяет его внешнеполитическую стратегию, но и устанавливает взаимные отношения КНР со странами Центральной Азии. На эти отношения накладывает свой отпечаток ряд экономических, политических и стратегических факторов.

Во-первых, высокие темпы роста экономики Китая в последние десятилетия резко повысили спрос на энергетические ресурсы. Главными их поставщиками стали Саудовская Аравия, Ангола, Иран, Россия и Оман. В их число вошли также Судан, Нигерия, Ливия. Однако вследствие того, что обстановка во многих из них нестабильна, а морским путям угрожает пиратство, для обеспечения энергетической безопасности, связанной с гарантированностью и бесперебойностью их поставок, Китай все больше привлекают ресурсы Центральной Азии.

Во-вторых, все заметнее становится тенденция расхождения уровней экономического развития западной и восточной частей Китая, что потребовало от правительства страны принятия стратегии «Освоения Запада», важное место в политике которой отводится развитию связей с центральноазиатскими государствами.

В-третьих, рост внимания государств Запада к Центральной Азии, выраженный в их военном проникновении в регион и стремлении расширить сотрудничество с его странами в области безопасности, сопровождаемое определенной финансовой помощью центральноазиатским республикам, имеет целью подорвать позиции Китая и России и их влияние в регионе, ослабить их взаимодействие в формате ШОС. Подобные действия, прежде всего со стороны США, вызвали крен центральноазиатских государств в сторону многовекторной политики, но факты причастности Запада к «цветным революциям», направленным против существующих в регионе политических режимов, оказали заметное отрезвляющее влияние на правящую элиту этих стран. Следствием этого стал их возврат к более тесному сотрудничеству с Китаем и Россией, которые поддержали позиции действующих в центральноазиатских государствах властей.

Китайские эксперты считают, что в свете всего этого на первый план выдвинулись следующие интересы КНР в Центральной Азии:

- развитие добрососедских и дружественных отношений со странами региона и предотвращение формирования в нем антикитайских сил;

- укрепление сотрудничества в области безопасности и усиление борьбы против «трех зол» как факторов обеспечения стабильности в СУАР;

- стимулирование сопроцветания путем укрепления сотрудничества в энергетической, торгово-экономической и гуманитарной областях;

- обеспечение устойчивости властей в центральноазиатских государствах в целях предотвращения новых волнений в регионе;

- содействие развитию ШОС.

Эти направления деятельности Китая в Центральной Азии коррелируются с главной долгосрочной целью внешней политики Китая – созданием условий для превращения государства в великую державу. В Пекине хорошо понимают неизбежность соперничества с США при ее реализации, что требует опоры на надежный и прочный «шосовский» тыл. Его укрепление в ближне- и среднесрочной перспективе становится приоритетной задачей региональной политики КНР.

Согласно китайской концепции, глобализация как общемировая интеграционная тенденция должна следовать за процессом регионализации, основываясь на предварительном создании жизнеспособных региональных объединений. К одному из таких объединений власти в Пекине относят ШОС, на пространстве которой, по мнению китайских политологов, предполагается объединить государства сначала в экономическом, а в перспективе – и в политическом плане. При этом они убеждены, что движение к интеграции предусматривает многосторонние механизмы взаимодействия при лидирующей роли Китая.

Важное значение в формате ШОС Пекин придает сотрудничеству с Россией, которое призвано оказать противодействие доминированию США и создать основу для успешного выстраивания многополярной системы мироустройства. Эксперт Китайской академии современных международных отношений Дзи Джие считает, что на фоне ослабления России и сокращения ее стратегического пространства на Западе из-за расширения НАТО на Восток, а также укрепления американо-японского сотрудничества, «со стра-

тегической точки зрения, России необходим надежный партнер, который помог бы ей продолжать играть стратегическую роль в международном сообществе. Таким надежным партнером должен быть Китай, так как и Китай, и Россия естественным образом разделяют похожие идеи благодаря их схожему историческому опыту и современным стратегическим соображениям».

Не меньшее значение в Пекине придают и центрально-азиатским партнерам по ШОС. Еще в 1994 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн в ходе визита в Ташкент назвал базовые предпосылки и основные направления развития китайско-центральноазиатских отношений: наличие у КНР и центральноазиатских государств общих интересов, что может составить основу дружественных отношений; ненаправленность сотрудничества КНР со странами региона против каких-либо третьих стран; отказ Китая от намерения конкурировать здесь с Россией; отсутствие у КНР корыстных интересов в отношении Центральной Азии, а также тот факт, что Китай не представляет собой угрозы для стран региона.

Основная сфера сотрудничества КНР со странами Центральной Азии, по мнению китайских экспертов, — экономическая. Именно в этой сфере наиболее выпукло проявляется значение региона для Китая и его возможность реализовать свои стратегические цели. Общий объем инвестиций китайских предприятий в пять центральноазиатских стран ШОС превысил 9 млрд. долл. Основные инвестиции направляются в нефтегазовую отрасль, транспорт, телекоммуникации, электроэнергетику, химическую промышленность, строительные материалы, подрядные проекты, сельское хозяйство и переработку сельхозпродукции. К началу 2008 г. объем торговли Китая с этими странами приблизился к 60 млрд. долл., что почти в 4 раза превышает аналогичный показатель на момент создания организации в 2001 г. При этом большая его доля приходится на Россию.

По мнению эксперта из Института США и Канады РАН С.М. Труша, самым крупным и геополитически наиболее значимым нефтяным проектом КНР являются совместная разработка казахстанских месторождений и строительство нефтепровода Казахстан–Синьцзян. Эту магистраль впоследствии предполагается провести через всю территорию страны с запада на восток, к восточным приморским провинциям. Первая ее очередь (Атасу–Алашанькоу) уже построена. В ходе официального визита в конце 2006 г. в Китай президента Казахстана Н. Назарбаева рассматривались вопросы строительства второй очереди нефтепровода (Кен-

кияк–Атасу). Кроме того, обсуждалась возможность последующей прокладки параллельно ему и газопровода. Этим Казахстан существенно снизит свою зависимость от российских нефте- и газотранспортных сетей.

Не меньший интерес у китайцев вызывают энергетические возможности Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении. Кстати, саммит ШОС 2006 г. в Душанбе обратил на себя внимание аналитиков тем, что Россия с Казахстаном стали более ревностно относиться к экономической активности Китая в Центральной Азии. При этом Россия объявила о желании объединить в рамках ШОС ряд энергетических проектов, включая атомную их составляющую, а также участвовать в создании магистральных энергосетей для передачи избыточных мощностей ГЭС из Киргизии и Таджикистана. В то же время активным наращиванием отношений с центральноазиатскими странами Пекин способствует разворачиванию конкуренции между ними. Они стали бороться за увеличение товарооборота с Китаем и получение кредитов от него с целью ускорения интеграции в обширное и перспективное торгово-экономическое, политическое и стратегическое пространство Азии.

Несмотря на наличие высоких политических рисков, Китай заинтересован в развитии энергетического взаимодействия и с такими государствами, как Иран и Афганистан. Этому способствует то, что целый ряд западных корпораций не могут составить конкуренцию китайским из-за возможных санкций со стороны правительства США за их связи с авторитарными режимами или в связи с крайней политической нестабильностью в стране. Китай же не боится заключать нужные ему, хотя, быть может, и сомнительные, сделки с любым режимом. В результате переговоров с Тегераном Китайская национальная нефтедобывающая корпорация получила концессию на разработку иранского нефтяного месторождения Заваре-Кашан. Предполагается, что этому способствовало активное военно-техническое сотрудничество двух стран, в частности продажа Ирану противокорабельных крылатых ракет, способных увеличить потенциал иранских ВМС в борьбе с американскими кораблями в Персидском заливе. Всего в последние годы Китай в 3 раза увеличил импорт сырой нефти из Ирана. Растет импорт отсюда и сжиженного газа.

И все же основную угрозу гарантированному обеспечению энергетической безопасности страны китайские эксперты связывают с деятельностью западных монополий, в первую очередь

американских. При поддержке своих правительств (включая применение военной силы) те намерены контролировать мировые рынки нефтегазовых ресурсов. Некоторые из экспертов склонны считать американо-китайское соперничество в нефтяной сфере частью более широкого плана политического и экономического сдерживания Китая «не только в области энергетики, но и в политике, военном деле, экономике, дипломатии». Их вывод: руководству КНР необходимо быть готовыми к решению этой проблемы.

За последнее время, в связи с растущей напряженностью в обеспечении перспективных потребностей в нефти и увеличивающейся зависимостью от ее импорта, в Китае крепнет мнение, что дипломатические и военные меры, применяемые руководством страны для отстаивания национальных интересов, недостаточны. Сторонники этих взглядов выступают за усиление этих мер. Среди них, с одной стороны, расширение международного сотрудничества в сфере безопасности и углубление взаимодействия в сфере реализации совместных инвестиционных проектов, а с другой – укрепление оборонной мощи государства, в первую очередь наращивание возможностей военно-морских и военно-воздушных сил

В связи с этим следует заметить, что китайское руководство и без того тесно коррелирует свои экономические задачи с военно-стратегическими. Так, в числе наиболее важных стратегических задач им рассматривается создание «пояса безопасности» по периметру своих границ путем ликвидации или, по крайней мере, минимизации угроз сепаратизма, исламского экстремизма, тюркского национализма в СУАР, а также международного терроризма в самой Центральной Азии и вокруг нее. Китайские специалисты полагают, что ЦАР должен стать надежным стратегическим тылом Китая, так как ситуация в этом регионе напрямую влияет на безопасность самой КНР. Поэтому в нее входит и противодействие присутствию вооруженных сил США у своих северо-западных границ как элементу системы враждебного «окружения» КНР. В перспективе, возможно, рассматривается создание условий для военно-стратегического присутствия самой КНР в регионе. Поэтому Пекин не заинтересован в доминировании в Центральной Азии никакой другой международной силы, кроме ШОС.

Эти настроения имели следствием активизацию участия вооруженных сил КНР на учениях ШОС в последние годы. Причем эти маневры подтвердили, что Китай весьма заинтересован в укреплении своих геополитических позиций в регионе. И делается это не только из соображений борьбы с сепаратистами в СУАР, но

и как ответ на попытки закрепления в Центральной Азии США и стран Запада, чтобы контролировать регион, и как прямое стремление Китая заложить прочную основу своей энергетической, равно как и национальной безопасности в целом.

Не случайно Пекин дает возможность обучения в своих военных вузах представителям всех стран ШОС. А военнотехническая помощь КНР стратегическим партнерам по этой Организации становится неотъемлемой частью ее внешней военной политики. При этом Пекин начал оказывать такую помощь и Туркмении, не являющейся членом ШОС. По сообщению ряда СМИ, Китай намерен переоснастить туркменскую армию. В 2008 г. в эту страну была поставлена боевая техника, а также новое обмундирование для офицеров и солдат на основе военного кредита на 3 млн. долл.

Таким образом, Китай не только обеспечивает себе доступ к энергоносителям региона, но и укрепляет стратегическое взаимодействие с центральноазиатскими странами, превращая их в стабильных внешнеполитических и надежных экономических партнеров. Кроме того, участие в развитии транспортной инфраструктуры региона создает для Китая возможность оперативной переброски военных ресурсов в случае появления угрозы его интересам в ЦАР и вокруг него. По сообщению китайского агентства «Синьхуа», в регионе открыто в последнее время 22 новых транспортных маршрута, которые соединят Казахстан и КНР. Всего Китай с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном ввели в действие 87 транспортных маршрутов – 43 пассажирских и 44 грузовых.

Активное военно-экономическое сотрудничество Китая с государствами Центральной Азии не наносит прямого ущерба геополитическим интересам России в регионе. Однако своей деятельностью Пекин объективно теснит здесь Москву, снижая уровень ее традиционного влияния в нем, что следует учитывать.

ШОС для Китая и других ее членов становится площадкой, предоставляющей возможность участвовать на равных в региональной геополитике. Эта Организация нужна Китаю также для того, чтобы через нее Пекин мог успокаивать Москву по поводу своей активности в развитии отношений со среднеазиатскими государствами. Она как бы легитимизирует усилия Китая в борьбе за лидерство в Азии. В России это понимают, а потому стараются на разных уровнях восстанавливать паритет, прямо или косвенно нарушаемый Китаем. В то же время китайскими политологами изу-

чаются различные варианты дальнейшего развития ситуации в регионе, в том числе те, которые не исключают некоторые направления китайско-американского сотрудничества.

Таким образом, процесс проникновения и закрепления Китая в Центральной Азии развивается. Внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности КНР в отношении Центрально-Азиатского региона присущи следующие черты:

- постоянный мониторинг и учет противоречий, существующих как между конкурентами, так и между контрагентами Китая;

- диверсификация зависимости от влияния критически важных факторов международного воздействия (в политическом плане – путем усиления влияния в одних группах государств для компенсации дефицита авторитета в других, а в экономическом – посредством рассредоточения источников закупок стратегических видов сырья и новых технологий среди максимально широкого круга стран, их поставляющих);

- регулирование уровня и интенсивности связей с отдельными государствами в зависимости от требований обстановки.

Опыт сотрудничества России с Китаем и центральноазиатскими союзниками приводит к выводу, что двусторонние действия в ущерб третьим партнерам, как и соперничество участников ШОС между собой, могут осложнить отношения между ними. Поэтому представляется, что было бы полезным создать механизм оценки двусторонних проектов стран ШОС и определения возможности и целесообразности превращения их в многосторонние, в формате этой Организации, чтобы предотвратить ее дрейф в сторону «клуба по интересам». Первым из таких проектов, готовых к немедленной реализации, уже признан план создания транспортного коридора от Каспия до Китая по территории России, Казахстана, Узбекистана и Киргизии. Другими могут быть проекты в энергетической сфере и в области решения проблем водного и сельского хозяйства.

*«Мировые державы в Центральной Азии»,
М., 2011 г., с. 101–109.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

М. Николаева,
востоковед
СОВРЕМЕННЫЙ ЛИВАН

Ливан принадлежит к той части мира, где постоянное взаимодействие различных культур создало совершенно особую языковую и культурную ситуацию, что наложило печать своеобразия не только на социальные структуры, но и на формы быта, модель поведения, манеру одеваться и на гастрономические привычки его жителей. Уникальное географическое положение на стыке морских континентальных путей Евразии, разнообразие ландшафтов с их высокими горами, глубокими долинами и зияющими пропастями, при умеренном климате и благоприятных природных условиях способствовали накоплению многообразного цивилизационного опыта ливанцев, принеся Ливану славу страны-убежища. Здесь жили марониты и друзы, франки и курды, шииты-исмаилиты и сунниты, православные и католики римского толка, несториане и армяне-григориане, а также многие другие христианские и мусульманские меньшинства. На вопрос иностранца о своей вере все жители страны обычно отвечают: я – ливанец.

Вследствие долгой совместной жизни на этой земле представителей Востока и Запада у ливанцев сформировался традиционный дух культурного сосуществования, двухкультурность и билингвизм как жизненная норма. Сегодня двуязычные (араб. – франц.) составляют более трети населения (около 30%), владеющие арабским и английским языками – около 10%, и это число увеличивается. Трехязычные ливанцы (араб. – франц. – англ.) составляют около 5% населения, а в целом владеющие кроме арабского различными другими языками (в том числе русским, армянским и др.) – до трети населения страны (36%). Важнейшим фактором культурной жизни стал расцвет франкоязычной и англоязычной литературы Ливана. Так, знаменитый «Пророк» Джебрана

Халиля Джебрана написан по-английски. В то же время известен проект ливанского поэта Саида Акля ввести в Ливане новый алфавит на базе местного разговорного языка и принять этот язык в качестве литературного. При этом бикультурной интеллигенции Ливана присуща гордость арабской традицией: «Арабский – великолепный язык миллионов людей. Мы, ливанцы XX века, не были бы самими собой, если бы не владели им в совершенстве на протяжении сотен лет. С законной гордостью мы изучаем и преподаем его наилучшими методами, чтобы сохранить нашу роль и наше счастливое преимущество всегда давать арабскому миру его величайших писателей, величайших журналистов, величайших поэтов» (Мишель Шиха).

Понимание Ливана как пространства диалога является ключевым для современной культуры этой страны. Арабский и средиземноморский одновременно, Ливан являет миру свою самобытную сущность как плод синтеза арабо-мусульманской цивилизации с миром общего для самых разных народов мира, понимаемого, по словам Салаха Стетье, как «пространство гуманизма». Академик И.Ю. Крачковский писал, что в ходе своих путешествий по Арабскому Востоку в 1910-х годах он не раз встречал учителей-арабов, свободно владевших русским языком, у которых в домашних библиотеках часто можно было встретить томики Тургенева или Чехова, романы Толстого, только начинавшие появляться сборники «Знания».

Современный Ливан – один из центров мировой культуры XXI столетия. Неожиданные впечатления подстерегают здесь не только любителей исторических древностей, но и современных гурманов. Местная кухня по праву признается лучшей не только на Арабском Востоке, но и во многих европейских странах, где ливанские рестораны заслуженно знамениты. Бейрут – настоящий рай для любителей сытной и вкусной жизни. Посещение ресторана – важнейшая часть ливанского образа жизни, который не изменили даже три десятилетия войны. Ливанцы столь общительны и так любят развлечения, что по пятницам и субботам места в ресторанах желательно заказывать заранее. В конце недели по вечерам создается впечатление, что весь Ливан отправился по ресторанам и ночным клубам. Многие приходят после 22 часов, даже с детьми, которых в арабских семьях традиционно много, и остаются до поздней ночи. Принято и такое турне по различным ресторанам, когда в одном пробуют закуски – меззе, затем отправляются в другой, знаменитый своими горячими блюдами, в затем дальше – за

десертами или кофе, и так до утра. Ресторанов в Бейруте очень много, от самых демократичных, рассчитанных на любой кошелек международных сетей закусочных фаст-фудов до эксклюзивных ресторанов любой кухни мира. Но плохих практически нет.

Кроме экзотической кухни в некоторых местах можно насладиться настоящими арабскими танцами живота, курить кальян. Изысканной кухней известны и многие провинциальные городки, например Захле и Хермель в долине Бекаа и даже некоторые деревни, куда ливанцы зачастую специально приезжают из крупных городских центров. Старинные секреты приготовления тонких вин и сыров хранят также и винные и молочные хозяйства при многочисленных горных монастырях страны. Само ливанское блюдо – меззе, традиционно подаваемое в начале любой трапезы, может заменить непривычному к местным обычаям гостю и закуску, и обед, и ужин. Оно может состоять из 60 холодных и горячих блюд, подаваемых каждое на отдельной тарелочке. Обычно идет в ход сокращенный вариант из 10–15 наименований, из которых важнейшие – это хоммус, тахин и мутаббале. Брать эти пасты из овощей принято куском свежей мягкой лепешки. Настоящий ливанец предложит своим гостям после этого еще и шашлык из мяса и курицы, несколько кебабов и фрукты с не менее знаменитыми ливанскими сладостями и фруктами на десерт. Отказываться не принято, хотя ливанцы никогда не бывают назойливы и нетактичны.

Тому, кто приглашен в гости в Ливане, обычно рекомендуют воздерживаться от пищи по крайней мере за день до назначенного визита. Ведь до обильных закусок обычно принята длительная дружеская беседа с орешками и пряностями, а после – горячее угощение, рассчитанное на то, чтобы гость уже не смог не только подняться со стула, но и лишний раз пошевелинуться в своем кресле. При этом в Ливане, в отличие от многих других арабских стран, нет ограничений на потребление спиртных напитков и свинины (для последней исключение составляют некоторые чисто мусульманские районы). Иностранцев обычно угощают привычными для них крепкими напитками, виски, джином, несмотря на их более высокую стоимость. Хозяева же предпочитают традиционный напиток – анисовый арак, который их предки на заре цивилизации научились делать из фиников, а затем и из винограда и риса. Традиции изготовления этого напитка проникли под слегка измененными названиями в страны Востока и Европы (от турецкой раки и болгарской ракии до французских «Рикар» и «Перно»), но исконная культура его питья с обложенными льдом стаканчи-

ками и добавлением трети воды сохранилась в арабском мире лишь здесь. Содержимое после тоста не обязательно пить все сразу. Тогда на стенках стаканчика остается налет, поэтому в приличных домах Ливана каждая новая порция арака наливается в свежий стаканчик, охлажденный домашним или купленным в соседней лавке льдом. Так же переложенными кусочками льда подаются и фрукты на десерт.

Ливан – единственная арабская страна, где даже в период мусульманского поста ничто не помешает европейскому стилю отдыха.

Развлекательные и игорные заведения Ливана отличаются высоким европейским уровнем: в стране много ночных клубов (в том числе и со стриптизом), дискотек, казино, кинотеатров. Большинство ночных клубов сосредоточено в Бейруте вдоль набережной и дальше на север, в Ашрафийе и Джуние (особенно в районе бухты). Практически все крупные отели устраивают дискотеки или шоу самых различных направлений и вкусов, пользующиеся неизменной популярностью, в том числе джаз-клубы, Луна-парк, детский парк водных развлечений. В почете ливанская или восточная музыка с танцами живота. Фестиваль в Тире собирает фольклорных исполнителей Средиземноморья.

Сегодняшний Ливан считается не только весьма приятным, но и достаточно безопасным, поскольку уровень преступности здесь сравнительно с другими арабскими странами невысок. Хулиганство практически отсутствует, как не свойственное менталитету ливанцев, обладающих высоким чувством собственного достоинства и уровнем культуры. Случаи воровства редки, в основном лишь на местных открытых базарах и мелких рынках. В Бейруте, в центрах других ливанских городов, в престижных районах можно совершать прогулки безопасно даже в ночное время, хотя в стране не принято долго гулять пешком – почти все совершеннолетние ливанцы перемещаются на собственных автомобилях. Широко распространен и прокат.

Общественный транспорт развит недостаточно, однако практически в любое место страны можно легко добраться в маршрутных такси. На дорогах действуют все международные правила дорожного движения, а отсутствие должного внимания к дорожным знакам с лихвой компенсируется джентльменской вежливостью и предупредительностью автомобилистов по отношению друг к другу. Среди водителей и таксистов широко распространен язык красноречивых жестов, благодаря чему случаи столкновений

или аварий довольно редки. Так, собранные в горсть пальцы, направленные вверх, когда при этом кисть руки слегка покачивается из стороны в сторону, на местном языке жестов означают: «Подожди немного». Как правило, тот, кому адресован подобный жест среди участников дорожного движения, в ответ на такую немую просьбу непременно откликается не менее характерным жестом: «Проезжай!» – и уступает дорогу.

Поскольку задачей местной дорожной полиции обычно является не взимание штрафов, а максимально возможное уменьшение пробок на дорогах, то и сигнал свистка означает здесь обычно не сигнал к остановке, а требование быстрее проезжать мимо. В случае дорожного происшествия хорошим тоном считается не придавать значения незначительным повреждениям, не создавая излишних проблем. В то же время ливанцы охотно и бескорыстно оказывают любую помощь в случае поломки, вплоть до доставки пострадавшего автомобиля и его пассажиров до ближайшего сервис-центра. Случаи вождения в нетрезвом состоянии довольно редки – с 1966 г. в стране действует постановление о запрете вождения в состоянии алкогольного опьянения. При этом практически любого водителя можно увидеть разговаривающим во время движения по мобильному телефону, хотя в принципе на это в стране также существует запрет. Водители, как и все современные ливанцы, весьма избирательно относятся к любого рода официальным актам и установлениям, предпочитая во всех случаях руководствоваться здравым смыслом. В транспорте оплата проезда происходит строго по счетчику, хотя, как и в ресторанах, приветствуются чаевые. В солидных магазинах не торгуются, хотя широко распространена система скидок (араб. тахфид). При этом, как и повсюду на Востоке, торговаться на рынке или базаре – не только не зазорно, но почти обязательно.

Независимо от конфессиональной принадлежности и социального статуса ливанцы в большинстве своем очень приветливы, дружелюбны и гостеприимны. Как и в других странах Арабского Востока, они охотно помогают обратившемуся за советом или помощью, показывают дорогу, делятся едой и кровом даже с иностранцами. При этом, в отличие от других стран Востока, они никогда не бывают назойливы или бестактны. Живой интерес, который мужчины обычно проявляют к женщинам, в том числе и незнакомым дамам, не выходит за рамки красноречивых взглядов и этикетных любезных слов. Дамы обычно ведут себя достойно и сдержанно, не давая повода для конфликтных ситуаций. Традиции

ливанского гостеприимства восходят к древним обычаям жителей Горного Ливана, о которых не без удовольствия и удивления свидетельствовали европейские путешественники. Так, немецкий исследователь Буркхард о своих впечатлениях в ливанском горном районе Шуфа писал: «Путешествующие горцы никогда не задумываются о еде или ночлеге или о том, где поест и попить. По прибытии в какую-нибудь деревню они заходят в дом кого-либо знакомого со словами: “Я твой гость”. Хозяин дома дает путнику ужин, а если богат, то накормит и мула. Если же в деревне нет знакомых, то путник может подойти к любому понравившемуся ему дому, привязать коня или мула, закурить трубку и дожидаться, пока его не пригласит хозяин. А он обязательно пригласит, ибо принять путника как друга и накормить его – дело чести каждого горца. После ночлега путешественник, как правило, уходит, проронив лишь: “До свидания”».

Жители Бейрута убеждены, что именно они стоят у истоков традиции питья кофе. Традиционный арабский кофе варится в специальной турке – джехве и подается черным в трех вариантах: «сада» (горький), «уасат» (слегка подслащенный) и «суккар зияде» (очень сладкий), часто добавляется полезный для сердца и сосудов кардамон (халь). Хотя, по обычаю, кофейная церемония остается весьма существенной частью этикетных ритуалов арабской жизни, в сегодняшнем динамичном Ливане, как и повсюду в мире, в широком ходу и более демократичные напитки и простые способы их потребления.

Время и, в частности, заметный подъем роли ислама в последние десятилетия диктуют свои перемены. На улицах городов и в фешенебельных отелях среди обычных для страны европейских костюмов последней моды «от кутюр» все чаще встречаются чалмы и джуббы (темная накидка из плотной ткани поверх мужской рубашки), мусульманские платки и шиитские одеяния женщин. В целом же в Ливане можно не ограничивать себя в манере одеваться, традиционно в страну ввозились лучшие европейские модные бренды, поэтому изящество бытового дизайна и внешнего облика стало неотъемлемой чертой самосознания современных ливанцев, которых природа одарила к тому же и привлекательной внешностью. Красота ливанских женщин издавна славится во всем мире. Довольно открытые купальные костюмы можно встретить и на многочисленных пляжах, в том числе и городских, хотя топлес и нудизм здесь полностью исключены.

Все более значительное место, занимаемое в жизни страны мусульманами, особенно шиитами, заметно сказывается и на бытовом уровне, в повседневных поведенческих нормах. Так, в некоторых мусульманских районах на юге и в долине Бекаа для мужчин не принято появляться на людях в шортах, а для женщин – носить слишком открытые или откровенно облегающие одежды. Повсеместно при посещении мечетей посетители снимают обувь, сдавая ее в специальный гардероб, либо берут с собой. В отличие от христианок различных конфессий, женщины-мусульманки, особенно на юге, одеваются неброско, в закрытые платья, покрывая голову платком, или в традиционные накидки, закрывающие волосы, руки до запястий и ноги ниже колен. Формы быта и отношений друг с другом жителей сельских районов во многом остаются общими как в горах, так и на равнинах, хотя современная жизнь и многолетняя война повсюду диктуют свои законы. В чисто мусульманских районах порой не принято фотографировать женщин и детей или пытаться запечатлеть некоторые ситуации, которые могут показаться щекотливыми.

Современное ливанское общество осознает себя находящимся в самой сердцевине столкновения двух крайних моделей сосуществования цивилизаций и народов сегодняшнего мира, в котором все меньше места остается для компромисса между двумя главными формами связи и взаимодействия этносов и культур: враждебной (*hostile*) и дружественной (*friendly*), что сказывается на политической деятельности, экономике, педагогической практике, юриспруденции, сфере культуры и бытового поведения. Не прекращаются попытки различных, преимущественно мусульманских сил придать религиозный характер всем жизненным сферам – образованию, научной деятельности, политическому управлению обществом.

Общественная мысль пытается разрушить абсурдность этих формализованных антиномий, осуществив тот синтез характерных составляющих ливанской личности, который издавна воплощался в ее представлениях о мире и убеждениях, формах понимания себя в пространстве и способах взаимного общения и суждения о вещах и категориях сознания.

Сам факт строгого и беспрекословного требования неукоснительно следовать обрядам и обычаям, хранить память о прошлом каждой общины в отдельности видится многими ливанцами как стремление к самоизоляции и самолюбованию, порождающее застой и фанатизм, страх перед другим и в конечном счете – не-

приятие другого. Вместо закрепления идейных представлений о родине, нации, демократии, гуманизме в умах части населения страны укореняется идея о невозможности сосуществования различных религиозных общин. Ливан как уникальная реальность не входит, например, в число символов сторонников современного фундаментализма, остающихся в убеждении, что «эту страну создал международный империализм» как врата для идеологического и культурного проникновения в регион Среднего Востока. Таким образом, на современные формы повседневного поведения оказывает влияние сфера специфического восприятия религиозной догмы, с помощью которой человек сквозь призму средневековых представлений воспринимает мир. При этом фундаментализм любой конфессии выявляет схожие черты – везде мы видим стремление к установлению политического господства той или иной религии над обществом.

«Этикет народов Востока», М., 2011 г., с. 192–199.

Изабелла Кончак,

политолог

МУСУЛЬМАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОЛЬШЕ

Мусульманскую часть населения Польши можно условно разделить на две группы. Первую из них составляют татары, появившиеся на территории Речи Посполитой еще в XIV в. как пленники Золотой орды. К ним присоединились с течением времени и беженцы из различных районов Золотой, а затем Большой орды, к которым, в конце концов, примкнули и небольшие группы исповедующих ислам лиц – выходцев с Кавказа, из Азербайджана и Турции. Польские татары образуют суннитскую общину, вероучение которой базируется в основном на Коране и опирается на мусульманскую традицию. Они, будучи причислены к польскому населению, изначально принимали деятельное участие во всех важных с исторической точки зрения событиях, переживаемых страной. Свидетельства этого относятся к знаменитой Грюнвальдской битве 1410 г. и вплоть до Второй мировой войны, во время которой было создано военное формирование из татар. Этот факт не является исключительным, учитывая, что татары всегда стремились заявить о себе как об активных участниках процессов, в русле которых их

общины развивались и действовали, стараясь вписываться в обстоятельства их жизни в Польше.

Исторически сложилось так, что основным занятием татарской общины была военная служба, вообще тесная причастность к военному делу. За свои заслуги перед Речью Посполитой они часто, так же, как это имело место на Руси, а потом и в России, награждались землей и возводились в дворянское достоинство. Татарам в Литве и Польше была обеспечена свобода вероисповедания, они могли строить мечети и избирать имамов. Но всю полноту политических прав польские мусульмане получили только с Конституцией 3 мая 1791 г. Ислам и сегодня является религией, официально признанной польскими властями.

До того момента, на протяжении нескольких веков проживания на польских землях татары существовали вне рамок собственной религиозной структуры, которая могла бы выполнять координирующие и направляющие функции и в той или иной форме задавать алгоритм жизнедеятельности татарской общины. Первые попытки поправить положение были предприняты только в 20-х годах XX в. В то время в Польше насчитывалось 19 мусульманских общин, объединяющих в общей сложности 6 тыс. человек, которые придерживались ислама суннитского толка. Так, в Варшаве в 1925 г. был зарегистрирован Мусульманский религиозный союз, а первым муфтием был избран влиятельный наставник Якуб Шинкевич. Учитывая немногочисленность татарской общины и, в общем, компактное проживание ее членов, созданная структура была вполне способна концентрированно работать над выполнением задач, отвечающих наиболее насущным потребностям и запросам рядовых членов общины. По существу, Союз был основной структурой, вокруг которой группировалась общественная жизнь польских татар, действительно нуждавшихся в сплочении в условиях неразвитых контактов с внешним мусульманским миром в те годы.

В 1936 г. польское правительство приняло закон, установивший, что единственной мусульманской организацией, представляющей исповедующих ислам в Польше, признается именно этот союз, местом пребывания которого остается польская столица. В соответствии с уставом уже устоявшегося к этому времени религиозно-общественного института членами его могли быть исключительно лица, имеющие польские паспорта. Вплоть до 90-х годов XX в. в этом мусульманском объединении состояли именно татары, изначальным местопребыванием которых на тер-

ритории Польши были районы Богоники и Крушиняны. Именно в этих, расположенных на востоке страны местностях находятся воздвигнутые еще в XIX в. мечети и еще более старые мусульманские кладбища. В июне 1990 г. была открыта до сих пор единственная, построенная после Второй мировой войны мечеть в Гданьске. Кроме того, Мусульманский религиозный союз располагает двумя молельными домами в Белостоке и Суховоле, Исламским центром культуры в Варшаве, а также недавно – в 2008 г. – открытым подворьем в Богониках. К тому же в Белостоке строится второй Исламский центр культуры.

Сегодня Мусульманский религиозный союз является самой крупной и многочисленной мусульманской организацией на территории Польши. В ее составе насчитывается более 4,5 тыс. членов. Главные уставные задачи Союза состоят в том, чтобы представлять интересы своих членов в контактах с польскими государственными органами власти, а также с мусульманскими центрами за рубежом. Другими направлениями деятельности организации являются содействие распространению исламской мысли, обучение основам вероучения и Корана, а параллельно популяризация исторического наследия и культурных ценностей ислама, включая достижения мусульманской науки, культуры и искусства через посредство соответствующих теле- и радиопередач, освещающих исламскую жизнь и обычаи. Большое внимание уделяется вопросам сохранения существующих мечетей, центров мусульманской культуры, молитвенных домов и других объектов недвижимости, которые принадлежат на правах собственности мусульманским общинам, а также заботе о нуждающихся и недееспособных членах организации, которым регулярно оказывается благотворительная помощь. В соответствии с принятыми обычаями и традициями Союз также организует проведение необходимых обрядов и церемоний, предписанных принципами и установлениями ислама (рождение, свадьба, похороны), и патронирует торжественные мероприятия по поводу мусульманских праздников. В целом организационная деятельность Союза распространяется на восемь мусульманских общин, расположенных в Белостоке, Богониках, Гданьске, Крушинянах, Люблине, Познани, Варшаве.

Как отмечалось выше, не менее важной задачей Союза является сотрудничество с другими религиозными, немусульманскими организациями и мусульманскими общинами как в Польше, так и за ее пределами. Благодаря усилиям Мусульманского религиозного союза в 1997 г. был создан Совместный совет католиков и

мусульман, учрежденный для ведения межрелигиозного и межкультурного диалога в стране. Свою деятельность он направляет на взаимное познание основ догматики и практики сосуществующих религий, культуры, истории и традиций христианства и ислама, способствует созданию условий для преодоления негативных стереотипов, которые возникают на почве незнания и непонимания других, проистекающих из недоверия, невнятных отношений и ложных установок, сложившихся в массовом сознании. По инициативе Совместного совета ежегодно 26 января отмечается День ислама в католической церкви, во время которого мусульмане и католики вместе молятся, читают Коран и Священное Писание на польском и арабском языках.

Уместно отметить, что в Польше между двумя религиями установлен контакт, который отвечает современному духу отношений между разными религиями на основе дружественного, благожелательного и регулярного диалога, благодаря которому удается найти точки соприкосновения между поляками-католиками и поляками-мусульманами, имеющими в жизни общие цели, скрепленные узами патриотизма и польской идентичности. В нынешних условиях религиозного разлада в мире – это большая заслуга польских властей и религиозных общин, идеология которых отмечена желанием превратить Польшу в государство, которое отрицает религиозную и конфессиональную разнь и проповедует социальный мир.

Во главе Союза стоит избираемая на четыре года Верховная мусульманская коллегия, которая имеет целый ряд прерогатив и в том числе наделена полномочиями открывать собственные школы для подготовки лиц духовного звания и преподавателей основ вероучения. Каждая община имеет свое собственное управление, в состав которого входит имам, староста общины и казначей. Управление мусульманской общины подотчетно Верховной коллегии, которую ныне возглавляет муфтий Речи Посполитой Томаш Миськевич. Он был избран на этот пост в марте 2004 г., и это событие произошло впервые после Второй мировой войны. Срок полномочий муфтия рассчитан на пять лет. Но не возбраняется и повторное избрание, и при этом заслуживший всеобщее уважение претендент может быть избран несколько раз подряд, поскольку такая возможность не ограничивается. В настоящее время местопребывание муфтия определено в Белостоке.

В силу сложившихся исторических обстоятельств и длительной изоляции польских мусульман от остального мусульманского мира в период господства в Польше коммунистической идеологии только очень небольшое число членов Союза имеет необходимое по стандартам богословское образование. Большинство имамов было вынуждено самостоятельно овладевать знаниями, требуемыми для выполнения религиозного долга. Мусульманский религиозный союз пытается изменить эту ситуацию, чтобы наверстать упущенное и дать возможность прихожанам более тесно приобщиться к духовной культуре и идейным традициям мусульманского Востока, его культу и обрядности и дать представление об их этнокультурных особенностях.

Для этого Союз начал направлять молодых мусульман для изучения богословия за границу, прежде всего в Саудовскую Аравию. Предпочтение Королевству отдается потому, что это – единственное государство, которое возмещает приехавшей молодежи расходы, связанные с проездом, проживанием и обучением. Важно, что обучение в этой стране рассматривается как очень престижное в силу того, что Саудовская Аравия является центром зарождения ислама.

Союз ведет активную издательскую деятельность. При его непосредственном участии публикуются журналы «Память и действие» и «Мир ислама». Кроме журналов издаются книги, посвященные мусульманской и татарской тематике. Работают также интернет-сайты: www.mzg.pl, www.e-islam.pl/portal, www.bohoniki.pl, www.tatarzy.pl. Союз придает большое значение организации культурных мероприятий, которые проводятся регулярно и привлекают немалое число участников. Популярны фестивали и празднества, в числе которых, например, Подляские дни мусульманской культуры или Дни Байрама в Подлясках, в рамках которых к участию привлекается созданный в 2000 г. ансамбль народных татарских песен и танцев «Бунчук».

Союз тесно сотрудничает с Фондом в пользу ислама имени Мировой ассамблеи мусульманской молодежи в Польше – представителем европейской мусульманской организации WAMY (World Assembly of Muslim Youth) и поддерживается ею. Совместно они организуют ежегодные съезды польской мусульманской молодежи, в которых принимают участие представители и других стран Восточной Европы. В программе съездов предусмотрены лекции улемов из Саудовской Аравии и местных имамов, круглые столы и дискуссионные клубы по проблемам изучения мусульман-

ской истории и культуры, спортивные соревнования и демонстрация кинофильмов. Главная цель съездов состоит в содействии упрочению контактов в среде мусульманской молодежи Восточной Европы, повышению уровня осведомленности молодых людей о духовных, социокультурных и иных достижениях мусульман в зарубежных странах.

Кроме Мусульманского религиозного союза в 20-е годы XX в. возникла еще одна мусульманская организация, которая не сохранилась до нынешних дней. Тем не менее упомянуть о ней необходимо, поскольку ее создание свидетельствовало о тяге польских мусульман к объединению своего духовного, культурного и социального потенциала в надежде коллективными усилиями сохранить свою религиозную идентичность и, оставаясь поляками, сберечь историческую память о своих предках. В 1926 г. в Вильнюсе по инициативе активиста Леона Кричиньского возник Культурно-просветительский союз татар Речи Посполитой. Он сосредоточивал свое внимание на научной и издательской деятельности, публикуя работы по истории и культуре польских татар. В Литве существовало тогда более 20 его отделений. В 1929 г., как бы в развитие деятельности Союза, также в Вильнюсе был открыт Татарский национальный музей, а два года спустя – Татарский национальный архив.

До конца Второй мировой войны татары были по существу единственными мусульманами, которые жили в Польше. Ситуация начала меняться во второй половине XX в. Тогда в Польшу стали приезжать и другие мусульмане, как правило, командированные или направленные на учебу. Это были прежде всего студенты из арабских стран, а также из Ирана и Афганистана, но их число тогда еще не было значительным. Только с открытием польских границ после 1989 г. количество прибывающих мусульман заметно увеличилось. Исповедующие ислам приезжают в Польшу и учиться, и заниматься бизнесом, но не это главный источник пополнения мусульманских рядов. Постоянно увеличивается число беженцев из мусульманских стран, в которых велись или ведутся боевые действия, – Ирака, Афганистана, бывшей Югославии, Чечни. Существенный приток мусульман в последние 10–15 лет привел к тому, что местные мусульмане – татары составляют ныне меньшинство в общем количестве исповедующих ислам в Польше. Сегодня, по некоторым оценкам, численность мусульман в стране составляет уже около 30 тыс. человек, что, в принципе, не превышает 0,08% всего населения страны, но, по сравнению с «корен-

ным» мусульманским населением, в абсолютном исчислении уже представляет заметный прирост. Естественно, этот показатель не является критичным, но все-таки заслуживает того, чтобы на него обратить внимание.

Закон 1936 г., касающийся Мусульманского религиозного союза на территории Польши, никогда не пересматривался и действует поныне. Другими словами, по-прежнему представителем польских мусульман в контактах с государственными властями юридически остается именно это общественно-духовное учреждение. Однако на практике ситуация предстает не вполне однозначной.

Следует отметить, что в 2001 г. возникла новая организация, которая получила известность под названием Мусульманская лига. Как утверждает польский исследователь вопроса А. Нальборчик, появление очередной мусульманской структуры было связано с возникновением напряженности, появившейся в контактах между польскими мусульманами-татарами и пришлым мусульманским элементом, который в явочном порядке заявил о своем присутствии. Представители этого нового крыла «польского ислама» следовали своим нормам и правилам отправления религии, что определенным образом отличалось от привычных, принятых в татарской общине.

Задачи Лиги и способы их реализации во многом схожи с теми, что составляли основу деятельности Мусульманского религиозного союза. Особенно ситуация осложнилась, когда в январе 2004 г. Мусульманская лига была зарегистрирована в Департаменте вероисповеданий и национальных меньшинств при Министерстве внутренних дел и администрации Польши, что придало ей легитимность и подвигло на более настойчивые и активные действия. Как результат, возник своего рода дуализм в работе, нацеленной на один объект, и появилось дублирование разного рода функций, что породило противоречия и внесло сумятицу в процесс управления делами духовной общины. Кроме того, отмечаются и некоторые сложности и неудобства для польского правительства, вынужденного вести переговоры с двумя мусульманскими организациями, представляющими интересы фактически одной и той же группы – мусульман-суннитов.

В организационном отношении Мусульманская лига достаточно разветвлена и имеет свои отделения в Варшаве, Лодзи, Вроцлаве, Катовицах, Кракове, Познани, Люблине и Белостоке. В составе ее центрального управления функционируют две важ-

ные структуры – департамент по делам женщин и детей и культурно-просветительский, что дополнительно расширяет фронт воздействия на мусульманское население. В принципе, Лига настолько укрепилась, что собирается назначить на пост собственного муфтия. Совместно с Мусульманским обществом просвещения и культуры, а также с Обществом мусульманских студентов она организует Дни мусульманской культуры и приглашает гостей, представителей других вероисповеданий на встречи по случаю празднования Рамадана.

В состав Мусульманской лиги входят члены Мусульманского общества просвещения и культуры и Общества мусульманских студентов. Во главе Лиги стоит Ивонна Альхалайля, воспринявшая образ мышления новой структуры. Официально Лига отрекается от ваххабизма, но немалое число мусульман в Польше прямо высказываются о фундаменталистском характере ее деятельности. Членами Лиги состоят арабы и польские «новообращенные». Организация стремится к объединению мусульманских обществ под своим покровительством и намеревается стать членом Союза мусульманских организаций в Европе (FIOE – Federation of Islamic Organizations in Europe).

Мусульманское общество просвещения и культуры было основано в 1990 г. в Белостоке, где по сей день находится его центр, а регистрацию прошло только шесть лет спустя. Организация сосредоточивает внимание главным образом на воспитательно-образовательной и культурной функциях, занимается подготовкой кадров, ориентированных на активную пропаганду идеологии ислама и насаждение происламских настроений в Польше. Одновременно Общество в рамках своих программ вовлечено в распространение знаний о духовной культуре ислама, используя для этого разные инструменты и механизмы межцивилизационного и межрелигиозного диалога. Подобно другим институтам, Общество занимается общепринятой в исламской среде деятельностью, связанной с организацией паломничества, проведением религиозных праздников, строительством мечетей. Кроме того, оно устраивает летние лагеря, проводит экскурсии и создает курсы, которые уделяют значительное внимание разным аспектам мусульманской тематики. Очень важной областью, где Общество проявляет повышенную активность, может считаться издательская деятельность. Издается журнал «Ас-Салям» на польском языке и книги по исламу. Активисты Общества выступают на многочисленных симпозиумах и мероприятиях разной направленности и тематики, чита-

ют доклады, участвуют в дискуссиях и проводят семинарские занятия по соответствующим вопросам в различных городах страны.

Общество стремится выстраивать хорошие отношения с правительством и неправительственными организациями в Польше. Мусульманское общество просвещения и культуры так же, как и Мусульманский религиозный союз, является членом упомянутого ранее Совместного совета католиков и мусульман.

Общество мусульманских студентов в Польше, являющееся филиалом Международного общества мусульманских студентов, было создано в 80-х годах прошлого века группой активных арабских студентов, обучавшихся в польских вузах. В 1991 г. Общество было зарегистрировано, а его главной целью стала организационная работа в среде прибывших в Польшу мусульманских студентов, поддержание их связей с родиной и консолидация вокруг исламской идеи, притом что вне внимания Общества не остаются вопросы, связанные с налаживанием и практическим воплощением идей межрелигиозного диалога и социокультурной ориентации студентов. Главный орган Общества находится в Белостоке, а его отделения расположены в Варшаве, Люблине, Лодзи, Вроцлаве и Познани. Общество выпускает брошюры, книги и журналы на польском языке, например «Аль-Хикма» (Мудрость). Было издано более 20 книг таких авторов, как Али ат-Тантауи, Сейид Кутб, Мустафа ас-Сибай, что, в принципе, наталкивает на мысль об идейной направленности его действий, учитывая политические взгляды перечисленных авторов, которые однозначно стояли на позициях фундаментализма. Общество организовало и провело до настоящего времени 16 общепольских конференций, участники которых выступали главным образом в семинарах по исламской тематике.

Еще одной мусульманской организацией, объединяющей суннитов, можно считать Союз польских мусульман, возникший по инициативе польских и татарских выпускников медресе Гази Гусрев Бега в Сараево. Во главе его стоят несколько лидеров, среди которых выделяется Фархат Хан, сын пакистанца и польки, зарекомендовавший себя наиболее последовательным и динамичным сторонником оживления деятельности исламской направленности. По утверждению самих учредителей этой организации, она была создана как ответ на «маразм и застой, имеющие место в Мусульманском религиозном союзе». Союз польских мусульман стремится внести открытость в свои отношения с окружающей средой и стать доступным как для польских татар, так и для этни-

ческих поляков и иностранцев. Из материалов, вывешенных на его сайте, явствует, что его цель состоит в том, чтобы донести до мира идею и практику мусульманского вероисповедания без культурных искажений, ныне распространенных среди польских татар. Другой целью является «строительство нового порядка в Европе», о сути которого, однако, можно судить лишь по претенциозному названию, поскольку подоплека лозунга остается невыясненной.

Сам Союз фактически существует с 1991 г., спустя восемь лет он был зарегистрирован польскими властями в качестве общества со штаб-квартирой в Варшаве. В мае 1998 г. Союз признал Мусульманский религиозный союз. Этот Союз польских мусульман – действительно самая открытая организация, она представляет своим adeptам исключительную свободу в деле приобретения статуса правоверного мусульманина. Для этого достаточно прочесть помещенный на сайте символ мусульманской веры и зарегистрироваться. Такое экстравагантное начинание не согласуется с требованиями ислама как религии, оно подвергается критике других мусульманских организаций, в том числе и Мусульманского религиозного союза.

Союз польских мусульман активно работает на ниве исламского просвещения и издает еженедельник «Мизан» и ежеквартальный журнал «Алиф» на польском языке, а также «Muslim World Review» на английском языке, а для установления непосредственных контактов с молодежью регулярно проводит молодежные конференции.

Среди небольшой группы польских мусульман-шиитов, которые составляют лишь 15% всех мусульман в Польше, согласия нет. Представляют шиитов три организации. Первой является Общество мусульманского единства. Согласно информации на сайте Общества, оно существует в Польше с 1937 г., а его основателем является некий Сенкевич – поляк, который познакомился с исламом во время путешествия в Индию. Вторая мировая война прекратила деятельность Общества, которая возобновилась только в 1989 г. на волне общего возрождения политической жизни. Во главе организации стоит Главный имамат. В его составе главный имам (заведующий), секретарь, казначей и четыре члена. Офис размещается в Варшаве, но центром наибольшей активности является Быдгощ, деятельность центра направляет имам Рафаль Ахмед Бергер, наделенный Главным имамом правом представлять Общество на территории всей Польши. Лидер организации утверждает, что польский шиизм в 80-х годах прошлого века расцвел на основе

постулата о его отличии от татарского ислама. Тем не менее у польского шиизма нет негативных примеров противостояния между суннитами и шиитами. Объясняется это тем, что при коммунистическом режиме в Польше практически полностью отсутствовала мусульманская литература, а польские шииты использовали молитвы и черпали сведения о религиозной догматике из суннитских источников или получали их лично во время стажировок в мусульманских странах, где большинство населения составляют сунниты.

Общество в 2003 г. насчитывало 57 членов, в 2005 г. круг расширился примерно до 100 человек. Общество руководит работой своего рода научного Мусульманского института в Варшаве, возглавляемого имамом Махмудом Таха Жуком. Институт собирает мусульманскую литературу на различных языках, в своем библиотечном фонде хранит редкие печатные издания и рукописи. Кроме того, издает журналы «Мусульманский ежегодник» и «Аль-Ислам». Общество мусульманского единства сотрудничает с мусульманскими организациями, тяготеющими к Ирану, в числе которых можно назвать, например, Мировую ассамблею (Ahl ul-Bayt), Исламский фонд аятоллы Мусави Лари.

В 1990 г. состоялась регистрация общества мусульман «Ахмадийя», основателем которого был, согласно некоторым публикациям, упомянутый выше Махмуд Таха Жук. Действительно, с конца 70-х до середины 80-х годов прошлого века имам Жук сотрудничал с двумя организациями: Обществом мусульманского единства и «Ахмадийей». Как объясняет имам Бергер, в те годы в Польше никто не знал о постановлении пакистанского парламента, касающемся критериев отнесения организаций к немусульманскому движению, и регистрация общества произошла без участия имама Жука, который уже тогда был активным членом Общества мусульманского единства.

Действующее в Польше движение «Ахмадийя» является польским отделением британской шиитской организации с тем же названием, которая правоверными мусульманами рассматривается как еретическая. Считается, что зарождение этого движения в Польше восходит еще к периоду между двумя мировыми войнами, но документальных доказательств этому не найдено. Его целью является распространение возрожденных ценностей ислама как среди христиан и мусульман, так и среди иудаистов и индусов, что квалифицируется как шестой столп веры. По всей видимости, «Ахмадийя» не обладает большим влиянием в Польше, но тем не

менее именно при ее содействии в 1990 г. вышел один из трех польских переводов Корана (хотя это был перевод не с арабского, а с английского языка).

С 1979 г. в Польше существует Общество братьев-мусульман, которое официально было зарегистрировано в 1990 г. Оно было создано, чтобы помогать мусульманам-шиитам Польши в отправлении культа и в общественной деятельности. По информации на сайте организации, начало шиитского движения в Польше восходит к 1976 г., когда начали формироваться первые неформальные группы шиитов в Варшаве и ее окрестностях, создание которых было инициировано молодыми обращенными поляками и студентами из мусульманских стран. Три года спустя возникло Общество братьев-мусульман в городе Прушкове недалеко от Варшавы, в руководство которого вошли пять человек, образовавшие Высший исламский совет, возглавленный тогда восемнадцатилетним активистом из числа новообращенных мусульман Рышардом Ахмедом Руснаком. Организация насчитывает 56 членов и направляет деятельность трех мусульманских общин. Кроме того, движение поддерживает постоянные контакты с мусульманскими структурами, особенно в Иране, и является членом ряда международных организаций, в том числе Мировой ассамблеи Ahl al-Bayt в Тегеране и ассамблей Ahl al-Bayt в Гамбурге и Лондоне. Главная цель движения – организация и активизация религиозной жизни правоверных мусульман и популяризация идеалов ислама, что осложнено для него тем обстоятельством, что до сих пор оно не располагает собственной мечетью.

Для оценки состояния ислама в Польше характерно и показательно, что его активность ныне обретает все более рельефные черты. Прежде всего бросается в глаза заметная множественность мусульманских организаций, что может свидетельствовать о веротерпимости польского государства и уверенности его правительства, что таким образом обеспечиваются демократия и гражданские права тех граждан, которые исповедуют религию, не свойственную большинству населения. Другой особенностью является то, что исламские организации действуют на достаточно ограниченной территории польского государства и в ограниченной среде, что, с одной стороны, обеспечивает глубину охвата соответствующего контингента, а с другой – дезориентирует и распыляет его внимание различными аспектами догматики и политики современного ислама.

Важно и то, что польский ислам (хотя этот аспект, возможно, не стоит преувеличивать) как бы разделен на два лагеря. Один, больший по охвату, представлен коренными мусульманами, исповедующими ислам в его польской трактовке, а другой, меньший, ориентирован на другие формы ислама, в котором масса оттенков и который несет в себе более активное, подвижное начало, претендующее на повышенную мобильность и высокую степень отобилизованности. При этом обстоятельства складываются таким образом, что проникающая способность второго преобладает над первым, в связи с чем растет вероятность того, что элементы радикализма будут проникать в традиционно польскую исламскую среду с повышенной интенсивностью. Тем более что государство дает возможность функционировать не только относительно безобидным просветительским или благотворительным обществам, но и структурам, в которых скрыты явно радикальные настроения.

Такое «всеядие» польского государства может указывать как на немотивированную успокоенность его перед явлением, которое обрело весьма жесткие очертания на мировом уровне, так и на недооценку угроз, значение которых едва ли стоит умалять ссылками на небольшой удельный вес всей мусульманской общины в преобладающей массе католического населения. Недаром высвечиваются факты обращения в ислам граждан страны, которые не имеют цивилизационного единства с проповедниками ислама. Особенно если последние являются выходцами из зарекомендовавших себя в качестве радикальных и запрещенных в других странах организаций типа «Братьев-мусульман».

Более того, почти искусственное привнесение шиитского компонента в политическое пространство Польши может породить совершенно несвойственный для этой страны внутренний конфликт между двумя направлениями в исламе — суннитами и шиитами, который будет только будировать польское общество в условиях пока скрытого роста напряженности в Европе от присутствия большого мусульманского компонента в населении целой группы ведущих стран континента.

Возможно, польское правительство не проявляет озабоченности состоянием дел в мусульманской конфессии потому, что не видит необходимости обнаруживать беспокойство по поводу среды, сформированной из носителей современных политизированных представлений об исламе и готовых на импорт этих идей в Польшу. Оно дает согласие на действия различных религиозных движений и организаций, потому что, с одной стороны, принимает

во внимание факт, что почти все приведенные мусульманские организации весьма сходны по целям и задачам и образуют лишь малую частичку гомогенного в религиозном отношении польского населения, а с другой – сознает свою способность одномоментно предпринять действия, которые могут оградить государство от нежелательных проявлений или эксцессов, если такие возникнут. И на этом фоне просто присматривается к ситуации, понимая, что приток мусульман с другими, чем татарские, корнями и другим пониманием сути религии в Польшу может создать и, как показало время, создает некую турбулентность внутри самих мусульманских структур, порождает толчею, маневрирование, закулисную борьбу в инородной конфессии, что отвлекает, по крайней мере, часть ее членов от более важных задач, связанных, например, с мирным вращением иммигрантов в польскую среду.

Любое соперничество и неминуемая конфликтность среди мусульманских организаций в Польше может с той или иной степенью достоверности интерпретироваться так же, как сознательная политика польского правительства в условиях, когда оно уверено, что взаимное недоверие внутри самих мусульманских общин обусловливает их неспособность сделать ставку на одну сильную организацию и превратить ее в единого выразителя интересов мусульман. Между прочим, этот момент еще раз доказывает расплывчатость идеи мусульманского единства, если такая небольшая группа мусульман, которая существует в Польше, не в состоянии договориться и создать одну-две дееспособные организации, способные заменить собою десяток мелких групп.

Тем не менее пока количество мусульман в стране невелико, польским властям, видимо, целесообразно извлечь уроки из ситуации в Западной Европе и учесть просчеты, которые далеко не сразу накапливаются и заявляют о себе.

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2012 г., № 45, с. 59–72.*

А. Филоник,
востоковед

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ И ЗАПАДНЫЙ ФАКТОР

Крупные события, неожиданно разразившиеся в арабском мире в начале 2011 г., возможно, приобретут для него эпохальное

значение в силу размаха и глубины последствий, способных проявиться в обозримой перспективе. Они также могут стать началом новых явлений, которые заложат основу для серьезной корректировки социально-политических процессов в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Движение к этому уже обозначилось – реально началось расширение диапазона исламистских требований, возникла тенденция к усилению внутренних сил разлада, что в текущих обстоятельствах неминуемо связано с перераспределением влияния в пользу консервативных идей, вообще с усилением религиозного фактора в качестве весомого средства системной регуляции всей совокупности отношений на Арабском Востоке.

Этот регион едва ли можно считать гомогенным с точки зрения существующих в нем внутривластных дискурсов, внешнеполитических предпочтений или экономических приоритетов. Такая многогранность в определенной мере обеспечивает сохранение фрагментации арабского мира на частные общности со своими интересами и целями. Подобным он и останется на обозримую перспективу, поскольку велик разрыв между разными государствами по множеству характеристик. И это пресекает возможности их консолидации и слияния в некую суперструктуру, которая могла бы возникнуть на месте схождения и перераспределения к общей пользе мощных финансовых потоков, гигантских природных ресурсов и растущего демографического потенциала.

Тем не менее арабскому миру удалось «сомкнуть ряды» в потоке ставшей общеарабской драмой «арабской весны», по крайней мере в том, что касается фактически группового отказа следовать в авторитарном русле, проложенном по следам режимов времен получения независимости. Ныне же настало время выхода на авансцену пока относительно умеренных исламистских сил. Но их намерения выявлены далеко не полностью из-за короткого срока пребывания у власти и незавершенности самого процесса ее формирования.

Однако показательно, что параллельно с усилением консервативного начала на Арабском Востоке громче зазвучала тема демократизации и гражданских свобод. Она может оказаться предвестницей новых событий или, во всяком случае, свидетельством усиления борьбы между светским и религиозным началами и нарастания движения против авторитаризма. Этот последний символизирует в арабском варианте застревание на стадии роста без развития, отражает издержки существования в рамках системы, которая постоянно опаздывает с принятием решений, отве-

чающих духу новых политических связей и общественных отношений, утверждающихся в современном мире.

Противовесом текущим реалиям Арабского Востока можно считать появление в перспективе нового дискурса, который окажется способным привести к возникновению общности между формирующимися ныне режимами, если они проявят склонность развиваться в едином ключе, т.е. продвигаться к большей прозрачности, гласности, политической корректности.

Конечно, именно такая направленность эволюции предполагает наличие доброй воли у новой власти. Но существование подобных намерений сомнительно ввиду того, что в арабских странах исторически велика склонность не к диалогу между властью и народом, а к силовым действиям и административным рычагам для управления обществом. На этом фоне велик шанс, что совпадение хода мыслей населения с неким общим порывом к единению действий на арабском политическом поприще так и останется эпизодом, не имеющим особого шанса на реализацию в политической действительности.

С этой точки зрения следует, видимо, умерить ожидания позитивной эволюции арабского социума и считать их преждевременными, особенно если принять во внимание, что даже если таковая и начнется сверху, по инициативе тех же исламистов, то вряд ли будет развиваться по нарастающей. Однако народный напор на городских площадях все же показал, что массы способны на многое, когда гнет обстоятельств вынуждает их к решительным шагам, которые действительно оказываются высокоэффективными в определенных пределах, как то продемонстрировала «арабская весна». И это способно заставить властную элиту приглушать или маскировать авторитарную сущность новой политической системы.

Пока «арабская весна» показала в большей степени разрушительную сторону своего потенциала и, по сути, не особо изменила картину многовариантности арабской действительности. И это подтвердилось, помимо прочего, и тем, например, что протестные движения примерно сходной этиологии, положившие начало серьезным сдвигам в общественном сознании, оказались заметно различимыми по мотивам, по составу оппозиции, длительности и интенсивности борьбы, жесткости ее методов, по степени вовлеченности внешних сил, сопротивляемости режимов и т.п. То есть общее в протестах только в сходстве цели – в свержении власти, что соединило в одну линию народы нескольких

стран, притом что из них каждый действовал в конкретных обстоятельствах сам по себе. Да и протестный мотив спонтанно возник только в Тунисе, а в других случаях он стал, видимо, во многом результатом подражания, явления, которое относится к древнейшим механизмам социально-психологического воздействия и широко распространено в массовой психологии. По существу, синхронность могла быть обеспечена в большей степени эмоциональным порывом масс, нежели их реальной готовностью организованно участвовать в действиях, которые многими комментаторами и самими арабами трактуются как революция.

Из этого подражания возник любопытный феномен. Прежде разные подходы у соседей по арабскому миру к его реалиям были причиной хронических межарабских расхождений по разным проблемам. Это не давало возможности в полном объеме решать даже самые насущные из них. В том числе те, что имеют прямое отношение к обеспечению безопасности и жизнеспособности арабского мира, например, к продовольственной, энергетической, экологической проблемам, а равно и к другим, которые легче было бы преодолевать объединенными усилиями. Общими чаще становились решения по вопросам экономического или внешнеполитического содержания.

Протестные выступления ускорили темпы и напряженность политической жизни региона. Здесь возникли новые тенденции, на арену вышли амбициозные силы, выдвигающие жесткие требования и склонные к использованию насилия для достижения своих целей. В результате многие субъекты сменили свои роли, возникли новые амплуа и поменялся фон событий.

Во-первых, в ходе их был достигнут резкий рост политизации населения.

Во-вторых, мощно усилилась циркуляция идей радикального ислама и состоялся его выход в официальные сферы.

В-третьих, в регионе столкнулись интересы мощных сил, представленных основными мировыми игроками, а также государствами, претендующими на роль региональных держав, и странами, закрепившимися в качестве растущих рынков и обретшими большую экономическую и политическую значимость.

На таком фоне расхождения в арабском мире, пожалуй, впервые в практике межарабского общения вылились в масштабное противостояние с родственным государством, причем такое напряженное, что оно фактически граничит с ведением против него военных действий. Дело касается Сирии, в отношении которой

арабский мир выступает чуть ли не единым фронтом. К этому следует добавить зреющий конфликт ряда ведущих мировых игроков с Ираном, что увеличивает взрывоопасность региона и будоражит обстановку в мире. Оба государства превращены в осевые направления текущей геополитики по той причине, что их до какой-то степени связывает шиитское общее, что является отягчающим обстоятельством в глазах арабского мира, где оживились суннитско-шиитские противоречия. Мощные атаки в мировых средствах массовой информации на иранскую ядерную программу и упорство сирийского режима в борьбе с боевиками объединили их в единое целое, объявленное враждебным цивилизованному обществу и подлежащее аннигиляции.

Пока наиболее «горячим» объектом, дающим повод к коллективному преследованию, является сирийский режим, который характеризуется не иначе как авторитарный, негуманный и недемократичный. При этом в процесс травли втягиваются не только основные поборники (пока еще абстрактных для арабских реалий) гражданских свобод в лице США и Европы, фанатично стремящихся смести действующую власть и отдать ее в руки оппозиции неясного генезиса, которая упустит бразды правления, чем и воспользуются радикальные исламисты.

В рамках сложившейся ситуации отмечается не только сплочение на антисирийской почве большинства арабских государств (причем ни одно из них не является неавторитарным и демократичным), но и переход их на одну позицию с США и Европой, которые намерены создать из Сирии еще один анклав своего влияния на Арабском Востоке, причем руками самих же арабов. Столь согласная консолидация большей части арабских государств на антисирийской почве и выраженное содействие иностранной политике в регионе составляют, в общем, новое явление в арабском внешнеполитическом и межарабском дискурсах. При этом в борьбе против сирийского руководства с Западом деятельно соперничают арабские консервативные режимы, развернувшие активную работу на межарабской арене. В последнее время к кампании присоединилась и «Аль-Каида», призывы которой к уничтожению сирийского режима органично смыкаются с планами как либеральных христианских, так и консервативных исламских сил.

Сирия стала неслучайной мишенью как государство, которое, с одной стороны, проводит собственную политику в регионе, что возмущает Запад, а с другой – является примером сосуществования разных конфессий, которые уживаются друг с другом под

руководством меньшинства – алавитов, что смущает некоторые суннитские государства. Эти моменты и стали достаточным основанием для того, чтобы с двух направлений инициировать процесс выдавливания из Сирии светского начала и ради этого превращения ее в зону развернутых боевых действий с перспективой выхода конфликта за ее пределы. При этом жестко игнорируется простой факт, что искусственное нагнетание противоречий во взрывоопасном регионе едва ли оправдано, поскольку и шииты, и сунниты представляют две ветви одной религии и пребывают в историческом соседстве, которому нет альтернативы. В таких обстоятельствах политическая воля должна бы с большей логикой направляться на устранение любого несогласия между ними и на достижение гармонии.

Однако соблазн нанести удар по Сирии, воспользовавшись внутренней борьбой за власть, велик, хотя враждебная суэта вокруг нее стала серьезным источником дестабилизации для всего региона с крайне неопределенной будущностью. Ведь очень сомнительно, что в обстановке, ныне созданной непримиримой оппозицией, смогут возникнуть ростки демократии в том виде, в каком она представляется западным политикам.

Тем более не приходится вести речь о демократии, если в стране вспыхнет межконфессиональный конфликт, который надолго снимет вопрос о мирном сосуществовании разных религий. Вероятно, в сирийском случае ожидаемые бонусы от сокрушения режима в родственной стране намного превышают выгоды от объединения усилий арабских стран для решения созидательных задач. Если это так, то не стоит удивляться выбору субъекта объединения, как и самому этому факту. Редкое единодушие оказалось достижимым, очевидно, не без влияния конъюнктурных соображений. Они возобладали над другими текущими интересами и подвигли арабский мир на антисирийские действия, которые в долгосрочной перспективе едва ли согласуются с его коренными интересами и особенно неуместны перед лицом испытания глобализацией, кризисами, внутренними неурядицами и другими проблемами, способными внести еще больший разлад в его ряды. Вполне вероятно, что в первую очередь хроническая дефицитность во всем толкает подверженные этой болезни арабские режимы на недружественные действия против суверенного государства в расчете такой ценой получить доступ к финансовым ресурсам богатых арабских монархий и к помощи Запада и тем самым добиться роста и повысить стабильность развития.

Такие упования вполне угадываемы на фоне общих для большей части региона экономических неурядиц. Ведь за весь период новейшей истории арабский мир не смог стать более одномерным и развивался по разным траекториям, сохраняя серьезные расхождения между странами по уровням благосостояния граждан. Давно очевидна экономическая, социальная и политическая дифференциация, которая со временем обретает все более приметные качественные признаки. Соответственно, и пробуждение ряда стран к активному протесту состоялось в разных материальных условиях – от относительно благополучного в макроэкономическом отношении Туниса до замыкающего экономический рейтинг арабских стран Йемена. Но результат оказался одинаковым: практически повсюду обострились хронические болезни экономики, а условия жизни ухудшились. Другими словами, ситуация не стала более стабильной, а переход власти из одних рук в другие скорее всего будет означать лишь новый виток в манипуляции ресурсами в интересах пришедших к власти групп.

На таком фоне Лига арабских государств как наиболее представительная организация арабского мира могла бы стать инструментом гармонизации позиций по вопросам межарабской, региональной и международной жизни и выдвигать конструктивные инициативы, которые были бы способны притупить воинственность в ее рядах и консолидировать Арабский Восток перед лицом разнообразных угроз. Но это ее назначение – служить целям умиротворения региона, сотканного из противоречий, в последнее время фактически деформировано ходом событий в арабских пределах. А на текущем этапе Лига и вовсе превратилась в прямое оружие Запада в борьбе с режимами в арабской части мира, которые не соответствуют его планам и стандартам.

Эти и другие свидетельства подтверждают непреложный факт резкого усложнения и обострения обстановки в БВСА. И такое развитие событий стало самым близким следствием смены парадигмы мирового развития, затронувшей, в том числе, и арабскую нишу, где все вылилось первоначально в борьбу с авторитарными режимами, а затем смешалось с действиями западных претендентов на роль «модераторов» во вспыхнувших конфликтах. А эти последние могут элементарно просто выйти из своего основного русла вследствие неосторожных силовых маневров Запада и Лиги, которые делают Арабский Восток еще более нестабильным.

Сообразно с этим располагаются и силовые линии, которые здесь проходят через конфессиональные несходства, противоречия между богатыми и бедными странами, между демократическими тенденциями и авторитаризмом, монархическими и светскими режимами. Очевидно, что Арабский Восток является сгустком самых разнообразных проблем, которые различаются степенью выраженности, мощно пересекаются и образуют крайне сложные, но рыхлые сплетения в политической ткани, прочность которой вызывает большие сомнения. Протестные же движения прошлого года внесли еще большую неопределенность в динамику общественно-политических и социально-экономических процессов, не освободившихся от старых антагонизмов.

* * *

Вопрос масштабной дестабилизации в регионе имеет довольно много измерений. Но они сходны в том, что действуют в одном направлении и могут при накоплении противоречий и дисбалансов привести в той или иной степени к хаотизации процессов социально-экономического и политического развития общества. Такое возможно потому, что регион далеко не во всех своих частях способен безболезненно «переварить» изменения, которые связаны с глобальными явлениями — от распада системы мирового социализма до наступления эпохи мирового рынка, от мощной интернационализации всемирного экономического пространства до резкого обострения мировых валютно-финансовых проблем. Тем более что эти явления сопрягаются с процессами, которые зреют внутри региона и обрекают его на положение периферийной зоны мировой цивилизации. Жизнеспособность Арабского Востока подрывается тем, что местный капитализм никак не может обрести нужной динамики. Внутренняя неустроенность не дает ему возможности обрести статус цельной социально-институциональной модели капитализма, которая способна нивелировать все арабское пространство и придать ему характер типичности. Вместо этого происходит формирование местных капитализмов, которые образуют разрозненное множество и не стыкуются друг с другом даже по основным параметрам, не говоря уже об обилии отличающихся деталей. Их несходство проступает в разнотемповости роста, в капиталозыбыточности и капиталодефицитности развития, в разной обеспеченности ресурсами, проявляется в больших различиях по таким параметрам, как открытость рынку, интенсивность реформ

и т.п. Эти явления сопровождаются затянувшимся структурным кризисом в экономике, неэффективным использованием средств и ресурсов, нерациональными схемами функционирования хозяйственной сферы и т.п.

Такие дисбалансы влияют не только на экономические условия развития, но и усиливают разногласия в общественно-политической жизни арабских стран и способствуют появлению отличающихся точек зрения на окружающие реалии. Плюрализм восприятия и оценок политической ситуации самым непосредственным образом ведет к обострению борьбы. В ходе ее довольно остро сталкиваются мнения разных групп и течений, отражающих интересы и устремления либерально-демократического меньшинства (представителей разночинных кругов, образованной молодежи, средних городских слоев) и консервативного большинства (имеющего частично ту же социальную базу, но дополненную истинно верующими, «посадскими» слоями, сельским населением, разделяющими, так или иначе, взгляды радикально настроенных участников исламистских движений разной степени жесткости).

Из процесса, разворачивающегося ныне в арабском мире, нельзя исключать и малые государства Персидского залива, где складываются подобные же настроения, хотя и приглушенные гораздо более высоким уровнем жизни. Тем не менее и они прорываются на поверхность под напором протестов и общей политической динамики в разных концах арабского мира и при непосредственном участии наиболее решительно настроенных агитаторов и активистов из местной среды.

На этом фоне довольно сложная внутренняя палитра политических симпатий и предпочтений на арабском пространстве еще более усложнилась упоминавшимся суннитско-шиитским конфликтом. Он реально поднял градус неприязни в межарабских отношениях, поделив арабский мир на две неравные части, фактически враждующие между собой. При этом конфессиональные столкновения надвинулись и, по существу, «оседлали» конфликт социально-политический, что отчетливо видно на примере удушения Сирии при активном содействии других арабских стран, ставших орудием влиятельных сил одновременно и в арабском, и в западном мире.

Помимо чисто внутренних причин, социально-политический протест в нефтеимпортирующих странах Арабского Востока подогревается тем обстоятельством, что население обделенных минеральными ресурсами государств не может не сравнивать свое

положение с завидными образцами и близкого, и не столь удаленного зарубежья. Арабские нефтеэкспортеры давно и далеко ушли от общеарабских жизненных стандартов, сумев создать стабильность материальных условий для коренных жителей и, в меньшей степени, для значительной части иммигрантов. Еще более разителен контраст в сравнении с европейскими странами, с которыми большая и менее обеспеченная часть арабского мира связана через Средиземное море и, некоторым образом, через программы одноименного сотрудничества.

Демонстрационный эффект западного образа жизни и его технические достижения вызывают в отстающих арабских странах потребность сократить разрыв и приблизиться к современным стандартам потребления. Такое настроение находит растущее число сторонников и утверждается в довольно обширных группах населения, осознающих свое реальное положение и усматривающих причины ущемленности в неэффективности воспроизводственных систем и в авторитаризме власти. Именно неполадки в первых и замкнутость на себя вторых мотивировали рост протестных настроений.

В условиях зажима демократизационных процессов и угнетения оппозиционной деятельности в допротестный период политизация населения достигалась за счет его мобилизации под лозунгами правящих сил. При этом народ не получал реальных импульсов, побуждающих к активности, а видел лишь некие квазицели, достижение которых постоянно откладывалось. Гражданская же деятельность только теплилась и строилась на индивидуальной основе, носила спорадический характер и не могла конкурировать с властными структурами в деле организации масс.

Даже когда в арабских обществах накопился взрывной потенциал, он не получил организационного оформления и возник как реактивный порыв, главная цель которого заключалась в устранении одиозных лидеров или опостылевших режимов. Исподволь зревшее недовольство вылилось в стихийные выступления молодых поколений, имеющих более широкий кругозор и глубже других осознавших невозможность жизни без прав и перспектив.

Ограниченность этих выступлений кроется в том, что они были жестко ориентированы только на ближайшие задачи, т.е. устранение власти, но не представляли себе дальнейшего развития событий. Другими словами, на взлете недовольства надежды на лучшее основывались на том убеждении, что изменений можно добиться посредством своего рода технических мер, связанных с

демонстражем видимых элементов изживших себя политических конструкций. Такой подход порождает определенную наивность ожиданий, которые питались мифом, что революционный наскок сразу откроет путь преобразовательным процессам, в ходе которых будут успешно преодолеваются глубинные расхождения между миром информационных технологий на Западе и обществом незрелой индустриализации в арабских пределах. Но уже первые результаты засвидетельствовали факт, что, даже будучи достигнутой, победа над режимами имеет все же локальное значение. Она не дает возможности добиться улучшения даже на отдельных направлениях без связи с комплексными преобразованиями на многих других, но, напротив, может ухудшить и дестабилизировать ситуацию.

Городская молодежь стала движущей силой революций, но на последующем этапе уступила инициативу более зрелым и структурированным силам в лице исламской оппозиции, которая воспользовалась ситуацией, получив доступ во власть. Однако политический успех для нее не означает такого же на других направлениях, и экономическое обеспечение процессов развития останется осевой проблемой для новых режимов любой окраски.

События последнего года отчетливо выявили слабые места в политической и экономической системах арабского мира. Ни та, ни другая не выдерживают напора масс, уставших от успокаивающей риторики и несбыточности надежд. Тем самым ширятся угрозы и вызовы, которые, так или иначе, имеют отношение к самой актуальной проблематике региона, связанной с жизнеобеспечением масс и жизнеспособностью обществ, и одновременно «завязаны» на самые чувствительные – производственные, финансовые, коммерческие и иные – интересы ближневосточных партнеров, конкурентов и противников. Все эти моменты можно с полным основанием рассматривать как несущие в себе серьезный потенциал дестабилизации обстановки.

Анализируя причины и последствия кризиса власти, нельзя замыкаться на каком-то одном факторе. Они образуют целый комплекс, где каждый сыграл свою роль. И здесь наибольшая принадлежит социально-экономической сфере, состояние которой самым непосредственным образом влияет на условия жизни населения, о качестве которых оно судит через зарплаты, цены, наполненность рынка и т.п.

Экономическая политика в менее развитых арабских странах даже при определенной подвижности в течение долгого времени

выглядела реактивной. Это привело к тому, что стало все более обнаруживаться отставание Арабского Востока не только от мировых индустриальных центров, но и от ряда государств Востока и Юга, которые больше продвинулись по пути структурных преобразований и внешнеэкономической открытости.

Необходимость принимать меры для противодействия копившимся трудностям привела к тому, что в 80–90-е годы прошлого века в арабском мире в той или иной форме начался переход к рыночной экономике. В основу преобразований были положены принципы экономической либерализации в виде макроэкономической стабилизации и структурные реформы.

Но их последствия не были сплошь позитивными. Там, где они проведены, экономический рост замедлялся, хотя и становился более устойчивым. Это, во-первых. Во-вторых, рыночные меры необязательно сопровождались ростом инвестиций и накоплений. Это же относится и к решению проблем с торговым и платежным балансами. Причиной таких последствий было очевидное несоответствие между макроэкономическими догмами и реальными экономическими процессами, которые развертывались в регионе.

Проведенные мероприятия и реформы в нефтеимпортирующих арабских государствах были лишь ограниченно успешными и не могли при всех обстоятельствах удовлетворять потребностям устойчивого развития. Показатели свободы ведения бизнеса в них в целом оставались на уровнях ниже среднего. Здесь сказывались не только чисто экономические факторы, но и коррупция, бюрократизм, инертность, другие субъективные моменты. Большой дефицит бюджета провоцировал кризисные явления в платежном балансе, вызывал финансовую нестабильность, генерировал инфляцию. Вместе с низким уровнем процентных ставок для финансирования госдолга это приводило к снижению накоплений у населения и ослаблению притока местных инвестиций в мелкое и среднее производство. Наряду с другими явлениями их дефицит влиял на экономический рост и состояние отраслей, в частности, на положение в обрабатывающей отрасли, слабая развитость которой мешала активной торговой и промышленной политике, должной в идеале поддерживать экспорт и защищать национальных производителей от наплыва импорта.

Движущей силой в этой отрасли производства является мелкий и средний частный капитал, деятельность которого, и без того неустойчивая, испытывает конкуренцию со стороны привилегированных экономических агентов. Ущемление интересов большой,

но неокрепшей группы предпринимателей активизировало недовольство в их среде и в близких им слоях населения. Это недовольство, «подпертое» протестом постепенно люмпенизирующихся и разуверившихся в рыночной идеологии людей, обеспечило общую эффективность усилий по слову старой власти.

В целом стихийная мобилизация протестных настроений, возникших на базе ширившейся неудовлетворенности реформенной политикой правящих режимов, мощно подпитывалась нараставшим противоречием между заявленным курсом на укрепление средних слоев и его реальными результатами. Задачам либеральных реформ соответствовало повышение образовательного уровня немалой части населения и поощрение предпринимательских инстинктов в этой среде. Однако реально этот процесс был откорректирован таким образом, что собственнические настроения среднего класса удовлетворялись непропорционально динамике его роста, а значительная доля внимания была сосредоточена на создании условий наращивания крупного капитала и концентрации масштабных активов в руках военной и иных элит, что и стало фактическим следствием структурных реформ.

Едва ли такой отход от стратегической линии либеральных преобразований был случаен. Хотя процессы формирования среднего класса и элит шли одновременно, но с разной интенсивностью и с явным креном в пользу последних при большой недооценке значения среднего класса, расширявшегося количественно, но лишенного возможности достичь требуемых для реальной предпринимательской деятельности кондиций.

* * *

Нынешние правящие режимы довольно далеко отстоят от тех, что в свое время пришли к власти на волне национальных революций и затем переродились в чисто бюрократические структуры, воспитавшие поколения госбюрократии, которая обросла серьезными активами, втянулась в торговую деятельность и финансовые операции, фактически мутировав в крупную буржуазию. Именно она и стала опорой режимов, которые явочным порядком превратились в выразителей идеологии этого класса, а не средних слоев. По этой причине снижение эффективности реформ применительно к мелкой и средней буржуазии, видимо, не следует считать случайным явлением, но рассчитанной акцией, которая

должна была вывести на вершину социальной пирамиды именно крупный капитал.

Негативные для авторитарных режимов факторы накапливались исподволь, не нарушая до поры привычной канвы развития. Однако момент их слияния до критической массы незамедлительно превратился в социальный взрыв на части арабских территорий. В итоге возникла ситуация, при которой мирное приспособление принципов рыночной экономики к арабским институтам и социальным ожиданиям стало пройденным этапом, а главный импульс социального негодования сфокусировался, как отмечалось, на сломе систем государственного устройства и устоявшихся политических отношений.

Неблагоприятные обстоятельства усилились еще больше тем, что «арабская весна» очень быстро последовала за глобальным кризисом. Наслоение одного явления на другое только сгустило проблемы в неустойчивой части арабского мира и не позволило его экономике к моменту начала протестных движений в достаточной степени оправиться после удара. В результате был запущен механизм новых событий. Фактически они стали началом иного прочтения арабской действительности, которая накопила противоречия, способные взорвать не только отдельные страны, но и весь регион с протуберанцами и в другие части мира.

Текущие события в арабском мире свидетельствуют о том, что там стихийно пытаются найти баланс стабильности и перемен в надежде, что возможен некий компромисс между желаниями и возможностями обрести новое качество. Но упорядоченный поиск затруднен в условиях, когда общество находится в состоянии брожения и поделено на неравные сегменты. В них прокламируются свои ценности, и каждый пребывает в уверенности, что изменения должны соответствовать именно его представлениям о предпочтительном варианте развития. Борьба между расходящимися течениями – либеральной модернизацией и традиционалистами – вносит большую напряженность в арабское общество, разлад в котором активно подрывает его созидательные способности.

Большая опасность дестабилизации на Арабском Востоке кроется в ослаблении экономических основ его существования. Одна из причин этого – потери от глобального финансового кризиса, которые уже в начальной его фазе оценивались в 2,5 трлн. долл. Ущерб же от «арабской весны», по самым предварительным подсчетам, составляет 55 млрд. долл. Но это далеко не конечный результат. Даже если судить о потерях только по от-

носительным цифрам, то падение темпов роста ВВП с 5–6% до 12,5% по разным странам уже дает представление о размахе ущерба – ведь в масштабах стран снижение относительных показателей роста трансформируется в абсолютные цифры со многими нулями.

Не следует забывать, что эта динамика разворачивается не в богатых странах арабского мира. Компенсировать потери им удастся явно с трудом и только со временем. Ведь США в нынешней экономической ситуации не имеют возможности создать нечто, подобное плану Маршалла, для Арабского Востока, ЕС стоит на грани собственного кризиса, а арабские монархии в смысле оказания финансовой помощи будут действовать крайне избирательно.

Таким образом, внешние источники накопления для арабского мира существенно ослаблены, по крайней мере, на ближайшие годы. И перспективы выхода из затруднительного положения для менее устойчивой его части с учетом этого обстоятельства не выглядят обнадеживающими. В свете последних изменений обстановки естественнее предполагать, что экономические показатели станут снижаться и ситуация будет меняться в двух плоскостях – по горизонтали, в смысле сжатия масштабов хозяйственной деятельности, и по вертикали – по линии сокращения эффективности производства и ухудшения качества работы воспроизводственных механизмов. Подобное неизбежно из-за ухудшения мировой конъюнктуры и сокращения притока инвестиций, а равно и внутренних причин, которые создаются в результате сужения экспорта, разрастания безработицы и т.п. К тому же, если революционная составляющая протестных движений получит дальнейшее развитие, то может встать вопрос о судьбе собственности и других активов политически обанкротившейся части предпринимательского капитала, что также может негативно отразиться на экономике стран региона, где подобный вопрос выдвинется в повестку дня. Но в то же время значение таких последствий, по всей видимости, не следует преувеличивать, хотя если они состоятся, то, безусловно, внесут свою долю неопределенности в ситуацию и вызовут дополнительные напряжения в обществе.

Сейчас, однако, арабское общество живет в условиях не эвентуальных, а реальных обстоятельств. И эти обстоятельства, созданные возмущением массового сознания, как и неуверенностью в будущем и противоречиями внутри арабского социума, создают соблазн для внешних сил воздействовать на ход событий в регионе в собственных интересах, несмотря на трудности теку-

щего периода, которые даже для ведущих экономик мира не проходят бесследно.

Опыт арабов в общении с Западом на протяжении Новейшего времени многогранен. Но со стороны последнего всегда особое внимание уделялось стратегической и ресурсной составляющим взаимоотношений, которые были исключительно важны с точки зрения военно-политического и экономического господства метрополий. На протяжении новейшей истории приоритеты последовательно отдавались продукции сельского хозяйства, в которой главные места принадлежали шелку, табаку, хлопку и некоторым другим видам сырья. С середины прошлого века центр тяжести резко сместился в область добывающей промышленности, особенно к нефти и газу, которые стали в первую очередь определять ценность тех или иных территорий. Тогда же все больше места стало уделяться финансовым контактам и техническому сотрудничеству в разных его видах.

В ходе длительного освоения природных богатств Арабского Востока западные государства создали в наиболее перспективной его части анклав экономического и финансового влияния, подкрепленного политическим проникновением. Эти анклавы сыграли значительную роль в экономическом развитии региона в том смысле, что заложенные ранее немногочисленные новые отрасли послужили базой для развития производительных сил и определили тенденции становления национальных экономик на перспективу.

Действительно, в рамках хозяйственной деятельности тех времен и в более поздние периоды в арабском мире возникали и совершенствовались экономические институты, которые усваивали методы работы западного капитала, копировали управленческие техники, его формы организации. В равной мере проникновение Запада связывалось с появлением крупного национального предпринимательства, закреплением элементов корпоративного сознания, со становлением новых элит, встраивавшихся в систему прогрессирующего на региональном уровне капитализма.

Этот процесс значительно ускорился в последней трети прошлого века, когда арабские страны, пройдя через реформы собственности в начальный период независимости, создали национальные воспроизводственные структуры, расширили базу материального производства и уже скоро встали перед необходимостью совершенствования экономических механизмов, вытеснения ресурсоемких технологий, создания более эффективных моделей

роста и социального устройства. В силу сложившегося положения вещей все эти процессы оформлялись движением в русле догоняющего развития.

Заимствование новых технологических решений и методов управления развитием протекает в условиях большого отставания от Запада по многим параметрам. Модернизация в арабском мире не набирает необходимых темпов, чтобы заметным образом уменьшить отрыв от промышленно развитых государств. Множество показателей соответствия современным требованиям экономического роста так и не достигнуто в большинстве арабских государств. Остаются огромные разрывы в техническом оснащении предприятий, в масштабах ресурсосбережения, в энергозатратности, по уровню квалификации рабочей силы, инвестиционного обеспечения и т.п. как между западными и арабскими странами, так и между этими последними. Причем разнотемповость процессов развития на Арабском Востоке, видимо, можно рассматривать как явление хотя и второго плана по сравнению с физическим отставанием от Запада, но не менее значимое. Ведь такие моменты, как несходство стартовых уровней развития, параметров ресурсной базы, характера производительных сил или существенное несовпадение по моделям роста, по капиталовооруженности труда, по культуре отношения к труду и т.п., ярко отражаются на течении социальных и экономических процессов.

Они ускоряются там, где выше восприимчивость к заимствованным новшествам, и замедляются в тех случаях, когда спрос на них диктуется не системными соображениями, а чаще определяется сиюминутными обстоятельствами и точечными потребностями. К тому же нередко случается именно механическое заимствование элементов западной модели капитализма. Они, конечно, встраиваются в институциональную базу арабского хозяйства. Но, как перешедшие из функционирующего в иных обстоятельствах и более высокого технологического уклада, надолго остаются инородными вкраплениями в арабскую практику производства и управления. Отсюда особенно необходимо приведение арабской производственной культуры как условия экономического подъема и технологического скачка в соответствие с меняющейся парадигмой развития, которая разными своими гранями проникает в арабскую среду. Иначе продвинутые механизмы экономического роста окажутся блокированными.

С ними, конечно, соотносятся некие людские сообщества, которые их обслуживают и обретают навыки, отвечающие их по-

ложению при этих «новообразованиях». Но вес таких сообществ в целом невелик, и они вряд ли способны при очаговом существовании заметно влиять, по крайней мере в короткой перспективе, на весомые составляющие развития – и экономического, и социального, и политического – в своих странах. Хотя едва ли подлежит сомнению факт, что при росте числа институтов и структур, представляющих западный образ действия в арабском мире, их значение будет увеличиваться. Проводниками же этого влияния будут со временем становиться все более крупные контингенты преимущественно городского населения. Именно они интенсивно соприкасаются с крупной и средней частной собственностью, с либертарианской идеологией и с идеями рыночного капитализма, привлекательного свободой выбора и открывающего перспективы, непохожие на маячащие перед большей частью нынешнего поколения арабов.

Вообще же идеологическое присутствие Запада в жизни арабских стран представлено осязательно. Оно, видимо, не образует мощного потока, но его разнообразие компенсирует этот недостаток. Проникновение осуществляется по множественным направлениям и охватывает сообщества разной профессиональной ориентации. Показателен пример воздействия на образованные круги, которым предлагаются разнообразные концепции и теории, содействующие становлению гражданского общества и пробуждающие интерес к насущным проблемам. Одна из них – охрана окружающей среды, которая, действительно, активно разрушается в процессе экономического строительства. Основной посыл таких концепций, как, например, *good governance* или *inclusive growth*, – сосредоточить внимание на хозяйственном развитии, экологии, других наболевших темах и побудить представителей городских слоев, предпринимательского класса, групп активистов и сторонников гражданского действия настойчиво отстаивать право на участие в принятии решений по этим и многим другим вопросам. То есть общественное движение направляется таким образом, чтобы плавно перейти от экономической проблематики к политической, где выработка решений отличается наибольшей злободневностью.

Именно природоохранение образует важную составляющую устойчивого развития для большинства арабских стран и является наболевшей темой для населения, подвергающегося в растущих масштабах вредному воздействию загрязненной экосферы. Недостаточное внимание правительств к этой области наиболее заметно рядовым гражданам и вызывает у них беспокойство и протест.

В связи с этим муссирование этих аспектов проблемы как исключительно негативных весьма продуктивно с политической точки зрения, и предлагаемые концепции навязчиво акцентируют внимание арабских интеллектуалов и общественных деятелей преимущественно на неэффективности принимаемых властью мер перед лицом экосистемного кризиса.

Между тем причины живучести проблемы значительно шире, чем простое ее игнорирование, и связаны во многом с объективными факторами, заставляющими приглушать значение природоохранных вопросов. Но наращиванию негативизма в отношении к власти на экологическом поле с перспективой распространения его и на другие объекты это не мешает. Подобные моменты составляют суть и других действий, направленных на возбуждение недовольства по самым разным поводам.

Естественным образом такие процессы сопрягаются с последовательным внедрением в арабские экономические представления элементов западной философии прагматизма и активизма, которые связаны с индивидуалистическими устремлениями и противоречат арабскому образу мышления, арабской традиции видения мира и методов общения с ним. Наверное, не следует полагать, что все привносимые веяния активно укореняются в арабском общественном сознании. Но отдельные заимствования вживляются быстро. Например, логическим следствием цифровой революции на Западе можно считать положение дел в области современных технологий массовой социальной коммуникации и связи, которые быстро проросли на арабской почве и дали возможность не только расширить информационное поле в пропагандистских целях, но и ускорить мобилизацию и эффективное управление энергией улицы силами неформалов.

Можно считать естественными в эпоху глобализации процессы интернационализации международного пространства и прогресс в транслировании идеологий на разные этносы. Но, как оказалось, совокупным результатом применения таких новаций в принимающих странах становится обострение многочисленных противоречий и появление дополнительных очагов напряженности в отношениях между народом и властью. Такой очаг и возник на Арабском Востоке как ответ властям на их политику рыночных преобразований. Народ категорически не принял национальные проекты экономического переустройства, поскольку в их основу был положен экономический прагматизм, в жертву которому приносились социальные аспекты. Их игнорирование плохо «вяжется»

с идеологией арабского социума, который тяготеет к социальной справедливости, но не может ее добиться из-за непрекращающегося роста неравенства, бедности и перенаселенности.

Эти явления копились десятилетиями, но даже в период резкого нарастания их критической массы правящие режимы не замечали усиливавшейся угрозы, а Запад продолжал считать, что арабские страны созрели для подражательной модернизации, и не отказывался от замысла побуждать их двигаться в русле либеральных ценностей и рыночных стратегий и дальше.

Откровенно рыночная модернизация не спасла арабское общество от застарелых болезней и от мощного сотрясения политических основ правящих режимов. Реформы показали свою эффективность с неожиданной стороны тем, что смогли поднять волну активных действий против власти и инициировать в обществе взрывной протестный процесс. И развитие реформ пошло вопреки расчетам на мирное и бесконечное выжидание народом того момента, когда экономические меры смогут повлиять на условия жизни. Ведь переход к демократии предполагался именно как естественное продолжение реформ, которые должны были поднять благосостояние народа и подвести массовое сознание к принятию либеральной идеи и гражданской формы организации общества. Но процесс возник как результат ухудшения положения народа, а не его улучшения в ходе структурных реформ, и отражал стремление к демократии постольку, поскольку был нацелен против авторитаризма.

Обратный результат стал неожиданным для западного сознания, которое обманулось в своем видении рутинного характера политической мутации региона, поскольку структурные реформы не предусматривали возможности быстрой смены парадигмы развития арабского общества. По этой причине лидеры индустриального мира не смогли сразу сориентироваться в сложившейся обстановке и обратить ее к собственной пользе.

Поэтому, когда непредсказуемо взорвался Тунис, это событие первоначально не вышло за рамки понимания этого явления как локального конфликта между низами и верхами в одной стране. Но уже на последнем этапе египетской драмы Запад сделал соответствующие выводы и присоединился к антиправительственной кампании и осуждению режима. А в Ливии Запад уже полностью овладел инициативой и развязал гражданскую войну, которая кончилась полным крушением режима Каддафи, олицетворявшего в глазах западных политиков наиболее одиозную форму правления.

В течение длительного времени Запад не афишировал своего прямого воздействия на обстановку в арабском мире и только сейчас сменил эту тактику на непосредственное вмешательство во внутриарабские дела. Именно ему принадлежит ведущая роль в нынешней дестабилизации арабского региона. Пользуясь ситуацией, западный мир спешит утвердить порядок на арабском пространстве по своим меркам и прибегает для этого к разным формам давления. Помимо военных инструментов, доказавших свою эффективность в Ливии, но тем и исчерпавших свою легитимность, Запад делает ставку на экономические механизмы принуждения к демократизации, не теряя из виду и военные.

Поле для опробования этих мер может считаться уже подготовленным в ходе предшествующих событий, которые в короткие сроки преобразили арабский политический ландшафт. По крайней мере, представляется, что именно так воспринял их Запад, и это побуждает его к ускоренным действиям для окончательного отстранения от власти режимов, вышедших из эпохи арабских национально-освободительных движений. По существу, это наступление можно считать завершением этапа тотальной борьбы против социалистической идеи на Арабском Востоке и решительным переходом к переустройству арабского экономического пространства, на котором государство все еще играет ведущую роль. В этом плане демократизация и расширение основ гражданского общества должны сопрягаться с более активными мерами по сжатию сферы государственного предпринимательства и расширению зоны действия частной инициативы как абсолютного символа господства рыночных отношений. С этой целью и ведется своего рода зачистка остатков тех режимов на арабской территории, где сохраняются отличные от Запада представления о роли государства, о характере функционирования местных социально-экономических институтов и политическом устройстве общества.

Такие режимы, естественно, и сами способны к мутации в направлении к рыночным моделям и общегуманитарным ценностям. Но замедленность прохождения ими контрольных этапов раздражает Запад, порождает в его глазах опасность рецидивов и мешает унификации мира на основе западной модели.

Уличный протест в ряде арабских стран стал весьма подходящим поводом для активизации усилий, необходимых для устранения последних оплотов арабской национально-освободительной идеологии и развала урубы как символа арабской солидарности. Тем более что местные программы экономического роста и соци-

ального прогресса, даже отошедшие от социалистической направленности, не смогли составить конкуренцию рыночному пути решения этих проблем, и западный подход здесь возобладал. По существу же, именно западные рецепты преодоления экономической отсталости заложили мощную базу потрясений в арабском обществе, неожиданно резко увеличив в начале нового десятилетия текущего века скорость и интенсивность внутренних изменений.

Но не только структурные реформы и макроэкономическая стабилизация способствовали нарастанию антагонизмов в арабской среде. Резко обострило борьбу, как отмечалось, внешнее вмешательство. За короткое время, как оказалось, очень многое было сделано для превращения рыночной эволюции арабского мира в спонтанную политическую революцию. Хотя не Запад спровоцировал ее возникновение, но именно с его подачи она оформилась в целенаправленные антиправительственные выступления.

Протестные движения, генерируемые изнутри и подогреваемые извне, оказались способными в кратчайшие сроки подвергнуть Арабский Восток кардинальной трансформации. Они изменили состав сил, определяющих характер политического развития и социальную сущность ряда государств, и играют не последнюю роль в ускоренной эволюции ближневосточного сегмента мировой политики.

Ситуация в регионе продолжает расшатываться, и масштабность событий показывает, что Запад добился большой свободы и почти беспрепятственно реализует свою стратегическую инициативу, активно участвуя в нагнетании напряженности вокруг очагов нестабильности, которыми стали отдельные страны. В современных условиях, когда понятие «национальный суверенитет» на Арабском Востоке резко обесценивается, они лишаются воли к сопротивлению под угрозой разрушения институтов национальной государственности. Их маневренность минимизируется, и от правительств требуют полной сдачи позиций силам, которые рвутся к власти, но едва ли способны предложить более конструктивные решения проблем. Тем более если в пылу борьбы за власть подрывается экономический потенциал и без того обделенных государств, которые страдают от дисбалансов и дефицитов и заведомо не располагают ресурсами, чтобы уверенно восстанавливать расшатанную экономику в постреволюционный период.

Максимальная дестабилизация обстановки призвана стать весьма действенным инструментом преобразования Арабского Востока, целому ряду стран которого навязываются лозунги сво-

боды, демократии и гражданских прав при полном пренебрежении к реальным судьбам населения, которому предлагается гуманитарная помощь, способная лишь слабо компенсировать развал продовольственных отраслей сельского хозяйства, промышленности и потребительского рынка.

Другими словами, на фоне того, что военное подавление законных правительств все-таки вредит имиджу ведущих европейских держав и Запада как такового, они, как отмечалось, обратились к методам экономического удушения. Расчет делается на то, что мировым сообществом эти способы будут восприняты как более гуманные. А для Запада еще и как более дешевые по сравнению с военными рецептами. В Ливии, например, решительная фаза операции по свержению режима, по предварительным расчетам, оценивалась в 8 млрд. долл., а на деле, видимо, стоила значительно дороже, учитывая длительность сопротивления ливийского режима.

Однако в обоих случаях западная политика носит разрушительный характер и во многом опирается на механистический подход. Ведь явно предполагается, что дальнейшие события будут развиваться по логике уже апробированных методов борьбы с законной властью. Действительно, на этом этапе Западу сопутствует удача, поскольку ему помогают активные противники авторитарного правления в конкретных арабских странах, готовые действовать по западным лекалам.

На этом фоне можно еще раз отметить (и это кажется невероятным), что западный мир действует спонтанно, сообразуясь только с текущей обстановкой и не утруждая себя соображениями относительно даже недалекого будущего, которое ждет Арабский Восток и соседние регионы. Под влиянием нарастающих событий мозаика действий западных партнеров в регионе слилась в единое полотно. А все это, видимо, материализуется в некоем плане, согласно которому арабский мир должен пережить серьезную трансформацию и обрести новое качество. Оно должно появиться в результате фактически полного разрыва с тем, что символизирует нынешние ценности арабского сознания и связывает его с экономической и социальной архаикой уходящей эпохи. Действительно, почти общим местом стали утверждения, что «арабская весна» обозначает кризис традиционных структур в арабомусульманском мире. И Запад активно участвует в разгонной фазе процесса, чтобы вернее довести его до конца.

На текущем этапе, похоже, выполняется некая программа-минимум в отношении Арабского Востока в виде разрушения

экономических и социальных основ авторитарной фазы его исторического бытия. И только в отношении этой цели сохраняется определенная ясность. Запад, оказавшийся ныне практически главной направляющей силой арабского перестроечного процесса, ограничивает свои шаги лишь текущими задачами политического переустройства отдельных арабских государств. Движущие же силы начальной фазы протестного движения, например, в Египте, по сути, оттеснены с политической арены и лишены возможности официально высказывать свое мнение по всему спектру вопросов. А в другом случае, как в Сирии до этого момента, еще и не дошли.

Программа-максимум, или то, что станет представлять собой арабский мир на выходе из нынешних пертурбаций, остается абсолютно туманной и непредсказуемой. Западная мысль мало обеспокоена тем, что означают мощные катаклизмы для всех арабов и для мирового сообщества, как это отразится на экономических и социальных процессах, на жизнеспособности арабских политических и иных институтов и структур. Между тем нетрудно предположить, что в худшем случае вяло двигавшаяся модернизация застопорится и перерастет в депрессию или будет протекать в русле все того же догоняющего развития, что в условиях нестабильности еще больше привяжет арабский мир со всеми его богатствами к западной цивилизации. Не исключено, что со временем возникнет ситуация, при которой этот регион вообще превратится из равноправного субъекта международных отношений, взаимодействующего с Западом, в субъекта, подпавшего во всех смыслах под прямое его воздействие.

Независимо от того, что составляет основу действий Запада применительно к Арабскому Востоку, генеральная задача момента — не дать угаснуть зонам турбулентности как месту рождения новой арабской демократии, способной когда-то уподобиться западному стандарту. По существу же, просматривается задача глубокой трансформации той части региона, которая десятилетиями оставляла за собой возможность самостоятельных действий, не укладывающихся в рамки западных критериев.

В связи с этим арабскому миру явно обеспечивается перспектива жить в постоянной озабоченности ситуацией, которая может сложиться в регионе после того, как там будут свергнуты прежние правительства. Этот вопрос остается сугубо важным, учитывая взрывоопасный характер региона и деструктивный потенциал радикальных исламистов, который легко может простереться за пределы их ареала. Надежды на то, что они не будут

рваться к власти, а законодательная инициатива автоматически перейдет в руки умеренных лидеров, едва ли можно считать достаточно обоснованными. Идеи, которыми руководствуются радикалы, требуют простора и уже разделяются большими массами населения. Все необходимое для их развернутого наступления есть, нужен только повод, который приведет механизм в действие. Поэтому в возможной радикальной мутации новых режимов едва ли приходится сомневаться. А начинающийся после переворотов второй акт арабской драмы, в котором просматривается тенденция к политическому возвышению исламского радикализма, едва ли будет для Запада столь же легким, как первый.

Несмотря на такой поворот, Запад делает ставку на приведение к власти неких разночинных групп прозападной ориентации с неясными установками (от либеральных до клерикальных) и пестрых в социальном отношении. Фактически же, тем самым открывается будущее перед группами, остающимися «вещью в себе», чье поведение непредсказуемо даже в отношении нынешних союзников, с которыми их связывают тактические цели. Невнимание к столь важному моменту, возможно, свидетельствует о том, что западный мир еще не нащупал нужной линии поведения и следует ситуации, которая складывается под влиянием обстоятельств. Между тем опыт Египта уже показывает, что расчеты относительно идейной ориентации и политического устройства общества далеко не всегда оправдываются и могут завершиться неожиданными результатами, например, большим влиянием радикальных групп, пришедших в органы представительной власти. В Египте они уже проявляют строптивость и намекают на дальнейшую неуступчивость.

Такой поворот должен насторожить: с подобного рода партнерами сложно находить понимание, сам же процесс поиска принимает затяжные формы и не обязательно гарантирует нужный результат. А это явно не совпадает с намерениями Запада, который в перспективе не хочет оставить Арабскому Востоку никакой альтернативы и стремится превратить его в своего подконтрольного партнера. Во всем этом заложен элемент противоречивости и конфликта, поскольку исламистские режимы при экономической необходимости как-то соотноситься с западным видением проблем и ситуаций не будут слепо следовать за его инициативами из-за больших претензий на собственную оценку ситуации и опасения потерять лицо.

Даже внешняя умиротворенность, которую демонстрирует, например, нынешний тунисский режим, не должна бы вводить в

заблуждение относительно возможностей его мутации под влиянием неожиданных факторов. Ведь мало кто предполагал, что в «левом» Тунисе у власти окажутся умеренные исламисты. А это тем не менее произошло и наталкивает на вполне определенные размышления о новом режиме. Он в свою очередь может быть заменен более энергичными силами, которые станут выстраивать иную модель отношений с внешним миром. Это тем более возможно потому, что Арабский Восток явно вступил в переломный этап внутривластной эволюции, что сопровождается насыщением жизни общества новыми понятиями и реалиями, будоражащими массовое сознание и не исключающими новых социальных и политических конфликтов разной интенсивности.

Тем не менее вся картина происходящего на просторах БВСА еще не настолько устоялась, чтобы делать определенные выводы относительно конфигурации отношений между западным истеблишментом и нарождающимся новым правящим классом и этим последним и его оппонентами внутри стран и региона. Неопределенность ситуации на этом направлении весьма велика и распространяется и на другие аспекты.

В условиях возникшей дестабилизации восстановление общественного покоя будет сильно затруднено еще минимум по нескольким причинам. Главная из них состоит в том, что «арабская весна» не достигла своих основных целей. В частности, страны, как отмечалось, развивались в русле рыночной экономики, которая требовала напряжения всех ресурсов в ходе макроэкономических мероприятий и структурного преобразования хозяйства. Протестные движения, да и те политические силы, которые поднялись на поверхность, едва ли смогут предложить курс, альтернативный рыночному. Поэтому новые режимы будут вынуждены проводить ту же политику в социально-экономической сфере со схожими результатами. Это означает, что населению придется вновь затягивать пояса и вернуться в то же состояние, в каком оно существовало до начала «арабской весны», а то и в худшее. А это важнейший повод для деструктивных выступлений толпы.

Негативную в сложившихся обстоятельствах роль выполняют информационные сообщества и гуманитарные институты, работающие от имени Запада в развивающихся странах, в том числе и на Арабском Востоке. Основным результатом их деятельности, в конечном итоге, проявляется в создании общественных групп, во многих отношениях подготовленных для продвижения западных представлений в местную среду.

В общем плане вся деятельность этого рода связана с прошупыванием обстановки, с подготовкой кадров, которые могли бы стать агентами влияния в странах региона. Она позволяет адресно проникать в интеллектуальную арабскую среду, мобилизовывать молодежь, вообще собирать в сообщества по интересам разночинную интеллигенцию и представителей среднего класса. Эти последние особо болезненно ощущают ущербность своего положения, поскольку, относясь к наиболее продуктивной части населения, способной к креативной деятельности, не имеют к ней доступа. Они страдают от невнимания властей, например, хронически испытывают острую нехватку оборотных средств для реализации предпринимательских амбиций. Всяческое будирование недовольства среднего класса составляет, среди прочего, важную часть деятельности пропагандистских органов европейских стран и США. Фактически их действия можно трактовать как подстрекательские, особенно разрушительные на переломном моменте истории, который ныне переживает ряд арабских стран.

Арабские режимы, независимо от их ориентации, плохо защищены от проникновения внешних идей и подвержены активному давлению Запада. При его явно преобладающих возможностях в области информационных технологий, помощи пропагандистского аппарата и по глубине воздействия Запад остается вне конкуренции, обрекая арабские страны на проигрыш по всем направлениям, где сходятся их интересы и претензии Запада.

Такое неравенство активно используется им для достижения собственных целей и создания соответствующего имиджа режимам в зависимости от того, какую роль им надлежит играть в каждый текущий момент. Едва ли можно сомневаться в том, что формирование в глобальном масштабе неблагоприятного образа той или иной страны превращает ее в изгоя и провоцирует дестабилизацию.

Действенным орудием антиправительственной деятельности, а следовательно, и угрозой внутренней стабильности остается зарубежная оппозиция (как в случае с Сирией, а прежде с Ливией), которая берет на себя часть функций соответствующих западных институтов и активно работает с целью укрепления собственных позиций путем раскола населения на противоборствующие группы, через демонстрацию силы, возмущение общественных настроений и т.п.

(Окончание в следующем номере.)

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2012 г., № 46, с. 174–201.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Александр Джумаев,

культуролог

«ДВОЙСТВЕННОСТЬ СОЗНАНИЯ»

И ЕВРАЗИЙСКИЙ СИНДРОМ

(Национальные традиции выживания)

Разрозненные мысли и случайные наблюдения иной раз странным образом предвосхищают грядущие отдаленные события. Почти за 100 лет до прихода русских войск в Среднюю Азию довелось услышать русскому служилому человеку Филиппу Ефремову пересуды жителей Бухары: «Прежде снег выпадал здесь самый большой вершка в 2, а как с 1774 года у тех бухарцев стали быть христиане, то выпадал в пол-аршина, а иногда и больше, когда ж солнце взойдет, то весь растаивает; бывает же и холод; бухарцы судят из того, что, когда не было русских, не видали снегу и холоду, и примечают, что их города всеконечно будут в российском владении» («Десятилетнее странствование» Филиппа Ефремова). Несколько позже среди жителей Ташкента оказался хорунжий Николай Потанин. В своих «Записках о Кокандском ханстве» (1829–1830) он отметил, что они не только любят музыку, увеселения и «пляска у них в большом употреблении», но к тому же «ласковы и чрезвычайно женолюбивы».

И не одни Ефремов с Потаниным, а и многие другие, и на протяжении десятилетий, отмечали эти удивительные склонности «сартского народа» (как называли тогда жителей городов, в основном узбеков и таджиков). Особо приметны они, когда История с грохотом переворачивает свои пожелтевшие страницы. И что, казалось бы, веселиться и любить, когда все кругом рушится? Ан нет. Много позже, и тоже в переломное время, глубокомысленным рефреном прозвучал в спектакле ташкентского театра «Ильхом» на первый взгляд банальный вопрос: «А как там наши греки?» – «Да все так же – танцуют и поют». Режиссер Марк Вайль, много

поразмывавший на сцене и в жизни о жизнелюбии и радости бытия ташкентцев и «туркестанцев», протянул всем понятную «ниточку»: древние греки – современные узбеки, разделенные тысячелетиями, разделяют одно мироощущение.

Это, конечно, хотя и весьма лестное, но все же явное упрощение. Пропаганда легкомыслия и беззаботности. Ведь есть и другая часть национального сознания – прямая противоположность первой; вместе они и образуют своеобразную «бинарную оппозицию»: обреченное спокойствие, погружение в состояние бездействия, всетерпение уповающих на Всевышнего и – деятельная и неизбежная страсть к поиску развлечений и наслаждений. На этой исходной, теперь уже архаичной форме оппозиции-двойственности впоследствии выросло множество ее ситуативных проявлений. Замечательный пример двойственности, не разрушающей целостности сознания, а наоборот, соединяющей и примиряющей противонаправленные устремления. Двойственности, которую европеизированное сознание, воспитанное на диалектике противоречий, привычно именуется (при этом широко используя) лицемерием, двуличием или, в современной политической терминологии – «двойными стандартами».

Но работает ли «схема»? Ведь и Марк Вайль, творивший панегирик просвещенному исламу и воспевавший неистребимое жизнелюбие местных сибаритов, пал от рук молодых религиозных фанатиков, жестоко убивших режиссера в подъезде его дома в любимом им Ташкенте. Нет, не работает, и нет закономерности. Во всяком случае, не работает как универсальное правило. Двойственное сознание проявляет себя по-разному. В зависимости от ситуации. Оно, как и многое другое в теперешней нашей жизни, ситуативно. Легко приспосабливается к ситуации, мимикрирует. Может привести к противостоянию или, наоборот, – к компромиссу и сотрудничеству. Оно устойчиво присутствует – в позитивном или негативном смысле – в жизни среднеазиатов. Попытка объяснить и разобраться с этим феноменом наталкивается на очень сложную проблему. Она состоит в том, что позитивное и негативное взаимосвязаны, во многом условны, одно перетекает в другое. И то, что позитивно в одних обстоятельствах или одном историческом времени, в других превращается в свою противоположность.

У нас в сравнении с другими народами картина будет все же несколько иной. В большей степени, чем где бы то ни было (а это все же феномен общечеловеческий), двойственность с ее гибкостью, способностью к приспособлению, конформизмом что

ли, – это механизм выживания, своего рода «палочка-выручалочка» на жизненном пути. Возможно, что это и есть один из знаков евразийства. Он позволяет без особых проблем «ассимилировать» все, что представляется ценным, а точнее – практически полезным, выгодным и... приятно-комфортным для образа жизни, из опыта европейско-христианской и азиатско-мусульманской цивилизаций, из других различных сообществ, традиций и конфессий. Сравнительно безболезненно переносить смену политических систем и форм правлений. Аллах дал – Аллах взял. И так на протяжении столетий.

Вот сейчас на «повестке дня» в Центральной Азии вопрос – как интегрироваться в новый глобализованный мир, как приспособить к своим нуждам технические и культурные достижения Запада, овладеть ими, не поступившись при этом собственными самобытными национальными культурными ценностями. Легко осваивается все, что связано с бытовой стороной жизни. Появился даже соответствующий компонент в массовом сознании: «евроремонт», «евродом», «европол», «еврообои», «евростандарт» и множество аналогичных сочетаний, характеризующих новый уровень комфортной жизни, новое эстетическое понимание среды обитания человека. Все эти «бренды» так и мелькают на придорожных транспарантах, вывесках магазинов, в газетных объявлениях. Они уже охватили и «низовую часть» общества. Смотришь иной раз, стоит на стихийно возникшей «бирже труда» какой-нибудь загорелый парнишка откуда-нибудь из Сурхандарьи (юг Узбекистана), а на груди – табличка с надписью на русском – «Евроремонт», и поражаешься причудам «глобализации».

Еще легче постигают среднеазиаты открывшиеся возможности немислимых в советское время развлечений. Новое время открыло состоятельным представителям разных, в том числе и мусульманских народов (впрочем, в этой сфере давно уже нет никакой разницы между народами) новые, неизвестные ранее возможности разнообразить жизненные удовольствия. Масштабы и пространства изменились радикально. Слетал на недельку ли, на пару-тройку дней в Лондон – и тебе приятно, и держателям эртертейнмента. Для них – будь ты хоть сам черт с рогами, лишь бы при деньгах. Откуда, что – какая разница? А вот если ты азиат и не толстосум, то и не рыпайся. Это же и дураку понятно, что ты – потенциальный террорист или скрытый возжелатель пожить на даровых харчах «европейского экономического чуда»: подработать там незаконно, горшки ли их помыть или улицы подмести и

тем самым нанести урон экономике страны. Не спит классовое сознание «старых демократий», демонстрируя свои собственные европейские «двойные стандарты».

Экономическая необходимость, материально-экономические интересы – у нас это что-то вроде компьютерной оболочки. На этом примере мы видим, как в условиях глобализации проявляет себя двойственность, как она превращается в свою противоположность. За этой «оболочкой» скрывается что-то такое, что не только не исчезает, но и с трудом поддается изменениям и даже крепнет. Это – «наши священные национальные традиции и ценности». Хочу сразу предупредить, что я не против традиций. Наоборот: я категорически за их сохранение и всемерное развитие, так как считаю, что в них один из самых – и теперь, видимо, единственных – эффективных факторов и способов сохранения гуманистических начал в культуре в условиях обвального нашествия несанкционированных «ценностей» и тотальной дегуманизации всех сторон жизни. Вопрос заключается в другом: о каких традициях и ценностях мы будем говорить.

Парадокс: чем дальше углубляется интеграция в мировое экономическое пространство, тем больше укрепляется фактор национальной интеграции по самым различным параметрам. Получается, что идет двусторонняя интеграция – по своим старым признакам-ценностям, родоплеменным, клановым и иным, и – интеграция в мировое экономическое и культурное пространство. Причем те, кто уже вроде бы сполна интегрировался (недвижимость и счета в западных банках, пристроенные там же детки и их бизнес и т.п.), начинают почему-то остро чувствовать потребность в «малой» интеграции у себя на родине. Толкуют о патриотизме, национальной гордости, национальных ценностях и уходящих в неведомую (шумерскую) глубь корней... Казахский философ и поэт Ауэзхан Кодар как-то заметил: для них что Отан, что НАТО (поясним: Отан, дающее в обратном чтении «НАТО», – это название правящей политической партии, что означает «родина»; на узбекском будет «ватан»). Хотя современная «компрадорская буржуазия» Центральной Азии уже давно пребывает в тесном содружестве со своими «братьями по классу» на Западе и в США, свои народы она хотела бы держать в рамках исключительно национального сознания, в национальных границах.

Местные элиты интегрируются внутри страны, подтягивая вокруг себя своих близких и дальних родственников и образуя что-то вроде «противоракетного щита» по периметру. А ну как все

гуртом навалятся на кого-нибудь или на какую-нибудь проблему – мало не покажется. Понятно, что в Казахстане различия по трем жузам (большой, средний и малый) – это уже серьезный фактор (политический, экономический и иной), работающий в разных областях и на разных уровнях. Например, в формировании руководящего кадрового корпуса. А главное – он уже глубоко «сидит» в сознании человека, будь то интеллектуала или же обывателя. И продолжает укрепляться, притом что страна, как известно, в регионе самая интегрированная в мировое экономическое пространство. В Киргизстане, хотя жузов нет, есть свои богатые традиции (чего стоит «Север–Юг», но об этом уже много сказано). Помнится, во время очередной тамошней бучи промелькнула забавная, но весьма характерная для нынешних времен информация. Когда в центре учинили препятствия какому-то (не суть важно) депутату из Иссык-Куля, его многочисленные сторонники, назвавшие себя «народом Иссык-Куля», в отместку перекрыли автотрассу в сторону озера. Можно представить, как побегут все эти родственники со всех сторон для получения должностей и «теплых местечек», как только тот или иной их «глава» получит доступ к большой должности. И бегут, и бежали, и будут еще до-о-ол-го бежать. Это традиция, очень давняя. Справедливости ради скажем, что она в разной степени существует по всей бывшей советской Центральной Азии. Ну как не помочь своему родственнику, хоть чуток? Это же почти «савоб» (богоугодное дело), зачтется на том свете. А вот если бы наоборот – то было бы очень странно.

«Новый» удивительный феномен формируется и в Узбекистане – объединение принципа махалля (общественного объединения) и кланово-родового принципа. Тот или иной богатый «глава рода» скупает участки земли либо уже готовые дома и начинает заселять туда подряд всех своих близких и дальних родственников. Образуется однородный квартал (махалля), состоящий только из родственников, из своих надежных людей. Интересно, что похожая практика была отмечена арабскими историками еще аж в IX в. (например, у ал-Йа'куби в «Книге стран»), когда выходцы из одного города или местности (хорезмийцы, бухарцы, мервцы, балхцы и т.д.) образовывали в Багдаде свои отдельные кварталы, не смешиваясь с другими. Понятно, что в ту далекую эпоху это было вызвано реалиями времени – необходимостью противостоять «напастям жизни», оказывая взаимную поддержку и помощь.

Даже большевики не смогли выкорчевать это мышление, хотя и применяли суровые меры, не в пример нынешним. Сколько

голов поносили, чистки партийного и госаппарата проводили, чуть ли не массовые репрессии учинили, а все зря, бесполезно. Свидетельств много по каждому периоду истории. Вот, в 1929 г. посетил известный журналист Михаил Кольцов Сырдарьинскую область и с удивлением поведал советской общественности (среди прочих «чудес») о том, как местный бай «приглашает к себе закутить весь партийный актив, и актив является и смиреннько ест из баевых рук». Большевики думали, что легко искоренят отдельные «негативные» народные традиции, сохранив некоторые другие, «прогрессивные», а традиции как стояли, так и стоят. Одно время, в самом начале периода независимости, повадились, было, повсеместно писать, что, мол, большевики и советская власть ослабили, исказили, притеснили (чуть ли не совсем уничтожили) наши древние богатые и самобытные национальные традиции, испортили наш народ. Ан нет, все на месте, напрасно беспокоились, господато-товарищи писатели. И даже еще больше окрепли наши традиции, в соответствии с духом и вызовами времени.

В последние два десятилетия за дело по всей территории постсоветской Центральной Азии взялись многочисленные европейские и американские международные гуманитарные организации. Их стратегическая задача состоит в оживлении «творчества масс» и его переводе на новые рельсы развития, свободные от старых советских подходов и консервативных традиций (не дают покоя успехи большевиков-реформаторов). Используя новейшие технологии по развитию человеческого ресурса – всевозможные перманентные тренинги, обучающие семинары, менеджмент и т.п., – многое они, конечно, изменили к лучшему. Прежде всего, в стиле работы и повышении профессионализма, что, как все понимают, должно стать главным критерием развития. Но, увы, не в сознании среднеазиатского человека. Оно удачно приспособилось, mimik-рировав, мастерски освоив современную лексику и понятия и проявив в очередной раз свою неистребимую гибкость и двойственность. Взять хотя бы такой частный пример. Объявят конкурс в газетах на замещение должности, а вопрос-то уже давно решен. Позвонит один «большой начальник» другому, родственнику, и скажет: тут у меня «невара» (внучка) подросла, такая умная, три языка знает (в смысле – английский, русский и национальный), компьютер знает, в шахматы и большой теннис играет... Ну, хорошо, скажет другой, пусть несет резюме, там посмотрим. И посмотрит. (Может, и преувеличиваю немного, схематизирую, но кто же человека «с улицы» возьмет-то?!). Нужно понимать, что доходные

места – прерогатива элит. А для народа (как говорят в самом народе) есть три главные и обязательные «привилегии»: законы, налоги и (упаси Аллах) войны.

Похоже, капитализм у нас «не торопится» размывать все эти перегородки, как обещали его теоретики. Наоборот, своеобразно укрепляет и развивает их. Вывод по повестке дня можно сформулировать словами из советской армейской, грубоватой по тем временам песенки: «Чей ты, откудава? А ну, иди отсюдава». То есть если ты не наш (не нашего «призыва»), то иди «отсюдава» к своим. И не примазывайся. Но остается больной и нерешенный вопрос: элита ведь – выходцы из народа, от плоти и крови его. Тем более бывшая советская, новая еще только подрастает. У многих в графе «соц. происхождение» записи были однообразные: «из рабочих», «из крестьян», «из служащих». Как же она успевает так быстро «портиться»? А может, она – не из рабочих и не из крестьян вовсе? Или же и это – тот самый удивительный и неистребимый феномен двойственного сознания, адаптированный к новой ситуации?

Вернемся, однако, к исходному вопросу о двойственности. Для некоторых народов и стран двойственность – это бремя «испорченного» сознания. Это раздвоение, и оно трагично и губительно, расшатывает сами устои существования народа и государства. Иные именно в этом видят корень зла. Уже почти два века наблюдают многие русские интеллектуалы у себя на родине: мечется сознание между двумя полюсами – рационалистическим техногенным Западом и созерцательно-неспешной Азией, – порождая временами шедевры интеллектуального умствования. То одно возьмет верх, то другое. А нет бы совместить их в одном так, чтобы – раз и навсегда, без колебаний и метаний. Чтобы сформировалась двойственность непротиворечивого содержания. Бродит идея Евразии по пространству бывшего СССР, как в свое время «призрак коммунизма» по Европе. Свою модель Евразии (по-турецки – Авразия) развивает и Турция. Но и там все тоже разломано на две части.

Известный современный исламский ученый Узбекистана и Центральной Азии шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф опубликовал недавно свою новую книгу, в переводе на русский – «Васатыйя – путь жизни». Васатыйя – принцип умеренности в исламе, и книга адресована мусульманам. Но она, как кажется, может быть полезна и смятенному сознанию современного человека, независимо от вероисповедания, принадлежности к атеистическо-

му мировоззрению или страны обитания. В особенности же – потенциально евразийскому человеку, чтобы помочь остановиться, одуматься и вступить на «умеренный путь». Тема эта – излюбленная на мусульманском Востоке в трудах по «практической философии» на арабском и персидском языках. И в большом пространстве мусульманского мира народы всегда повторяли поговорку на арабском языке: «Хайрул умури авсатуха» – «Лучшее в делах – это середина».

Истоки формирования двойственности уходят в глубь веков. Узбеки – наследники чагатайской культуры, представленной в уникальной исторической цивилизации Тимуридов, впервые в исламском мире синтезировавшей в таком объеме и на таком уровне тюркские и ирано-таджикские элементы на протяжении почти целого столетия (XV в.). Другие известные исторические примеры не идут в сравнение с этой цивилизацией. Все последующее развитие ситуации в Средней Азии – это постепенное угасание данного «двойственного феномена» и избавление от этого синтеза. Его окончательный распад мы наблюдаем только сейчас – с образованием новых реальных независимых государств Узбекистана и Таджикистана. (Хотя, впрочем, никто не может предсказать, куда повернет «матушка История» в будущем, если будет отпущено время существовать роду человеческому. Может, еще и сольются эти два разъединенные историей и политикой народа в один.) И если таджики (также законные наследники цивилизации Тимуридов, а следовательно, и ее чагатайской составляющей) в силу разных причин дистанцировались от этого наследия, от тюркского элемента, и устремились в иранский мир, то об узбеках этого сказать нельзя. В культурном плане узбеки не устремились к Турции, хотя Турция продолжила развитие чагатайской культуры и сама ассимилировала ее наследие.

Узбеки, на современном этапе акцентируя внимание на своем собственном, тюркском (или больше – древнетюркском или даже пратюркском) субстрате, продолжают и сохранять чагатайское наследие, и наращивать усилия по усвоению иранского культурного базиса. Что выражается, например, в огромной переводческой работе с персидско-таджикского на узбекский. Узбеки уже сами по себе двухсоставная нация, где соединились два противоположных компонента – тюркский и иранский (индоевропейский). Таким образом, их двойственность идет от самого их этногенеза. Они толерантны, трудолюбивы, миролюбивы, не фанатичны и не агрессивны в своей вере, достаточно уступчивы, достаточно прагматичны,

гибки и предприимчивы в житейских и бытовых ситуациях. С оптимистическим взглядом на жизнь и здоровым, как было сказано, устремлением к ее радостям. Гибкость, предприимчивость, трудолюбие – основа успешности в делах, могут быть и причиной раздражения, иронии со стороны соседних народов, и причиной позитивной зависти и уважения. Интеллектуалы – представители других народов всегда понимали чрезвычайную ценность этой черты в характере сартов-узбеков и нередко призывали своих сограждан следовать в этом их примеру.

Двойственная природа сознания узбекского народа глубоко отражена в культурных феноменах, но истоки их происхождения не всегда осознаются. Это и значительный массив персидской лексики в языке, которая в сравнении с другими соседними тюркскими народами почти не подверглась ассимиляции (искажению в соответствии с собственными национальными фонетическими правилами). Это и присущая художественному мышлению категория парности, симметрии, двойственности форм. Конечно, это особенность не одних узбеков, и она не охватывает нацию в целом. То же мы видим и у других тюркских народов – у таджиков, иранцев, других народов мусульманского Востока. У нас существует, например, архитектурная традиция «кош» (буквально: сдвоенный, двойной, парный), когда напротив друг друга строятся два идентичных или сходных по замыслу архитектурных объекта, образующих единый «двойной ансамбль». Их замечательные примеры средневекового времени можно наблюдать в Бухаре. Но тем же можно объяснить и совсем недавнее неожиданное появление в современной застройке-реконструкции Ташкента вторых курантов, образующих точную копию-реплику к зданию, выстроенному в 1947 г. в честь Победы в Великой Отечественной войне. Не раз доводилось слышать, как во время исполнения узбекской традиционной музыки каким-либо хорошим певцом воодушевленная аудитория начинала кричать после окончания первого исполнения: «Джуфт, джуфт болсин!» – «Пару, пару давай!»

Позже к тюрко-иранской двойственности добавился еще и третий компонент – русско-советский. Среднеазиатский человек, не знавший до прихода русских европейской культуры, хотя и не был предрасположен к освоению и совмещению разных культурных влияний в форме неожиданной интервенции, но в силу присущей ему двойственности сознания легко улавливал их практическую полезность, выгодность. Благодаря взаимодействию с Россией и с русским (российским) типом сознания двойственность

расширялась и усиливалась, обогащалась новым содержанием. Получив новый импульс, оживились обе составляющие парадигмы «двойственного сознания». Были здесь и свои особые «формы контактов», значение которых до сих пор не осознано в должной мере. В научном плане, по-видимому, и говорить о них как-то не принято (нет таких научных категорий и понятий) и вроде как не совсем серьезно. Но потому и интересно попытаться прояснить некоторые стороны этого «феномена» – ведь его влияние (в скрытом виде) на разные стороны жизни, общественные отношения, политические перипетии и национальное сознание ощущается и в наши дни в каждом из новых независимых государств. И к тому же таким способом мы еще и отвлечемся от назойливой политизации темы, которая так и лезет в сознание пишущего о современной проблематике.

«Люблю Мамаджан, уважаю, / Через тебя, Мамаджан, в Чимкент уезжаю». Как полагают, не очень хорошая песенка. Но с нее начинался для кого-то свой XX век. С неведомыми ранее, диковинными возможностями развлечений и «объектов почитания». Знак и символ наступающей новой эпохи – эпохи соприкосновения отдаленного и разделенного – и неотступно расширяющейся свободы выбора. Пелась она, а чаще звучала с граммофонной пластинки, в ресторанах, публичных домах и других значных заведениях «новых городов» русского Туркестана. Так называемая «русско-туземная» песенка, двуязычная. О белой русской женщине и ее местном поклоннике. Можно сказать, почти городской фольклор. Образ белой русской женщины еще задолго до появления песенки покорял воображение и новое географическое пространство. Раньше всех и всего остального. Белая русская женщина – исключение на фоне европейской исключительности. Ничего общего с «комплексом белой женщины» – высокомерной, чопорной и недоступной. Речь не идет, конечно, о тех, что завозились в Туркестан из стран Европы для работы в местных «веселых домах» (а ведь было и такое, а не наоборот, как теперь!). И совсем не то, что в песенке-сказке фольклорного обличья у соседа-афганца: «Ман ва он сафид» («Я и та белая»). Ее манеры, жесты, поведение, ее наряды, ее мысли и благородство, жертвенность, покровительство наукам и искусствам – что, несомненно, тоже имело место. Но было и другое, о чем как-то стало не принято говорить. Однако поговаривают уже, что, мол, и М.Е. Салтыков-то-Щедрин был совсем не прав, и вообще его образ «господ ташкентцев» не имеет отношения к Ташкенту – так, дескать, просто нашел подходящую

ко времени метафору. Торопятся сильно. Тот же А. Эйхгорн, активный участник великосветской жизни почти сразу же после завоевания Ташкента откровенно сообщает многое такое о нравах в обществе, что начинаешь понимать сатирический пафос Салтыкова-Щедрина.

Бизнес бизнесом, а чувства людские – это совсем другое. Это не только романтическое средство защиты от официального чванства и пошлости, карьеристских устремлений и интриг. Случалось немало тайных встреч по обоюдному искреннему влечению между «киргизками», сартянками и «белыми мужчинами». Страсти кипели. И даже приобретали порой трагический оттенок. Материалов и сюжетов, если поискать, вполне наберется на многие увлекательные романы и полнометражные фильмы. Старый русский полковник поведал Д.Н. Логофету, как неудержимо владело ими, молодыми тогда солдатами, желание встреч с местными женщинами и как, прельстившись близостью с загадочной девушкой-сартянкой, он вдруг с ужасом обнаружил, что она больна проказой, и всю жизнь потом прожил в страхе, не женился, чтобы не проявилась болезнь в его потомстве.

Народы сами творят свою историю – народную, находя «точки соприкосновения». Они – то сходятся и забывают старые обиды, то расходятся и припоминают друг другу всякое плохое, а потом опять сближаются... И в этом кружении всегда сохраняется влечение к противоположному полу другого этноса-народа, оно никогда не исчезает до конца. Даже в эпохи противостояния и крушения государств и империй. Хотят ли того или не хотят «вожди народов» и их «высокообразованные» идеологи, носители «сокровенного знания» или разного уровня религиозные иерархи. Народная история – все еще не предмет историографии. Хотя и есть блестящие исключения. Интеллектуалы помалкивают. Похоже, что нет внятных методик. Не так-то просто «выстроить историю» – соотнести событийный неуправляемый и многомерный поток жизни с обстоятельствами краткосрочного бытия «венценосных особ», «сильных мира сего». «Он начертал так», «этот повелел эдак»... А народ продолжает вытворять свое, будь то в благоприятных или неблагоприятных условиях, при «попустительстве властей» или при их «пристальном внимании».

Большевики решительно разрушили все иерархические перегородки, вековые препятствия и предрассудки – этнонациональные, сословные, конфессиональные, родовые, клановые и иные – и сомкнули народы в их желании перемешаться. На несколько де-

сятiletий смешанные браки волной накатили на территорию Средней Азии и Казахстана. Говорят, что особенно поощрялись они среди начинающих карьеру партийных работников и общественных деятелей разных уровней (от районного до самого высокого) из числа местных национальностей. И действительно, в истории нашего региона было немало различного рода и уровня деятелей, женатых на русских женщинах или имевших верных помощниц из их числа. Смешение дальних кровей и рас (а здесь кроме русских участвовали другие славянские народы, европейские евреи, татары, иные народы и этносы) привело (вместе с другими причинами) к взрыву интеллектуального и энергетического состояния среднеазиатского общества. В этом нашло себя одно из проявлений евразийского комплекса – славяно-тюркский и шире: славяно-тюрко-иранский, или христианско-мусульманско-иудейский, мир (парадоксально объединенный на атеистической платформе) пришел в движение, раскрепостился, образуя сложный синтез.

«Большевистское евразийство», хотя и на короткий срок, но дало свои удивительные плоды, позволившие осуществить гигантский гуманитарный, технический и модернизационный прорыв. И прежде всего в самом сознании. В результате этого смешения народов выросли тысячи высокообразованных и прогрессивно мыслящих деятелей культуры, науки, техники, свободных от средневекового ханжества и невежества. С советским образом жизни связано усиление толерантности и интернационалистских черт. Советы, будучи атеистической идеологией, подвергшейся в последние десятилетия обвинениям в безнравственности и бездуховности, не позволяли переступать порог нравственности. Публичные дома были сразу же ликвидированы, пропаганда секса, порнографии и т.п. категорически запрещена и уголовно наказуема. Интересно провести параллели с некоторыми странами мусульманского Востока того же периода, где все это открыто и весьма широко практиковалось как часть прибыльного бизнеса.

В этом контексте разве не удивительно узнавать теперь «задним числом» об отдельных замечательных примерах приспособления нашей местной элиты к советскому режиму, даже в самые суровые годы идеологического диктата. С гордостью сообщают некоторые из них (дожившие до новых времен) или их внуки и правнуки в разных воспоминаниях, как им удалось пережить режим, пойдя на вынужденный (но временный!) компромисс и сотрудничество с ним. Как они, не веря в идею, а тайно

соблюдая все обычаи и традиции, достигали многого и на официальной карьерной стезе. И в этом тоже одно из проявлений удивительной «двойственности сознания», способного обеспечить выживание в любых самых трудных и невероятных жизненных испытаниях.

Особую роль в формировании евразийского комплекса в Центральной Азии сыграли женщины-татарки и в целом этот талантливый и деятельный народ-просветитель. Русский обыватель, чего греха таить, в массе своей боится ислама. И никто серьезно не работал в этом направлении, чтобы просветить его и объяснить, что ислам – религия миролюбивая и терпимая к любой нации и человеку. А мусульмане, в свою очередь, побаиваются православия и русских как носителей этой веры. Удивительное исключение – татары, которые как бы идут (уже, пожалуй, два столетия) между двух конфессий и «берут» с обеих сторон. В этом их особая жизненная гибкость и устойчивость, а также и своя особая культурная миссия в Центральной Азии. Феномен этого, можно сказать, центральноазиатского народа (а проникали они сюда и оседали уже в Средневековье) заслуживает глубокого осмысления. Не побоюсь даже сказать об их серьезном вкладе в культурный этногенез ряда центральноазиатских народов последних двух столетий. Их исламская доктрина и вероисповедание отличаются здравомыслием, естественным и органичным синтезом собственно азиатских и европейских ценностей, способностью уравнивать и предотвращать всяческие мистические крайности и «ортодоксальные» шараханья.

Понять русского человека в регионе Центральной Азии – это большая тема, ждущая в будущем отдельных глубоких исследований и художественных обобщений. Мы же коснемся очень коротко только одного аспекта – соотношения «русской ментальности» с традицией «двойственного сознания».

В этом контексте легче и проще можно понять русских, например, в Узбекистане, «от обратного». Приведем лишь пару небольших примеров для пояснения. Если узбеки имеют, так сказать, тройную защиту – семья, родственные (клановые) структуры и махалля, то у русских она, как правило, сводится только к одному – семье. Стоит, однако, отметить такой позитивный факт, как усиление в период независимости тенденции интеграции русских (русскоязычных) и в структуру махалля. В то же время семьи – ненадежные, легко возникают и также легко распадаются в нынешних условиях рыночных отношений и чувств. (Конечно, не только у

русских, и это знак времени.) Никакого вам предварительного отбора по ценностям и правилам традиционной семьи. Никакой предварительной «разведки», как это обычно бывает у узбеков: может, в семье имеются (или имелись) алкоголики, наркоманы, тунеядцы, осужденные – тогда ищите невесту в другом месте. А тут – увидели, полюбили и соединились, по типу «Орфей полюбил Эвридику» или «с милым рай в шалаше». Крепкие семьи если и есть, то это такие, в основе которых современный совместный бизнес или производство по типу «крестьянских хозяйств».

Слабое звено у русских в Центральной Азии – торговля, а ведь она составляет главное звено в «восточной народной экономике». В целом и общем не умеет русский человек торговать и торговаться. Легко уступает, махнув рукой. От обратного если смотреть – то мало чему в этом смысле он научился у узбеков и таджиков. Там торговля – это радость сердца, отдохновение души, праздник на всю жизнь. Это пространство для молодецкой удали и удачи. Спросишь иной раз на базаре: а почему сегодня дороже? Отвечает: это не я, это Куйлюк-ата установил. В том смысле, что я, мол, этот продукт купил сегодня рано утром на Куйлюк-базаре по такой-то цене, вот потому и моя цена соответственно поднялась на нашем базаре. Русских, занимающихся таким бизнесом, никогда не встречал в Узбекистане ни в советское время, ни в период независимости. А ведь это-то и есть капитализм, или лучше сказать – народный капитализм. Или народная рыночная экономика, как теперь предпочитают говорить. И сколько ее самых различных форм существует у нас – не пересчитать!

Очевидное отсутствие у русских «двойственного сознания» было нередко причиной недопонимания местной специфики «экономических отношений», возникавших противоречий и противостояний в прошлом. Неоднократно доводилось слышать типичное для русского (а если шире – советского) сознания неприятие «коммерческих операций» местного населения и их торговой деятельности. В условиях государственной социалистической экономики все это воспринималось (и справедливо!) как спекуляция и спекулятивная нажива.

В то же время отсутствие «двойственного сознания» – также и причина притягательности образа русского человека для местных жителей, например, в Узбекистане. Русский человек – это «не белый человек». В общем и целом он лишен «комплекса белого человека». В Центральной Азии у него не было и нет снобизма и высокомерия. Свойственная русским простота, открытость и

особенно прямота, порой прямолинейность, которые отсутствуют в структуре «двойственного сознания», да и вообще в «восточной психологии», заполняли собой ту лакуну в культурном поле среднеазиатских народов, в которой время от времени ощущалась острая потребность. На этом базировалось и отсюда возникало уважительное отношение к русским как к носителям идей справедливости, честного и открытого образа жизни. Много раз доводилось слышать и в Узбекистане, и в Таджикистане от разных людей старшего и среднего поколения о той прямоте русских, которая теперь стала дефицитом в отношениях между людьми.

И сейчас нередко приходится слышать сожаления по поводу отсутствия и недостатка русских людей среди руководителей в структурах новых независимых государств, так как именно они, по мнению населения, способны говорить, пусть даже и в грубой форме, правду в глаза. Очевидно, что дефицит этих качеств с учетом продолжающегося (теперь уже замедленного) отъезда русских и русскоязычных и концентрации моноэтничности будет ощущаться еще острее. По-видимому, эти две составляющие – «двойственность сознания» и прямолинейность и открытость – и являются собой две наиболее важные культурные парадигмы, на которых может строиться будущее общего евразийского пространства. Они являются надежным психологическим обеспечением и для успешного продвижения в мировое экономическое пространство, и для самосохранения этого самостоятельного, самобытного явления. Они дополняют и поддерживают друг друга и создают ощущение близости и родственности народов, населяющих эту геополитическую территорию. Не этим ли чувством задолго до нас вдохновлялся поэт В. Хлебников, попытавшийся в «максималистской форме» скрепить это уникальное единение:

*Ах, мусульмане те же русские
И русским может быть ислам.
Милы глаза немного узкие,
Как чуть открытый ставень рам.*

«Дружба народов», М., 2012 г., № 9, с. 170–180.

В. Наумкин,

член-корреспондент РАН, директор Института
востоковедения РАН

ДИАЛОГ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ

КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА

Диалог – не только инструмент выстраивания мирного сосуществования и взаимодействия культур, но и средство преодоления мифов и негативных эмоций, порой порождающих конфликтные отношения между ними. Страх занимает ведущее место среди эмоций, вызывающих недоверие, враждебность, конфликтность и ненависть. Прав и живущий в Иерусалиме шеф бюро журнала «Time» Мэтт Рис, который в своей работе «Геополитика эмоций» фокусирует внимание на трех из большого числа эмоций, которые определяют поведение человека, – на страхе, надежде и унижении, поскольку они «теснейшим образом связаны с доверием». А оно, в свою очередь, «решающим образом влияет на то, как нации и люди отвечают на встречающие их вызовы и как относятся друг к другу». Страх в равной степени одинаково влияет на поведение как государств, так и этнических групп. Страх перед уничтожением в недавнем прошлом побуждал каждую из двух сверхдержав – СССР и США – добиваться такой степени вооруженности ядерными зарядами и их носителями, чтобы противная сторона не могла безнаказанно нанести ей уничтожающего удара. Родилась доктрина взаимно гарантированного уничтожения. Как ни парадоксально, это было основанием для диалога. Хотя, конечно, не всякие переговоры есть диалог, но здесь это были не просто переговоры, а именно диалог двух противостоящих друг другу ценностных систем, немыслимый без преодоления экзистенциального страха.

Ядерное оружие, по сути, выполняет функцию инструмента преодоления страха. Для Израиля, к примеру, не признаваемое им обладание этим оружием порождено не только рациональными мотивами (способность сдерживать потенциального противника, превосходящего его по человеческому потенциалу и обычным вооружениям), оно глубоко иррационально, как и сам психологический комплекс выживания, вполне понятный с учетом исторического прошлого еврейского народа. Однако страх часто генерирует ненависть, мешающую необходимому налаживанию отношений с соседями и конструктивному диалогу. Идеологизация, накладываемая на страх, усугубляет все те негативные элементы в мен-

тальности и поведении группы, которые мешают не только взаимопониманию с другими, но и со своим народом.

Вышеупомянутый Мэтт Рис, исследовав менталитет выживших жертв Холокоста в Израиле, пишет о резком дефиците внимания к ним со стороны израильских властей еще в недавнем прошлом, объясняя это как меркантильными, так и идеологическими причинами. Говоря о периоде «раннего сионизма», он приводит высказывание Д. Бен-Гуриона, сделанное им через месяц после «Хрустальной ночи»: «Если бы я знал, что можно спасти всех еврейских детей Германии путем переселения их в Англию и только половину из них путем переселения в Эрец-Исраэль («Землю Израиля»), я бы избрал последнее» (!). На фоне извечного страха попрание Израилем элементарных прав палестинцев оккупированных территорий выглядит как вызванная эмоциями месть за пережитое в прошлом унижение. Иррациональный страх лежит и в основе израильской концепции «экзистенциальной угрозы», с помощью которой сегодня оправдывается возможность нанесения превентивного удара по Ирану. Правда, наиболее реалистические политики не разделяют призывов к войне, иногда напоминающих истерию. Страх в конечном счете побудил северокорейский режим, вряд ли планирующий начать ядерную войну против Юга, но рассчитывающий обеспечить свое выживание, создать атомную бомбу. Как считает французский ученый Д. Моиси, «страх – это эмоциональный ответ на реальное или преувеличенное предположение о нависающей угрозе. Страх ведет к защитному рефлексу, который отражает идентичность и хрупкость человека, культуры или цивилизации на данный момент... Страх – сила для выживания в природно опасном мире». Он руководит отношением большинства западных обществ к Китаю. В связи с его бурным развитием и ростом аналитиков волнует вопрос: что будет, если «коллективистские общества» (не стоит забывать и о быстро развивающемся Вьетнаме) будут столь экономически успешными, что превзойдут Запад? Но дело не только в этом. Американский журналист Д. Брукс писал из Китая: «Подъем Китая – не только экономическое явление. Это и явление культурное. Идеал гармоничного коллективистского [общества] может обернуться столь же притягательным, как американская мечта». И здесь диалог является единственным средством преодоления страха через формирование доверия между государствами, нациями и этническими группами.

Теперь немного теории. Напомню о так называемой теории символического выбора. Не случайно в ее рамках центральным

для понимания этничности является комплекс «миф-символ». По Эделману, миф – это «разделяемое большой группой людей убеждение, которое придает событиям и действиям определенное значение» (в рамках такого понимания, состоялось ли на самом деле то событие, называемое мифом, или было вымышлено, не имеет значения). Символ понимается как «эмоционально заряженная ссылка на миф». Один из авторов, работающих в жанре этой теории, Стюарт Кауфман, пишет, что комплекс «миф-символ» представляет собой «сеть мифов и связанных с ним символов». Иначе говоря, люди совершают политический выбор не столько по расчету, сколько руководствуясь эмоциями и отвечая на предлагаемые им символы. По Д. Горовицу, непосредственным побуждением к этническому насилию являются эмоции, как, например, страх перед угрозой исчезновения группы. К. Янг фокусирует внимание на важной роли стереотипов (мифов) и символов в «поддержании идентичности и продвижении групповой мобилизации». Таким образом, парадигма возникновения этнической конфликтности, которую предлагают Янг и Горовиц, выглядит следующим образом: страх перед уничтожением группы (или уничтожением ее идентичности) ведет к возникновению чувства враждебности, а затем и к групповому насилию. По Янгу, атмосфера враждебности и угроз повышает групповую солидарность, побуждает людей рассматривать события в этнических терминах.

Все сказанное хорошо иллюстрируется проблемой мусульманской диаспоры в Европе. Если для США и Канады иммиграция давно стала частью их жизни, то государства Западной Европы, начав испытывать нужду в рабочих для бурно развивающейся экономики, стали поощрять массовую иммиграцию лишь с середины 1950-х годов. Значительная часть миграционных потоков, текущих на Запад и Север, в первую очередь в Европу, приходится на государства исламского мира, откуда на континент попали люди, исповедующие другую религию, отличающиеся более сильной религиозностью и иные в культурном отношении. Это предопределило появление серьезных проблем, связанных со страхом, причем именно религиозный фактор, как считают многие европейцы, сыграл в этом ведущую роль. Страх прослеживается в суждении известного американского журналиста и автора фундаментальной работы о мусульманских иммигрантах на Западе К. Колдуэлла: «Европейская терпимость к другим культурам была искренней, особенно среди элит, но даже они не предвидели, что подобная терпимость будет означать появление, укоренение и устойчивое

распространение иностранной религии на европейской земле». Таким образом, заключает автор, Европа сама посеяла семена угрозы – межрелигиозного разлада, как внутреннего, так и международного (!). Действительно, европейские державы имели длительную историю противоборства с исламским миром, обостренного колониализмом. Дух отношения к исламу как к потенциальной угрозе выразил в конце XIX в. известный французский писатель Э. Ренан: «Ислам был либерален, когда был слабым, и агрессивен, когда был сильным». Именно этот исторический фон сделал столь легким распространение в Европе антиисламских настроений, когда для этого уже в наше время появились и другие причины.

В настоящее время численность мусульманской общины в Европе составляет более 20 млн. человек. Прирост населения среди мусульман значительно выше, чем среди немусульман, и, по разным прогнозам, уже в третьей четверти XXI в. в Европе будут преобладать мусульмане. Никто не знает, какую эволюцию претерпят отношения между Западом и исламским миром. В стремлении ограничить иммиграцию и прирост некоренного населения некоторые европейские государства прибегают к крайне жестким мерам. Дания приняла беспрецедентный для Европы закон, запрещающий ее гражданам привозить в страну супругов в возрасте моложе 24 лет, если те не являются гражданами государств Европейского союза. В течение многих лет примерно 25 тыс. турецких граждан, 2/3 из которых – женщины, подают заявления в консульства Германии о получении визы в связи с заключением брака с гражданином этой страны. Иначе говоря, с середины 1980-х годов в страну въехало около полумиллиона «импортных» супругов, а турецкое меньшинство в Германии прирастает и за счет таких браков, и за счет рожденных в них детей. В Великобритании 60% пакистанцев и бангладешцев заключают браки с «импортными» супругами, что было главным фактором 50%-ного роста пакистанской общины в Манчестере, Бирмингеме и Брэдфорде в 1990-е годы.

Проблема не в том, что подобные браки бесконтрольно увеличивают число иммигрантов, а в том, что они, во-первых, являются тревожным сигналом коллективного выбора иммигрантов против ассимиляции / интеграции и, во-вторых, увеличивают процент граждан, совсем не интегрированных в общество. По данным Немецкого института молодежи, 53% живущих в Германии турчанок в возрасте от 16 до 29 лет не готовы выйти замуж за немцев. В то же время подавляющая часть немцев не хочет «иметь турец-

кого родственника». В Дании 90% жителей турецкого и пакистанского происхождения в первом, втором и третьем поколениях иммигрантов находят супругов в странах своего происхождения. Это, как представляется, следует объяснить, прежде всего, их низким статусом в обществе и дискриминацией, которой они подвергаются. Гибридизационному культурному и биологическому смешению препятствуют мифы и стереотипы, разделяющие мусульман и коренных жителей стран Запада. Они особенно ярко проявляются в интерпретации отношения к женщине.

Мусульмане полагают, что в западном, особенно европейском обществе царят распущенность и вседозволенность. Они крайне негативно смотрят на добрачные сексуальные контакты, не говоря уже о супружеской измене. Мусульмане убеждены в превосходстве своих моральных устоев, полагая, что для них характерны уважение к женщине и равноправие, они подчеркивают, что ислам защищает женщину. За сексуальную распущенность и забвение семейных ценностей европейскую цивилизацию критикует и РПЦ. Некоторые представители мусульманской диаспоры в Европе считают, что своей крайне откровенной одеждой женщины сами провоцируют мужчин на сексуальную агрессию.

Европейцы со своей стороны убеждены в превосходстве своей концепции отношений между полами. В Великобритании, которая имеет многолетнюю историю в целом бесконфликтного сосуществования различных общин и культур, 60% опрошенных коренных британцев считают, что мусульмане «неуважительно» относятся к женщине. Мусульман обвиняют в избиении жен, которое дозволяется шариатом. Однако в кругах самих мусульман нет согласия по этому вопросу. Модернистски настроенные религиозные и общественные деятели выступают за сочетание приверженности нетленным исламским ценностям с отказом от архаичных законодательных установок. Американский профессор религии иранского происхождения А. Сачедина считает, что мусульмане «должны понимать шариат как систему ценностей, а не как систему законов». Российский профессор арабского происхождения Т. Ибрагим, говоря об интерпретации средневековыми мусульманскими богословами 34-го аята 4-й суры Корана как позволяющего мусульманам побивать непослушных жен, толкует глагол «дараба» в смысле их покидания, а не избиения. Особый случай для отношений между мусульманской диаспорой и коренным большинством в Европе представляют собой полигамные браки. Большинство стран Евросоюза не признает распространения права

на воссоединение за членами полигамных семей. Одновременно существует и другая точка зрения на мусульманскую полигамию, которую следует уважать как часть культуры мусульманского сообщества (хотя в ряде стран самого исламского мира многоженство законодательно запрещено). В Великобритании в феврале 2008 г. Департамент труда и пенсий признал права «дополнительных супругов» и даже предоставил им некоторые бонусы. В реальности полигамные браки существуют даже в такой жестко секулярной стране, как Франция.

В последнее время европейские страны для регулирования иммиграции используют технологию выборочной иммиграции (*immigration choisie*), к примеру, широко открывая двери лишь для врачей и программистов, в которых они остро нуждаются. В некоторых европейских городах иммигранты составляют весьма значительную часть этого персонала. Согласно исследованию Фонда короля Бодуэна по марокканской общине Бельгии, каждый второй выходец из Марокко живет в Европе ниже черты бедности, причем более 1/3 предпочитают идентифицировать себя как мусульмане, а не как марокканцы или бельгийцы; менее 30% работают за зарплату, 20% – безработные. Как пишет российский журналист, «им часто отказывают в приеме на работу из-за арабского имени или просто по фейсконтролю. С такими данными не во всяком районе Брюсселя можно снять жилье. Молодежь третьего и четвертого поколений говорит об «узаконенном расизме». Но предпочитает демократию, ценит бельгийскую социальную систему и уважение прав человека по сравнению с исторической родиной, куда не хочет возвращаться. Али Аллави, иракский экс-министр, исследователь из Принстонского университета, пишет о том, что в 2005 г. среди турецких и марокканских иммигрантов в Бельгии (почти все они мусульмане) безработных было почти 40% (!), среди коренных жителей – 7%. Зато в европейских тюрьмах мусульман непропорционально много: в Великобритании – 11% (в то время как мусульмане составляют всего 3% населения), во Франции – шокирующая цифра! – от 60 до 70% (всего мусульман около 10% населения), в Голландии эти цифры соответственно 20 и 5%.

Проблема конфликтности в отношениях между мусульманской диаспорой и принимающими ее европейскими государствами вряд ли будет преодолена и в условиях потепления, вызванного поддержкой Запада протестных движений в ходе «арабской весны». Конструктивный диалог затруднен теми страхами и недоверием, которые испытывают общины друг к другу. Впрочем, имен-

но в результате «арабской весны» проблема доверия и диалога остро встала и внутри арабского мира, в части которого пришли к власти исламистские партии в лице умеренных «Братьев-мусульман» и радикально религиозных салафитов (этим термином принято обозначать широкий спектр течений в исламе, апеллирующих к идее возвращения к ценностям ас-салаф ас-салих – «праведных предков»). Здесь развернулись острые дебаты как между исламистами и сторонниками светского правления, так и между различными исламистскими течениями.

Напряженная идейная борьба идет сегодня не только, к примеру, между шиизмом и суннизмом, суфизмом и ваххабизмом, но и между конфликтующими между собой течениями внутри современного саудовского государства. Современный политизированный ваххабизм (или неоваххабизм) также именуют «сахвизмом». Этот термин происходит от выражения «ас-сахва ал-исламиййа» («исламское пробуждение»), получившего распространение в 1970-е годы в противовес, с одной стороны, традиционному официальному ваххабитскому религиозному истеблишменту Саудовской Аравии, а с другой – более воинственному, джихадистскому течению в салафизме, которое также именуют неосалафизмом. Пример такого течения – идеи и деятельность Джухаймана ал-'Утайби и его последователей, которые в 1979 г. захватили священную мечеть в Мекке. Однако есть и такие салафиты, которые решительно отвергают саму идею джихада как насильственного действия, основанную на концепции такфира (предания анафеме тех мусульман, которые «неправильно» исповедуют ислам и за это подлежат истреблению). Для того чтобы привести пример подобного дискурса, можно процитировать одного из критиков джихадизма, саудовского автора Халида ал-Духайла. Он утверждает, что, во-первых, идея джихада в ваххабизме может быть реализована лишь в границах территории централизованного государства, которое его основатели построили на Аравийском полуострове, во-вторых, с учетом приверженности ханбалитскому мазхабу ваххабиты не могут принять джихад без одобрения валийй ал-амр (главы религиозной общины), оформленного в виде официального заявления.

Ваххабизм даже в его неполитизированной форме критикуют не только за пределами Аравии, но и внутри ее. В письме в западную газету бывший последователь радикальных ваххабитов Мансур ал-Нукайдан писал: «Начиная с возраста 16 лет, я был ваххабитским экстремистом. Со своими единомышленниками мы

поджигали лавки, в которых торговали кассетами с западными кинофильмами, и даже спалили благотворительное общество для оказания помощи вдовам в нашей деревне, поскольку были убеждены, что оно имеет целью освобождение женщин». Жестокость таких действий очевидна, но стоящая за ними позиция сфокусирована скорее на культуре, поведенческих нормах, нежели на политике. Серьезные противоречия между даже сугубо «бытовым», неполитизированным фундаментализмом (будь то саудовский ваххабизм или движение «Талибан») и принятыми в подавляющем большинстве обществ современного мира (в том числе и мусульманских обществ) нормами и ценностями довольно велики. Критики ваххабизма обычно исходят из постулата о непримиримости этого направления в исламе. В связи с этим заметим, что терпимость ислама в целом отмечают не только авторы, принадлежащие к числу последователей этой религии, но и те, кого трудно заподозрить в предвзятости. Так, Лев Поляков, французский писатель, известный фундаментальными трудами о преследовании евреев в различные исторические эпохи, пишет: «...ислам — это, прежде всего, религия терпимости. Нет ничего более фальшивого, чем рассматривать ее в соответствии с весьма распространенным подходом как уничтожающую любое сопротивление огнем и мечом». Сравнивая мусульманскую и христианскую цивилизации, этот автор идет еще дальше: «...кроткие предписания Иисуса привели к рождению воинственной цивилизации, наиболее непримиримой из всех известных в истории человечества, в то время как воинственное учение Мухаммада породило гораздо более открытое и терпимое общество». Добавим, что в обоих случаях (что было бы справедливо и для других мировых религий) речь идет не о самих религиозных доктринах, а о социализации религии, поведении людей, совершающих жестокость якобы во имя торжества религии. В этом плане радикал-джихадисты в чем-то (если не считать глобальные амбиции) весьма схожи со средневековыми инквизиторами. Их идеи и действия находятся в остром противоречии с мировоззрением абсолютного большинства мусульман мира и с классическим наследием ислама, в том числе, как показывает американская исследовательница Делонг-Ба, с идеями ибн Абдаль-Ваххаба. Все большее число современных мусульманских мыслителей призывает к модернизации религиозных догм.

Конструктивные попытки модернизации изнутри поддерживаются одной частью мусульманской уммы, вызывают настороженное отношение у другой и полное неприятие у третьей.

Проклятия немалого числа консерваторов посыпались на голову одного из лидеров мусульманской общины Европы, внука основателя движения «Братьев-мусульман», университетского профессора Т. Рамадана, когда в ходе дебатов с Н. Саркози, в то время министром внутренних дел Франции, он предложил ввести в современном исламе мораторий на применение худуд – жестоких телесных наказаний, которым шариат предписывает подвергать мусульманина за определенные, осуждаемые Богом преступления. Иначе говоря, эти наказания следует не отменить, а отказаться от их применения. Т. Ибрагим, подобно Рамадану, исходящий из понимания несовместимости худуд с универсальными человеческими ценностями в их современном значении (и, подобно ему, подвергающийся за это нападкам со стороны консервативной части мусульманского религиозного истеблишмента), также не покушается собственно на шариат, но стремится доказать, что в источниках мусульманского вероучения вообще нет прямого указания на необходимость применения этих шокирующе жестоких наказаний. Оба ученых, равно как и многие их последователи, полагают, что подобная адаптационная модернизация укрепляет позиции ислама, делая его ценности приемлемыми для высокомодернизированного мусульманина, живущего в западном (да и российском) обществе. Как считает французский исламовед О. Руа, именно такой призыв Рамадана в большей степени соответствует принципам принятого во Франции лаицизма, чем если бы он выступал вообще за отмену этих религиозных предписаний. Ведь общество и государство ведают земными, а не небесными делами, поэтому и приговаривать за такие преступления к телесным наказаниям и тем более приводить приговор в исполнение не следует. «Ад может подождать».

Еще один реформатор, шейх Мухаммад аль-Газали, в своем труде жестко критиковал то, что он называет «аль-фикх аль-бадави» – бедуинской юриспруденцией. Он считает, что набор жестоких суждений и фетв, дискриминирующих женщин, немусульман и часть мусульман именем ислама и ас-салаф ас-салих, на самом деле является искажением ислама. Но и подверженность модернизации, которую переживает мусульманский мир, ставший одной из важнейших и влиятельных частей мирового сообщества, не означает принятия им всех ценностей и норм, выработанных другими цивилизациями, даже если они санкционированы международным правом.

Влияние исламских норм заставило мусульманские государства критически подойти к некоторым элементам такого документа, как Декларация прав человека, ст. 18 которой гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию (выделено мною. – В. Н.) или убеждения и свободу, исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». Кстати, среди тех, кто работал над текстом этой декларации в ООН, был известный ливанский политический деятель того времени (христианин по вероисповеданию) Ш. Малик. В 1981 г. Исламский совет Европы принял свою Всеобщую исламскую декларацию прав человека, разработанную группой видных мусульманских интеллектуалов, в том числе бывшим президентом Алжира А. бен Беллой. Документ был представлен в ЮНЕСКО, но тогда не получил никакого резонанса. Однако позднее, в августе 1990 г., на саммите Организации Исламская конференция была принята получившая широкую известность Каирская декларация, в которой было сформулировано исламское видение прав человека. Естественно, в ней нет неприемлемого для мусульман права менять религию, а говорится: «Запрещается применять любую форму принуждения человека или воспользоваться его бедностью или невежеством для того, чтобы обратить его в другую религию или в неверие» (гл. 10).

Все это означает, что диалог как единственное средство гармоничного, мирного сосуществования и взаимообогащения культур в условиях глобализации невозможен без достижения доверия, а для этого необходимо преодоление негативных эмоций, в первую очередь страха, толкающего людей на безрассудные действия.

*«Диалог культур в условиях глобализации.
Международные Лихачёвские научные чтения»,
СПб., 2012 г., с. 156–160.*

Ариф Алиев,
доктор исторических наук (ИНИОН РАН)
**КУРАЙШИТЫ: ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ
СПРАВОЧНИК
(Предисловие)***

Повышенный интерес, проявляемый в настоящее время к исламу, вызвал широкий поток публикаций, посвященных истории зарождения, развитию и современному состоянию этой самой молодой из мировых религий. Не стала исключением и Россия, где в последние годы появились многочисленные труды, охватывающие практически весь спектр проявлений ислама: его доктрину и догматику, политическую культуру и социальную практику, этические и правовые нормы, ритуалы и обряды, литературу и искусство. Уже осуществлены десятки переводов текста Корана на русский язык, опубликованы оригинальные или переведенные с других языков комментарии и толкования (тафсиры) Священного Писания мусульман.

В книжных магазинах появились сборники хадисов (рассказов о жизни и деятельности Пророка Мухаммада), жизнеописания Пророка (сийар) и посвященные ему научные биографические исследования. Вышли в свет переводы трудов многих известных мусульманских историографов, философов, правоведов, признанных знатоков исламского вероучения (улемов). Все это обрушило на читателей, от профессиональных востоковедов и исламоведов до любителей истории и простых верующих, поток информации, которая столетиями накапливалась в недоступных ранее для россиян работах мусульманских авторов и зарубежных ориенталистов. Значительное место в них занимали имена и деяния тысяч людей, внесших свой посильный вклад в развитие исламской цивилиза-

*А.А. Алиев. Курайшиты: Историко-генеалогический справочник. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 480 с. Справочник является первым в отечественном востоковедении исследованием, посвященным изучению генеалогии родного для Пророка Мухаммада племени Курайш. Он содержит 57 родословных таблиц, представляющих все главные ответвления родового древа курайшитов с периода зарождения племени до этапа его постепенного распада после появления нового типа объединения арабов – мусульманской общины. Особое внимание уделено роду Пророка Мухаммада и его прямым потомкам – Алидам. Родословные курайшитов более позднего времени рассмотрены на фоне становления и развития первых мусульманских государств: Омейядского халифата со столицей в Дамаске (661–750) и Аббасидского (Багдадского) халифата (750–1258).

ции. Древние арабы с трепетом относились к своим предкам, тщательно изучали свои родословные (ансаб), сохраняли и передавали сведения о предшественниках последующим поколениям. Необходимость в изучении генеалогий и родственных связей (нисаб) видных фигурантов ранней арабо-мусульманской истории с течением времени не угасла, и эту задачу в той или иной степени успешно в свое время выполнили дотошные средневековые мусульманские авторы. Они прекрасно осознавали, что без знания генеалогий арабских племен сложно разобраться не только в обстановке, способствовавшей появлению ислама, но и в подоплеке политических событий, современниками которых они являлись.

Особое внимание при изучении родословных всегда было обращено на генеалогическое древо племени Курайш (Курейш), выходцами из которого были Пророк Мухаммад и его прямые потомки – Алиды (ал-'Алавийа, ал-'Алавийун), первые четыре халифа, именуемые «праведными» (хулафа' рашидуи), а также правители первых мусульманских династий – Омейядов (Умаййа, бану Умаййа) и Аббасидов (ал-'Аббасийун, бану ал-'Аббас), основавших государства (халифаты) на территориях, покоренных арабами-мусульманами в результате завоевательных походов. Важный стимул эти генеалогические исследования получили при втором «праведном» халифе Умаре б. ал-Хаттабе (634–644). Для установления известного порядка в распределении значительных поступлений в государственную казну (байт ал-мал) из стран, покоренных в ходе арабских завоеваний, он учредил (639/40?) специальную систему жалований. Были составлены списки (диван), куда вносились отдельные лица и племена, за которыми было признано почетное право на получение этих материальных средств. Главными критериями при отборе стали: принадлежность к курайшитскому роду Хашим (выходцем из которого был Мухаммад), степень родства с Пророком, время принятия ислама, участие в битвах против язычников и в завоевательных походах. Таким образом, вопрос о родовой принадлежности и семейно-родственных отношениях соплеменников Мухаммада и их потомков на долгие годы оказался тесно связанным с их материальным благополучием и социальным статусом.

Потребность в знании родословных объяснялась еще и тем, что в Арабском халифате и за его пределами неоднократно появлялись личности, которые обосновывали свои претензии на знатность, верховенство или власть указаниями на свое происхождение из почитаемых в мусульманском мире курайшитских родов.

История знает примеры, когда, ссылаясь на родственные связи с потомками Пророка Мухаммада, на поверку весьма сомнительные, а порой просто подложные, люди объявляли себя халифами, духовными предводителями-имамами или «полномочными представителями» Аллаха на земле. Были среди них и такие, которые развязывали опустошительные антиправительственные войны, собирая под свои знамена и ведя на смерть ради «светлого будущего» десятки тысяч введенных в заблуждение обездоленных людей.

В отечественном востоковедении и исламоведении работы, посвященные вопросам родословия, практически не появлялись. Единственными путеводителями по мусульманской хронологии и генеалогии на русском языке, способными хоть как-то заполнить образовавшуюся лакуну, долгие годы служили два справочника. Это труд английского нумизмата и ориенталиста Стэнли Лэн-Пуля «Мусульманские династии» (1894), опубликованный в переводе на русский язык академиком В.В. Бартольдом в 1899 г. и переизданный в 2004 г., и работа профессора Манчестерского университета К.Э. Босворта «Мусульманские династии» (1967), изданная в Москве в переводе П.А. Грязневича (1971). В последние годы ситуация несколько изменилась к лучшему: напечатан двухтомный труд К.В. Рыжова «Мусульманский Восток» (2004), изданный в серии «Все монархи мира», вышла в свет доведенная до XIV в. «Хронология мусульманских государств» азербайджанского исследователя А.А. Али-заде (Москва, 2004). Авторы указанных работ включили в свои труды хронологии, перечни и краткие генеалогические таблицы большинства правивших мусульманских династий. При этом они не затронули родословного древа аравийского племени Курайш.

Генеалогические таблицы главных курайшитских родов стали доступными отечественному читателю благодаря фундаментальному четырехтомному исследованию «История Халифата» видного российского арабиста О.Г. Большакова (т. I. 1989 г., с. 45), а также переводам монографии известного английского ориенталиста У.М. Уотта «Мухаммад в Мекке» (2006) и историко-географического справочника «Атлас биографии Пророка» (2008) современного арабского ученого Абу Халила Шауки. Однако эти специалисты ограничились отображением лишь главных ответвлений родового древа племени Курайш и совсем не затронули кровнородственные связи по женским линиям и брачно-семейные отношения курайшитов. Что касается средневековых мусульман-

ских авторов, то их труды, посвященные родословным представителям племени Курайш, как правило, представляют собой подробные, по различному принципу скомпонованные (по алфавиту, родам, времени принятия ислама и пр.) перечисления имен видных деятелей ранней мусульманской истории, среди которых приоритет отдается сподвижникам Пророка Мухаммада. В числе таких работ можно назвать известные биографические труды: «Гамхарат ан-насаб» Хишама ал-Калби (ок. 738–819 или 822); «Китаб ат-табакат ал-кубра» Ибн Сайда (784–845); «Ансаб ал-ашраф» Ахмада ал-Балазури (ок. 820–892/93); «Усд ал-габа фи марифат ас-сахаба» Ибн ал-Асира (1160–1233); «Китаб вафайат ал-а'йан» Ибн Халликана (1211–1282); «Тахзиб ат-тахзиб» и «Китаб ал-исаба фи тамйиз ас-сахаба» Ибн Хаджара ал-'Аскалани (1372–1449).

Происхождение и кровнородственные отношения многих курайшитов в трудах средневековых мусульманских авторов, а вслед за ними и более поздних исследователей, часто содержат противоречивые сведения. Причем речь при этом может идти не о второстепенных, а о главных фигурантах ранней истории ислама. К примеру, до сих пор так и остается под вопросом число дочерей Пророка Мухаммада, а также его сыновей, умерших в раннем детстве. До конца точно не определено количество заключенных им браков, прерванных до консумации (прежде, чем супруги разделили ложе), и имена этих женщин. Нет полной ясности относительно первых двух браков и рожденных в них детях Хадиджи бт. Хувайлид, вышедшей потом замуж за Мухаммада (595). Существуют две версии относительно ее возраста на момент этого замужества (25 и 40 лет). До сих пор не дан однозначный ответ и на вопрос, является ли подлинной родословная династии халифов Фатимидов (909–1171), причислявших себя непосредственно к потомкам Фатимы бт. Мухаммад, дочери Пророка. То же самое можно сказать об аббасидских халифах Египта (1261–1538), которых относят к потомкам либо багдадского халифа ар-Рашида (1135–1136), либо его брата Абу Бакра.

Так возникла идея подготовки справочника, в котором в графическом виде должна быть представлена по возможности подробная и точная генеалогия всех курайшитских родов с указанием на расхождения в имеющихся данных. Составленные в результате генеалогические таблицы было решено предварить кратко изложенным историческим материалом и сопроводить биографическими сведениями о самых заметных курайшитах времен

доисламского «невежества» (джахшийя), периода зарождения ислама и начальных этапов развития мусульманской цивилизации.

Справочник открывает вводный раздел «История племени Курайш». Он содержит краткую историографию древних аравийских государств. Здесь же освещается специфика развития племени Курайш и показан характер взаимоотношений между его кланами. История курайшитов прослежена со времени жизни их общего прародителя, предка Пророка Мухаммада в одиннадцатом поколении Фихра б. Малика б. ан-Надра (IV в. н.э.) вплоть до утверждения Омейядского халифата со столицей в Дамаске (660-е годы).

В основной раздел «Родословные курайшитов» помещены составленные автором 57 таблиц, содержащих графические отображения всех главных ответвлений генеалогического древа племени Курайш и состав его влиятельных семейных кланов времен джахилий и первых веков ислама. Начальный период арабо-мусульманской истории представлен родословными четырех «праведных» халифов: Абу Бакра (632–634), 'Умара б. ал-Хаттаба (634–644), 'Усмана б. 'Аффана (644–656) и 'Али б. Аби Талиба (656–661). Особое место отведено роду и прямым потомкам Пророка Мухаммада.

Каждая из таблиц, расположенных, насколько это было возможно сделать, в хронологическом порядке, предваряется, в зависимости от объема наличного фактографического материала, лаконичным комментарием и / или сжатым изложением основных событий данного исторического периода. В целом в таблицы помещено свыше 2000 имен курайшитов и членов их семей. К ним прилагаются краткие биографические сведения о наиболее известных из представленных в них персонажах, оговариваются их родственные связи. Справочник содержит более 1200 таких биографических описаний.

В «Послесловии» внимание уделено положению потомков курайшитов в арабо-мусульманском мире периода Средневековья. Здесь же приводятся примеры современных правящих династий, ведущих свои родословные от потомков Пророка Мухаммада.

Для удобства пользования справочник снабжен кратким словарем. Тем же целям служит Указатель имен и эпонимов аравийских племен, содержащий свыше 1400 имен, встречающихся в тексте, из которых более 900 принадлежат представителям племени Курайш и их потомкам.

При работе со справочником следует учитывать, что практически все сведения о курайшитах времен джахилии носят полужендарный характер. Данные биографического и фактографического характера о тех лицах, которые были современниками Пророка Мухаммада или жили в исламский период арабской истории, более точны, но и они не всегда могут претендовать на исчерпывающую достоверность.

Созданная Мухаммадом мусульманская община (умма) представляла собой новую форму единения людей, так как она строилась не на родоплеменной основе, а на базе вероучения ислама, обратившиеся в который люди становились равными вне зависимости от их расовых или этнических различий, материального достатка или общественного положения. После покорения мусульманами Мекки в 630 г. практически все курайшиты склонились к принятию ислама, и в дальнейшем многие из бывших врагов Мухаммада сыграли посильную роль в распространении и популяризации нового вероисповедания. Позднее происхождение человека из числа курайшитов фактически воспринималось как свидетельство его принадлежности к людям, исповедующим ислам. История племени Курайш как цельного этносоциального объединения на этом пришла к своему логическому концу. Все возникавшие после смерти Мухаммада разногласия, противоборства и войны чаще всего лежали уже в сфере не внутривременных расхождений, а религиозно-политических противоречий, династических противоборств и межгосударственных отношений.

В связи с этим в состав справочника не включены наследственные династии, ведущие свои родословные от потомков курайшитов: Омейяды Кордовы (Испания) (756–1031), Идрисиды Марокко (788–983), Алиды Табаристана (864–928), зайдитские имамы Рассиды, правившие в Йемене (897–1281, ок. 1591 – ок. 1776), Фатимиды Египта (909–1171), аббасидские халифы Египта (1261–1538), Сефевиды Ирана (1501–1736), правители-шарифы Мекки (967–1925) с их двумя родовыми ответвлениями – Хашимитов Ирака (1921–1958) и Иордании (с 1921 г. по настоящее время), а также Хасаниды Марокко (с 1631 г. по настоящее время). Исключение сделано для потомков 'Али б. Аби Талиба и Фатимы бт. Мухаммад (Алиды), а также для семейных кланов Умаййи (ст.) б. 'Абд Шамса и ал-'Аббаса б. 'Абд ал-Мутталиба. В случае с Алидами это вызвано тем, что с именем 'Али связано зарождение шиизма и появление в нем особого института имамата, а от его сына ал-Хусайна тянутся нити родословных шиитских имамов трех глав-

ных направлений – имамитов, исмаилитов и зайдитов. Что касается потомков Умаййи (Омейядов) и ал-'Аббаса (Аббасидов), основавших самые первые мусульманские династии, правившие в Омейядском (661–750) и Аббасидском (750–1258) халифатах, то на их борьбу за власть все еще продолжала оказывать воздействие принадлежность к разным родовым ответвлениям племени Курайш.

* * *

Существуют различные способы транслитерации арабских букв на русский язык. Для облегчения восприятия текста в данной работе при передаче арабских имен и слов не проставлены диакритические надстрочные и подстрочные знаки. Апостроф (') , обозначающий гортанную букву ξ ('айн), стоит в именах, но не используется в словах, употребляемых в русифицированном виде: Аббасиды, Алиды, исмаилиты (но ал-'Аббас, 'Али, Исма'ил). Обозначение хамзы (') при начальной букве олиф опущено, но сохранено в середине и конце имен и слов: Ахмад, Асма', му'аззин. Слова, не входящие в русский лексикон, арабские термины и выражения напечатаны курсивом. По возможности их русскоязычные окончания (падежные и множественного числа) переданы обычным шрифтом: во время хаджжа, ансары. Не используются русифицированные версии арабских имен и слов, содержащие йотированные гласные буквы и мягкий знак: Йах'йа, Иасриб, айт, артикль ал- (вместо Ях'йа, Ясриб. аят, аль-). «Обрусевшие» слова даны обычным шрифтом и в привычном виде: Коран, визирь, шииты (но мекканский храм Ка'ба).

Компоненты сложносоставных арабских имен, являющиеся частью «отчества» (насаб) и обозначающие «сын» или «дочь» такого-то (такой-то), переданы не в полном, а в сокращенном варианте – соответственно «б.» и «бт.», например: 'Али б. 'Иса, Лубаба бт. 'Иса. Составные личные имена, а также «прозвища» и почетные именованья (лакабы) представлены в форме, отображающей их раздельное написание в арабском языке, например: 'Абд ар-Рахман, 'Абд Манаф, Абу Лахаб, Имам ад-Дин. Исключение допущено лишь при воспроизведении двух личных имен: 'Абд Аллах и 'Убайд Аллах, которые в русском языке принято писать слитно – 'Абдаллах и 'Убайдаллах. Традиционная передача сохранена и для таких арабских имен, как 'Умар, 'Усман, Джалал, Лайла, ал-Хусайи, Са'ид, Мухаммад и др., вместо их более поздних ирано-

язычных или тюркизированных аналогов: Омар (Гумар), Осман (Гусман), Джалаля, Лейли, Хусейн (Гусейн), Сагид, Мохаммед (русифицированный вариант – Магомет). Исключение будут составлять принятое в отечественной востоковедной литературе написание имени родоначальника влиятельного курайшитского клана – Омейя (вместо более правильного Умаййа) и производные от этого эпонима названия: омейяды, династия Омейядов, Омейядский халифат и др.

В справочнике не использованы принятые в мусульманской литературе обязательные формулы благословения, сопровождающие имена коранических пророков, Мухаммада, его сподвижников, родственников и прямых потомков. Сделано это не по причине неуважительного отношения к почитаемым в исламе людям, а для того, чтобы не перегружать этими вставками насыщенные именами текст и таблицы.

В качестве обозначения религиозного статуса основоположника ислама используется устоявшееся в русском языке клише «пророк» – Пророк Мухаммад. При этом следует иметь в виду, что, согласно мусульманской догматике, Мухаммад, будучи последним из пророков («печатью пророков», хатим ан-набийин), прежде всего был посланником Аллаха (расул Аллах), т.е. занимал в иерархии людей, удостоившихся божественных откровений, более высокое положение, чем пророки.

Для удобства пользования справочником даты в нем даны по григорианскому календарю. В мусульманском летоисчислении параллельно указаны лишь даты важнейших событий в истории ислама (хиджра, 'ашура'). При наличии спорных датировок по возможности помещались имеющиеся варианты, но в большинстве случаев предпочтение отдавалось тем из них, что приводятся в «Истории Халифата» О.Г. Большакова и 12-томной Энциклопедии ислама (The Encyclopaedia of Islam (New edition). – Leiden: Brill, 1986–2004 гг.).

Автор выражает благодарность кандидату исторических наук Т.К. Кораеву за полезные комментарии и практические советы, а также Е.М. Большакову за компьютерную верстку генеалогических таблиц.

«Курайшиты: Историко-генеалогический справочник», М., 2012 г., с. 6–13.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2013 – 2 (248)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 6/II-2013 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,5
Тираж 500 экз. Заказ № 21

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9